

05
И-33

ИЗВѢСТИЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

(ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ).

№ 38.

Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ

Таврическая Губернская Типографія
1905.

05
И-33

ІЗВѢСТІЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕННОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ

(ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ).

№ 38.

Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича.

Балаклава. Крим. 1905.

Изд. 12

2166

СИМФЕРОПОЛЬ

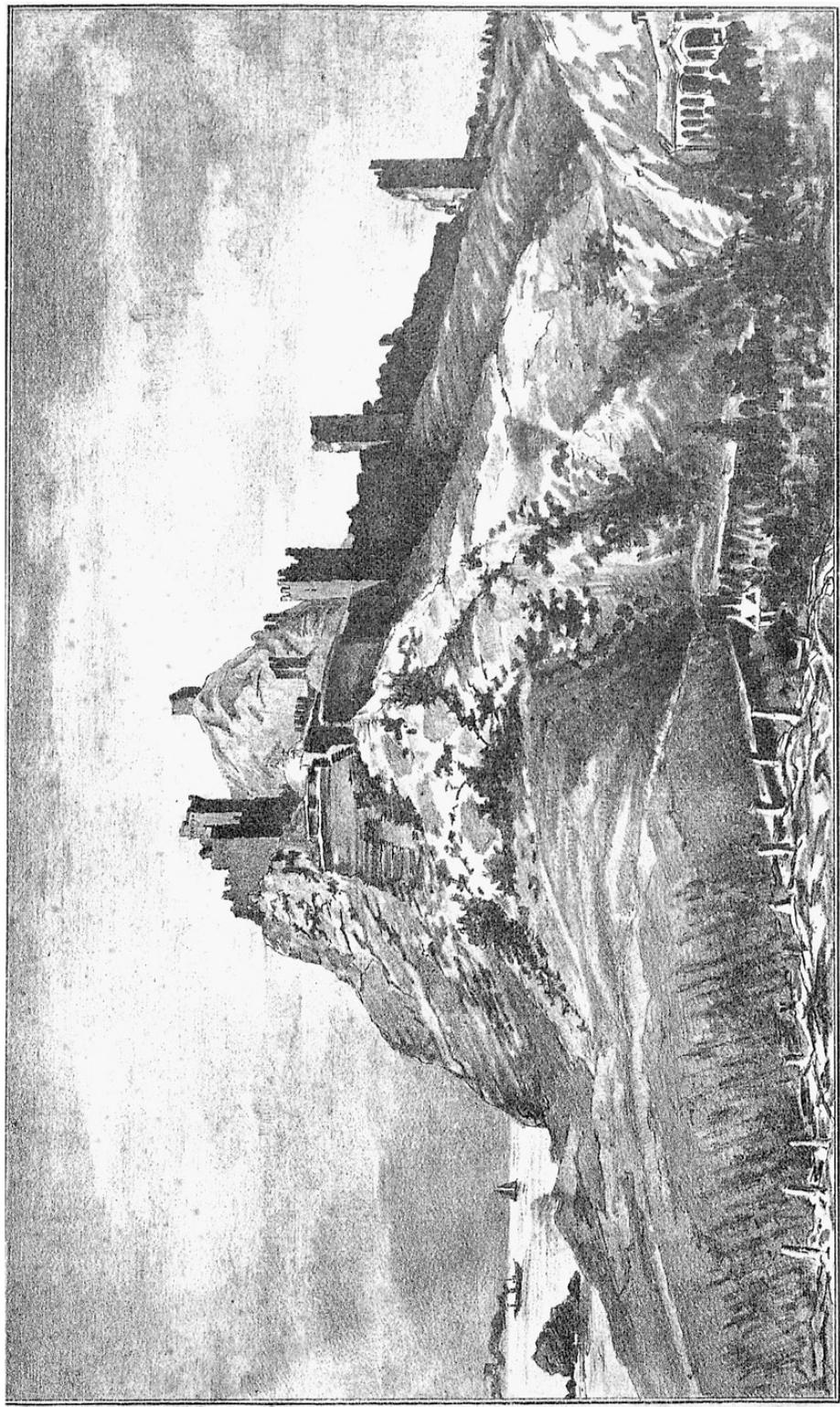
Таврическая Губернская Типографія
1905.

Печатано по постановлению Таврической Ученой Архивной
Комиссии 4 мая 1905 года.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТР.
I. Христофоро Ди-Негро, послѣдній консулъ Сольдана (съ рисункомъ). <i>Л. Колли.</i> - - - - -	1
II. Раскопки въ окрестностяхъ г. Севастополя. <i>Н. Печеникина.</i> - - - - - - - - - - -	29
III. Иванъ Ивановичъ Грапперонъ. Біографическій очеркъ. <i>Л. Колли.</i> - - - - - - - - - - -	38
IV. Подлинный портретъ Алима (съ рисункомъ). <i>Л. Колли.</i> - - - - - - - - - - -	48
V. Изъ воспоминаній о Крымской войнѣ. <i>В. Смирнова.</i> - - - - - - - - - - - - - - - - -	58
VI. О всемилостивѣйшемъ пожалованіи земли И. К. Айвазовскому. <i>А. Романюка.</i> - - - - -	70
VII. Замѣчательный памятникъ присоединенія Крыма къ Россіи. <i>А. Иванова.</i> - - - - -	75
VIII. Документы, поступившіе въ Таврическую Ученую Архивную Коммиссію отъ Батыръ мурзы Ширинского - - - - -	77
IX. Отчетъ о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи за 1904 годъ - - - - -	82
X. Протоколы засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи:	
а) 4 февраля 1905 года - - - - -	92
б) 4 мая 1905 года - - - - -	98

Sasbanur Gangau

ХРИСТОФОРО ДИ-НЕГРО, ПОСЛѢДНІЙ КОНСУЛЬ СОЛЬДАИ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ГЕНУЭЗСКОЙ СОЛЬДАИ.

1469—1475 г.г.

Знаменитое ученое генуэзское общество „Società Ligure di storia patria“ издастъ по временамъ, подъ названіемъ „Atti“, сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи генуэзской республики. Этотъ сборникъ раздѣляется на отдѣлы, между которыми, въ VII томѣ, собраны акты и бумаги временъ пребыванія генуэзцевъ на берегахъ Чернаго моря отъ XIII по XV столѣтіе. Изъ многочисленныхъ этихъ архивныхъ актовъ особенно выдѣляется своею важностью т. н. „Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri la signoria dell' ufficio di S. Giorgio“ (1453—1475).

Въ этомъ „Кодексѣ“ помѣщена, въ хронологическомъ порядке, вся переписка консуловъ и другихъ чиновниковъ Кафы и подчиненныхъ ей колоній съ „Попечителями“ знаменитаго генуэзскаго Банка. Здѣсь мы находимъ цѣлые процедуры тяжебныхъ дѣлъ и споровъ, пространные обвинительные и оправдательные акты, касающіеся дѣйствій тѣхъ или другихъ правящихъ лицъ черноморскихъ колоній. Неурядица въ дѣлахъ правленія, зависть и вражда партій, вѣроисповѣданій и національностей порождали множество доносовъ, изъ-за которыхъ часто должны были оставлять службу и отправляться въ метрополію честнѣйшіе, ни въ чемъ неповинные люди для своего оправданія предъ судомъ. Этими расприами наполнены многія изъ дѣлъ *Codice*.

Одинъ изъ членовъ Лигурійскаго Общества въ VII томѣ „Atti“ разбираетъ эти дѣла, выдѣляя изъ нихъ шесть болѣе выдающихся въ историческомъ отношеніи, въ статьѣ

подъ заглавіемъ: „Discorso storico sulle quistioni private“ *). Несмотря на высокій интересъ, который представляютъ для любителя исторіи нашего Крыма эти „*ръчи*“ генуэзскаго рецензента, намъ невольно приходится ограничиться пока изложеніемъ здѣсь *дѣла послѣдняго сольдайскаго консула Ди-Невро.*

Для болѣе яснаго представлениа о нѣкоторыхъ деталяхъ этихъ документовъ, позволяемъ себѣ, въ видѣ вступленія къ ихъ анализу, вкратцѣ описать положеніе Сольдайской колоніи въ послѣдніе годы ея администраціи, именно: съ 1469 по 1475 г.

I.

Сольдайскій округъ.

Первая и важнѣйшая изъ второстепенныхъ, зависи-
мыхъ отъ Кафы, генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ
безспорно была Сольдая. Хотя нѣтъ на это въ исторіи ни-
какихъ точныхъ указаній, но можно предполагать, что
учрежденіе ея было почти одновременно съ основаніемъ
Кафы; еще много лѣтъ до уступки Оранъ-Тимуръ-ханомъ
пространства земли на берегу Феодосійской бухты генуэз-
цамъ, италіанцы имѣли въ Сольдаѣ торговыя конторы
(факторіи) **).

Населеніе сольдайской колоніи было довольно много-
численно, и задача консула требовала съ его стороны не-
сыпной дѣятельности. Подвѣдомственная ему территорія
съ 18 деревнями простиралась отъ Козъ до Алупты. Уступ-
ленная генуэзцамъ по договору съ Тохтамышемъ въ 1380
году ***), вся эта береговая полоса была населена греками
и татарами, народомъ трудолюбивымъ, земледѣльцами, ви-
ноградарями, огородниками, овцеводами. Современемъ къ
этому элементу присоединились армяне и италіанцы — тор-
говцы, землевладѣльцы, арендаторы. Для религіозныхъ по-

*) Atti della Societ  Ligure. Vol. VII. p. II. 495.—(Къ сожалѣнію, эти
статьи безъ обозначенія фамиліи автора).

**) Уже въ 1250 г. венецианецъ Андреа Поро, братъ известнаго путе-
шественника Марко Поро, имѣлъ въ Судакѣ торговыи домъ. См. „Le livre
de M. Polo“, introd. p. III, édit. M. G. Pauthier, Paris, 1875.

***) Giustiniani. Annali di Genova. F. Lagorio, Abr g  historique du com-
merce de la Tavride. Odessa 1830. p. 81.

требностей жителей болѣе многолюдныхъ деревень, кромѣ мусульманскихъ мечетей и дѣками, встрѣчались христіанскія, греческія и армянскія церкви и часовни, развалины которыхъ до сихъ поръ замѣтны въ Козахъ, Судакѣ, Улу-Юзенѣ, Куру-Юзенѣ и др.

Изъ архивныхъ документовъ банка св. Георгія не видно, чтобы татары взносили въ сольдайское казначейство какія либо подати. Ими управлялъ такъ называемый „тудунъ“, начальникъ—представитель хана, лицо весьма важное, съ которымъ генуэзцы должны были считаться *). Христіанская часть населенія—греки, армяне, италіанцы,—платила въ консульство повинность деньгами и натурой, преимущественно виномъ.

Какія именно деревни входили въ районъ управлінія Сольдаи, въ договорѣ 1380 года не указано, хотя можно полагать, что онѣ почти тождественны съ деревнями, встрѣчающимися еще въ наше время въ полосѣ отъ Алушты до Козъ. На картѣ черноморского побережья, составленной венеціанцами въ VIII столѣтіи, копія которой приложена къ рукописи извѣстнаго сочиненія Н. Н. Мурзакевича **), показаны только Козъ, Судакъ, Ускютъ и Алушта. „Нельзя не сожалѣть, справедливо говоритъ П. Кеппенъ, что эти мѣстности не поименованы въ договорѣ 1380 года“ ***). Нѣкоторые ученые, Десимони въ Генуѣ ****), Брунъ въ Одессѣ *****), занимались послѣ Кеппена выясненіемъ этого вопроса и пришли къ заключенію, что 18 деревень (*dixoto casay*), уступленныя татарами генуэзцамъ и принадлежащиа къ Сольдаѣ, должны были быть однѣ и тѣ же съ тѣми, которыя, еще до заключенія договора съ представителемъ Тохтамыша между 1365 и 1380 годомъ были отняты у генуэзцевъ извѣстнымъ монгольскимъ вождемъ Мамасомъ. Нельзя не признать также весьма правдоподобнымъ мнѣніе Кеппена, что „эти деревни тѣ же самыя, которыя, послѣ паденія генуэзскаго владычества въ Тавридѣ, вошли въ районъ Судакскаго турецкаго кадылыка“. Въ своемъ „Сборникѣ“ Кеппенъ ихъ перечисляеть въ слѣдующемъ порядке:

*) *B. Л. Смирновъ.* „Крымское Ханство“, стр. 39—40. *Брунъ.* „Черноморье“, II, 212—213. Зап. Од. Общ. Ист. и Др. V, 830.

**) Рукопись соч. *Мурзакевича* и карта хранятся въ библіотекѣ Оеодосійскаго музея. На этой картѣ деревня Scuti (Ускютъ) обозначена „Schuti“.

***) „Крымский Сборникъ“, стр. 86.

****) „Nuovi studii“ sull’ Atlante Luxoro. Atti, vol. V. 254—55.

*****) „Черноморье“ и „Giornale Ligustico, anno 1, p. 347,

Кадылыкъ Судакскій *):

Городъ Судакъ.

Деревни:

Алушта,	Ариатъ,
Шума,	Шелень,
Корбеклы,	Воронъ,
Демирдѣжи,	Айсересь,
5. Улу-Езенъ,	15. Кутлакъ,
Куру-Езенъ,	Токлукъ,
Ключокъ-Езенъ,	Козъ,
Туакъ,	Таракташъ,
Ускють,	19. Суукъ-Су.
10. Капсхоръ,	

Къ этому списку Кеппена прибавляется: „Если-же въ 1365 г. къ Судаку принадлежало 18, а въ 1774 году 19 селений, то быть можетъ, что одно въ 1380 г., при заключеніи договора, было разорено и токмо въ послѣдствіи времени возобновлено (напр. Капсхоръ)**), или-же одна изъ 19-ти деревень въ XIV вѣкѣ не принадлежала еще къ окружью Судакской. Въ послѣднемъ случаѣ это могла быть Алушта или Суукъ-Су“.

Это послѣднее заключеніе Кеппена положительнымъ образомъ подтверждается нѣкоторыми мѣстами архивныхъ актовъ „Codice“, изъ которыхъ явствуетъ, что Алушта не входила въ группу уступленныхъ въ 1380 году генуэзцамъ мѣстностей. Ди-Негро, послѣдній сольдайскій консулъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній протекторамъ о разбойническихъ дѣйствіяхъ генуэзскихъ помѣщиковъ ему подвластного Ускюта въ ущербъ владѣльцу Алушты (*al signore di Lusta*)***), видѣть въ этихъ поступкахъ поводъ къ возникновенію *casus belli* со стороны „оскорбленныхъ пограничныхъ владѣтелей Готеи“ (*dei vicini sovrani della Gozia*): „и Боже упаси (*e Dio non voglia*), чтобы это случилось!“

Что касается до Суукъ-Су, то топографическое положеніе этой деревушки, лежащей между сосѣдними съ Судакомъ деревнями (Токлукъ, Козъ, Таракташъ, Кутлакъ),

*) „Кр. Сборникъ“, стр. 78.

**) По словамъ Палласа Капсхоръ значитъ „погорѣлое мѣсто“. На новогреческомъ *Καψιμον*—пожаръ, а *Χωρειδոν*—деревня“. Примѣч. Кеппена, оп. cit. 86.

***) *Atti, „Discorso storico“, vol. VII, 518.*

настолько естественно и тѣсно соединено съ бассейномъ судакскихъ водъ, что, по нашему мнѣнію, мѣстность эта не могла не войти въ административный районъ генуэзской Сольдаи.

Относительно Капсхора позволяемъ себѣ замѣтить, что одно этимологическое значеніе его названія не можетъ быть принято для доказательства его несуществованія въ XIV^вѣкѣ. Наоборотъ мы скажемъ, что благодарное въ климатическомъ отношеніи и живописное топографическое положеніе Капсхора, при обильномъ количествѣ питьевой воды вблизи морского берега, можетъ служить вѣскимъ доказательствомъ давняго существованія этой татарской деревни. Если нѣкогда, судя по значенію ся названія, она была уничтожена пожаромъ *), то очутившіеся безъ кровли погорѣлцы несомнѣнно поспѣшили возстановить свои жилища нацелевищѣ родныхъ очаговъ.

Далѣше въ этой статьѣ читатель встрѣтить еще нѣсколько названій деревень, существовавшихъ въ Крыму въ XIV^в столѣтіи и о которыхъ упоминается въ „Содіс“ св. Георгія. Одни изъ нихъ сохранились до сихъ порь безъ измѣненія, названія другихъ деревень преобразованы съ татарскаго на италіанскій ладъ, названія же третьихъ до того неузнаваемы, что теряешься въ догадкахъ при желаніи опредѣлить ихъ географическое положеніе. Тщетно отыщете на нынѣшнихъ картахъ Крыма такія названія деревень, какъ: *Tasili, Отайхи, Карагай, Марти, Капака* и др., 400 лѣтъ тому назадъ лежавшихъ въ окрестностяхъ Судака, между тѣмъ какъ легко узнаете на средневѣковыхъ картахъ *Ортолако* (Ортоланъ), *Сартана*, *Скути*, *Луста*, *Горзо*, *Ялита*, *Сольдая*. Подобное исчезновеніе цѣлыхъ деревень изъ картографіи области, испытавшей столько превратностей судьбы, видавшей столько племенъ и языковъ, не должно настъ удивлять, хотя и нельзя намъ не сожалѣть объ отсутствіи какихъ-либо указаній ихъ географическаго мѣстоположенія. Въ генуэзскихъ документахъ объ окрестныхъ съ Судакомъ мѣстностяхъ, какъ *Шеленъ, Ай-Гава, Суукъ-Су*, нѣть никакихъ намековъ, между тѣмъ мы не можемъ допустить, чтобы эти селенія не существовали при генуэзцахъ, въ то время, когда населеніе этой области было гораздо многолюднѣе, чѣмъ теперь. Вѣроятная причина этому та, что при генуэзцахъ эти мѣста носили другія, греческія или латинизи-

*) Кеннингъ, op. cit., примѣч. 86.

рованныя наименованием, преобразованная впослѣдствіи турецкими административными властями. Про Суукъ-Су, напримѣръ, склоняемся думать, что эта деревушка и генуэзское урочище (*casal*) *Caraghai* тождественны, такъ какъ нынѣшняя казенная лѣсная дача *Карагачъ* находится тутъ же вблизи и господствуетъ надъ Суукъ-Су и Таракташемъ. Какъ нынѣ, такъ и при генуэзцахъ, *Caraghai* была весьма незначительной деревушкой, состоявшей всего изъ пяти хижинъ (*cinque miserabilissime capanne*) *).

Такое же предположеніе можемъ мы сдѣлать о мѣстности *Tassili*, укрѣпленномъ замкѣ, передовомъ бастіонѣ между Сольдаю и Ускютомъ. Гдѣ именно расположено было это генуэзское укрѣпленіе, трудно указать, такъ какъ нынѣшнія названія этой полосы—татарскія. Судя по выраженіямъ, встрѣчающимся въ архивахъ Сольдаи, *Tassili* былъ фортомъ довольно внушительнымъ, съ башнями, стѣнами и рвами, и потому должны были бы гдѣ-нибудь сохраниться, между Судакомъ и Ускютомъ, нѣкоторые следы отъ этого важнаго сооруженія (*il forte di Tassili questo baluardo contro i nemici*) **); между тѣмъ никакихъ другихъ развалинъ на этомъ пространствѣ не встрѣчается кромѣ *Чобанъ-кале*. По нашему мнѣнію, одиноко торчащая на пустынномъ холмѣ надъ моремъ, между Кансхоромъ и Ускютомъ, башня есть остатокъ бывшей генуэзской крѣпости *Tassili*.

II.

Штатъ служащихъ въ Сольдаѣ.

Послѣ Кафы, этой „жемчужины Чернаго моря“, какъ ее называли нѣкоторые иностранные писатели, пріоутившіяся вокругъ нея менѣїтія по населенію генуэзскія колоніи распределѣлись, по мѣрѣ ихъ важности, въ слѣдующемъ порядке: *Сольдая* (Судакъ), *Чембало* (Балаклава), *Тана* (Азовъ), *Самистро* (важный пунктъ анатолійскаго берега, недалеко отъ Босфора), *Розія* (южный берегъ Крыма), *Восторо* (Керчь), *Савастополи* (Сухумъ-Калѣ), *Синопъ*, *Требизондъ* и *Копа* (остр. Тамань) ***).

*) Atti. Vol VII, 514—15.

**) Op. cit., vol. V. 511.

***) „Le colonie minori“. Atti, vol. VII, 901.

Всѣ эти колоніи въ административномъ, военномъ и финансовомъ отношеніи подчинены были каждой своему консулу—правителю, который, въ свою очередь, состоялъ подъ верховною властью кафинскаго консула. Всѣ решения и распоряженія каждого въ отдельности консула направлялись въ Кафу для просмотра и окончательной санкціи консула и совѣта старшинъ (*il consilio di anziani*) таврической метрополіи.

Консулы избирались въ Генуѣ до 1455 года сенатомъ республики, послѣ же этой даты правленіемъ Банка св. Георгія. Согласно порядку, установленному давнѣйшимъ закономъ, они избирались всего на одинъ годъ. Такъ какъ въ Генуѣ бразды правленія государствомъ часто мѣнялись и переходили отъ одной партіи къ другой *), то правители колоній назначались поочередно то изъ дворянъ, то изъ племенъ. Хотя въ архивахъ св. Георгія нигдѣ не упоминается въ буквальномъ смыслѣ обѣ этомъ законѣ, но изъ многихъ мѣстъ современныхъ документовъ видно, что этотъ порядокъ былъ тождественъ для всѣхъ мѣстностей, подвластныхъ правительству республики въ Архипелагѣ, равно какъ въ Сиріи и на Черномъ морѣ **).

Объ окладѣ содержанія консуловъ изъ „Statutum Caphae“ узнаемъ, что сольдайскій консулъ напримѣръ (тл. LXXVII) получалъ ежегодно 50 сommъ *** жалованья (ст. 466). Сверхъ этого казна платила ему, какъ воинскому начальнику (*pro castellania*), 25 сommъ и столько же какъ управляющему гражданской, т. е. финансовой и юридической частью (*pro ma-*

*) См. „Histoire de la République de Gênes“ par le chevalier De Mailly. 1697. Мурзакевичъ, „Історія ген. поселеній въ Крыму. 1830 г. и др.

**) Atti. I consoli di Soldaia, 903.

***) Обѣ этой монетѣ Н. И. Мурзакевичъ въ „Зап. Од. Имп. Общ. Ист. и Др.“ дасть намъ слѣдующее объясненіе: (Т. VIII, стр. 153—55). „Summi de Caffa, называемые иначе *suumi currentes de Caffa* и *summi argenti de Caffa*. Первоначально это были безъ сомѣнія рубленные куски серебра или древніе русскіе рубли, но чаще ими означали извѣстный вѣсъ или сумму серебра, которая равнялась 150 до 200 аспровъ по курсу. Название *sommo* вѣроятно происходитъ отъ итальянскаго *soma* вѣсъ, тяжесть, которое пишется полатини *sauta*. Такъ какъ монголы называли русскіе рубли *caumamis*, то они очевидно познакомились прежде съ тунузскими, чѣмъ съ русскими рублями. Генуэзскіе соммы были въ обращеніи въ сосѣднихъ съ Крымомъ земляхъ, ихъ знали въ Литвѣ, гдѣ они ходили подъ названіемъ „рублей фригскаго серебра“. Подъ именемъ фриговъ (въ Турціи „франки“) едва ли можно понимать кого-либо другого кромѣ генуэзцевъ, такъ какъ другіе фриги не имѣли рублей“.

saria et capitania) (ст. 467 и 478). Кроме этого содержанія строго запрещено было консулу извлекать для себя какиелбо другіе доходы. Напримѣръ, на основаніи ст. 470 положенія, консулъ не смѣть заниматься ни виноторговлею, ни землепашествомъ подъ угрозою штрафа. Однако нѣкоторые сольдайскіе консулы, согласно данному имъ изъ Генуи праву, могли продавать изъ казеннаго погреба вино, но отнюдь не своимъ подчиненнымъ, служащимъ въ крѣпости, а только торговцамъ и исключительно большими партіями *).

При своемъ назначеніи на должностъ сольдайскій консулъ долженъ былъ внести впередъ въ главную кассу Банка залогъ въ 2000 венеціанскихъ флориновъ. Эта цифра указана въ рапортѣ за 1469 годъ, но въ слѣдующихъ годахъ она была еще увеличена. Кроме этого предварительного взноса, изъ суммы жалованья консула удерживался окладъ за 13-й мѣсяцъ, до прибытія на мѣсто въ Сольдаю слѣдующаго консула, за которымъ считалась эта сумма **). Къ этому консулъ вносилъ еще 100 лиръ налога за должностъ.

Послѣ исполненія всѣхъ этихъ обязательствъ, консулъ въ торжественной обстановкѣ, въ присутствіи всѣхъ собранныхъ въ залѣ палаты попечителей (*curatares seu protectores*), присягалъ надъ Евангеліемъ на вѣрность и безпредѣльную преданность правительству республики или Банку св. Георгія ***).

Какъ мы уже говорили, консулъ, согласно давно установленному порядку, избирался на одинъ годъ. Между тѣмъ, по нѣкоторымъ государственнымъ соображеніямъ, въ послѣдніе годы генуэзскаго владычества въ Крыму эта статья не всегда могла быть примѣнена. Смотря по обстоятельствамъ, сами попечители увеличивали срокъ консульской службы до двухъ, даже до четырехъ лѣтъ, какъ это случилось съ послѣднимъ консуломъ Сольдаи, Ди-Негро.

Власть консула или инвеститура его право ограничена была предѣлами колоніи, и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ обязанъ былъ сноситься съ консуломъ или съ высшими чиновниками въ Кафѣ. Они и утверждали или кассировали его постановленія. Они также передавали ему *de jure* распо-

*) „Statutum Caphae“ гл. LXXVII. De ordine Soldaie, 486. Atti. 655.

**) Какъ напр. случилось съ консуломъ Агостино Адорио (1460 г.).—Atti, 908, vol. VII.

***) I consoli di Soldaia. Atti, 903.

ряженія верховной генуэзской палаты. Случалось однако, что попечители непосредственно присыпали свои именные приказы заинтересованному титуляру. Въ 1457 году, напр., консулы Сольдаи и Чембalo, вѣроятно вслѣдствіе противу-законныхъ дѣйствій ихъ предшественниковъ, получили пря-мо отъ попечителей разрѣшеніе отрѣшать своихъ подчи-ненныхъ на нѣкоторое время или даже совсѣмъ отъ должно-сти. Преступныя дѣйствія консуловъ и другихъ служащихъ часто строго провѣрялись, какъ явствуетъ изъ многихъ документовъ Codice.

Крѣпость состояла изъ двухъ частей или замковъ, верхняго и нижняго, святого Креста и св. Ильи, подъ начальствомъ двухъ отдельныхъ офицеровъ или кастеляновъ (*subcastellani*) съ мѣсячнымъ жалованьемъ по 300 аспровъ каждому. Обязанностью кастеляновъ было безотлучно находиться на своихъ постахъ. Немедленно послѣ захода солнца кастелянъ, подъ угрозою линченія жалованья или да-же увольненія, обязанъ былъ находиться въ предѣлахъ своего замка до разсвѣта (*teneatur immediate post occasum solis se reducere in dicto castro, de quo exire non possint tota nocte usque ad ortum solis*). Назначенные на эту должностъ люди не могли быть изъ уроженцевъ или гражданъ сольдайской ко-лоніи. Они также, какъ и всякой служащей въ крѣпости, не должны были происходить изъ сословія невольниковъ или вольноотпущенниковъ. Подчиненная имъ стражка (*secii*) со-стояла въ замкѣ св. Креста изъ восьми, а въ замкѣ св. Ильи изъ четырехъ человѣкъ. Кромѣ этихъ унтеръ-офице-ровъ, въ двухъ замкахъ, для дневныхъ иочныхъ карау-ловъ въ башняхъ и на стѣнахъ крѣпости, былъ взводѣ изъ 20 солдатъ (*stipendiarii*), на содержаніе которыхъ отпускалось 2,170 аспровъ ежемѣсячно.

Полицейскія обязанности исполняли восемь верховыхъ аргузіевъ (*arguxii*) за 120 аспровъ въ мѣсяцъ на всѣхъ.

Кромѣ 2 служителей, получавшихъ 40 аспровъ мѣсяч-наго жалованья, безотлучно при консулѣ состоять одинъ оруженосецъ (*cavallero*), на обязанности которого лежало открытие и закрытие воротъ крѣпостного торжища (*qui teneatur facere aperiendi et claudiendi (sic) hostium bazalis soldae* (ст. 477). Онъ получалъ 18 соммъ кафинскихъ въ годъ.

На основаніи уставовъ 1387 и 1431 г. въ Сольдаѣ кан-целярскую работу исполнялъ нотаріусъ или писецъ (*notaria-rius seu scriba unus idoneus*) за ежегодную плату въ 20 каф.

сommъ. Сверхъ этого ему полагалось взыскивать въ свою пользу пошлину за составленіе для частныхъ лицъ нотаріальныхъ и проч. актовъ. Подобно тому какъ консулъ назначался всего на годъ, такъ и єтотъ канцелярскій писецъ избирался мѣстными гражданами только на время пребыванія консула въ Сольдаѣ. Къ канцеляріи (*curia*) причисленъ былъ еще (ст. 490) одинъ чиновникъ для специального веденія дѣлъ на греческомъ языкѣ (*scriba unus litterarum grecarum*), что указываетъ на значительную численность населенія греческой національности. Здѣсь же служилъ еще драгоманъ, знакомый съ латинскимъ, греческимъ и татарскимъ языками (*interpres unus sciens linguam latinam, grecam et tartaticam, qui teneatur fideliter interpretare*) (ст. 488). Ётотъ послѣдній, въ виду важности его обязанностей, получалъ солидное содержаніе въ 150 аспровъ въ мѣсяцъ.

Медицинскою частью завѣдывалъ (ст. 489) брадобрей-хирургъ (*barberius doctus in arte chirurgica*), который, кромѣ вознагражденія за каждую имъ произведенную операцио, получалъ 180 аспровъ.

Въ мелкихъ служащихъ для крѣпости не было недостатка, тѣмъ болѣе, что многие платили повинность натурою или трудомъ. Ихъ контингентъ пополнялся постоянно тутъ же въ Судакѣ изъ жителей колоніи.

III.

Христофоро Ди-Негро, послѣдній консулъ Сольдаи.

(1471—1475 г.г.)

Незавидно было положеніе этого честнаго, способнаго, дѣятельнаго и вполнѣ достойнаго сольдайскаго правителя, боровшагося мужественно до послѣдняго вздоха за правду и вѣрность своему долгу. Четыре года, не покидая своей скалы, боролся Ди-Негро съ закономъ въ рукахъ противъ окружавшей его со всѣхъ сторонъ полной несправедливости. Не ради почестей и наградъ боролся онъ со всею энергию неподкупнаго и непоколебимаго судьи. Торжество закона и правды считалось для него высшою наградою. Послѣ четырехъ лѣтъ бѣрьбы перомъ и словомъ онъ, если вѣрить лѣтописцамъ, умеръ съ мечемъ въ рукѣ, во главѣ

послѣднихъ защитниковъ крѣпости св. Ильи, на панерти часовни *своей* Сольдаи *).

Дворянинъ Христофоро Ди-Негро избранъ былъ консуломъ Сольдаи совѣтомъ попечителей Банка св. Георгія 27-го августа 1471 года на мѣсто отѣвѣжавшаго на родину плебейца Бартоломео Сантаброджіо и немедленно вступилъ въ управление колоніи, хотя патентъ его датированъ 13-мъ июля 1472 года. Но важныемъ политическимъ, какъ вѣнчанимъ, такъ и мѣстнымъ, причинамъ, законъ объ ограничніи однимъ годомъ консульской службы не могъ быть для него въ точности соблюденъ, и Ди-Негро получилъ приказъ сохранить свой постъ еще на годъ. Въ слѣдующемъ 1473 году, несмотря на почти невозможное исполненіе его распоряженій, верховный совѣтъ Банка избралъ въ сольдайское консульство плебейца Мелькіоне Джентиле, который, вѣроятно въ виду физической невозможности занять этотъ постъ, отъ этой части отказался и остался въ Генуѣ. Такимъ образомъ, Христофору Ди-Негро невольно пришлось дѣльше вести дѣла колоніи до дня послѣдней борьбы, т. е. до появленія подъ стѣнами крѣпости св. Ильи полчищъ Ахмета-Гіедика паши **). Въ эти послѣдніе годы (1470—75 г.) совѣтъ попечителей дѣлалъ все возможное для поддержанія сношеній со своими колоніями на Черномъ морѣ, но условія для этого стали все болѣе и болѣе невыполнимыми. Султанъ Магометъ II закрылъ Дарданеллы для генуэзскихъ судовъ. Уже давно кафинскій совѣтъ правителей не былъ въ состояніи вести правильную переписку съ Банкомъ: турки, въ союзѣ съ татарами, все болѣе тѣснили генуэзскія владѣнія на Черномъ морѣ (*omnia nostra loca maris Majoris*). Уже 2-го апрѣля 1462 г. кафинскій совѣтъ и консулъ Рафаэле Монтероссо отправили посольство, съ просьбою о покровительствѣ, къ польскому королю Казиміру ***). Въ своемъ посланіи кафинскіе правители подробно излагаютъ печальное политическое положеніе Черноморья, частью уже завоеванного турками, частью преданного на неминуемую гибель. Умоляютъ они Казиміра спѣшить на помощь христіанамъ (*nos cristiani in medio infidelium, quod est mirabile, constituti*). Одинъ еще остался городъ Кафа, да двѣ крѣпости (Сольдая и Чембало) для защиты интересовъ христіанства на Чер-

*) Giustinian. „Annali di Genova“, lib. V.

**) Atti, стр. 911.

***) Приложеніе къ „Codice“. Doc. XIV, Atti, 468.

номъ морѣ (nos, hoc est caffa, sola cristianorum urbs cum duobus nostris oppidis in hoc toto mari pontico remansimus). Въ случаѣ принятія королемъ ихъ просьбы уговорить султана и повліять на татарскаго хана, правители обѣщаютъ помочь ему всѣмъ возможнымъ, и деньгами и дѣломъ (in omni denique re, sive cum pecunia, sive per opera, per quam nobis, hoc est caffa, auxilia et favores preberi possunt). Но каждый день приносилъ новыя тревоги. Изъ Италіи, равно какъ изъ Крыма, гонцы съ порученіями отправлялись сухимъ путемъ; одни умирали въ дорогѣ, другіе черезъ пять-шесть мѣсяцевъ съ трудомъ добирались до назначенія. Консулъ Ди-Негро, въ сольдайскомъ замкѣ св. Ильи, съ высоты своей скалы, не смотря на столь затруднительное положеніе, не унывалъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ управлять своимъ окружомъ, взималъ подати, составлялъ нотаріальныя акты, судилъ, наказывалъ и прощалъ, вель оживленную переписку съ Кафою.

Въ самомъ дѣлѣ, въ это время для честнаго правителя, чтобы удержать въ рамкахъ закона столь разношерстное и беспокойное населеніе, требовалось не мало энергіи и административной способности. Споры и тяжбы съ казною, особенно изъ-за уплаты податей, шли безъ конца, и часто приходилось консулу прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ противъ отказовъ безсовѣстныхъ плательщиковъ. Процессы о взысканіи повинностей нѣкоторыми богатыми землевладѣльцами тянулись по нѣсколько лѣтъ. Вѣднѣйшіе изъ крестьянъ, не будучи въ силахъ внести десятину натурою или деньгами, обязаны были по закону, нѣсколько дней въ году, осенью или зимою, исполнять должностъ ночныхъ часовыхъ на башняхъ и стѣнахъ крѣпости. Другіе, по мѣрѣ своихъ способностей, работали въ казенныхъ виноградникахъ, собирали виноградъ и давили вино, или исполняли работы плотниковъ, колесниковъ и т. п. Упрямыхъ должниковъ при этомъ во всѣхъ колоніяхъ встрѣчалось не мало. Чувствуя безсиліе своихъ правителей, нѣкоторые генуэзцы - землевладѣльцы и арендаторы всѣми путями старались оттягивать платежи. Они, быть можетъ, были тайно осведомлены о штаткомъ положеніи колоній: „за что, говорили они другъ другу, намъ платить Банку деньги, когда завтра явится турокъ, который все заберетъ себѣ?“

Не только въ Сольдаѣ, но и по всему черноморскому

побережью, въ генуэзскихъ колоніяхъ, оставленныхъ метрополею, такъ сказать, на произволъ судьбы, господствовала величайшая анархія. Бессильныя части администраціи враждовали между собою, и этимъ раздоромъ пользовались недобросовѣстные колонисты. Честный—ихъ было очень мало—чиновникъ, судья, сборщикъ податей встрѣчалъ у своего начальника только отказъ или молчаніе. Вѣдьма часть населенія, и безъ того уже сильно страдавшая отъ неурожая 1463—1464 гг., очутилась въ полномъ произволѣ полицейскихъ и судебныхъ чиновниковъ—взяточниковъ *). Хлѣбъ сильно вздорожалъ. Ощущалась сильная нужда и во всѣхъ остальныхъ жизненныхъ припасахъ, и не откуда было ихъ достать (*viso etiam manchamentum victualium quod habemus*) **). При столь печальному положеніи вещей неудивительно становится для настъ, что множество искателей быстрой наживы, мошенниковъ и хищниковъ, презирали законы и не признавали никакихъ властей, тѣмъ болѣе, когда среди этихъ послѣднихъ находили они покровителей и соучастниковъ.

Въ самой Кафѣ эти охотники до чужого и казеннааго добра ***) встрѣчали въ своихъ дѣйствіяхъ упорное противодѣйствіе въ зоркомъ наблюденіи за ними нѣкоторыхъ мѣстныхъ высшихъ правителей. Во второстепенныхъ же колоніяхъ, отдаленныхъ отъ центрального надзора правосудія (Кафа), встрѣчалось не мало такихъ „кулаковъ“, имена которыхъ сохранила исторія.

Въ первые годы управлениія генуэзскими колоніями въ Хазаріи Банкомъ св. Георгія (1455—56 г.), около Дуная, напр. близъ Килійскаго устья и недалеко отъ Мокастро ****), въ замкѣ Лериче, жили четыре брата Сепарега, граждане Генуи. Обладая громаднымъ богатствомъ, Сепарега возбудили зависть въ жителяхъ Мокастро, которые, въ числѣ до шестидесяти, прикинувшись рыболовами, подплыли къ Лериче, ворвались въ него, овладѣли замкомъ съ братьями Сепарега и похитили 10,000 венецианскихъ дукатовъ. Ни молдавскій господарь Петръ IV, властитель Мокастро, ни Банкъ св. Георгія, ни консулъ Кафы, къ помощи котораго обратились потерпѣвшіе, несмотря на всѣ увѣщеванія и

*) F. Lagorio. „Rевolutions . . .“ 100—105.

**) „Codice“, Doc. CL, abr. 1455.

***) „Codice“—письмо Ди-Негро къ протекторамъ.

****) Мокастро—нынѣ Аккерманъ.

требованія, не могли возвратить Сепарегамъ утраченный замокъ. Объ исполненіи рѣшенній воеводы, Банка и кафинскаго консула никто не заботился. Посланной изъ Кафы въ Днѣпровскій лиманъ галерѣ оказанъ былъ самый непріязненный пріемъ, и Периче такъ и остался во владѣніи грабителей *).

Въ то же время (въ 1457 г.) на берегу Азовскаго моря другой генуэзецъ, Илларіонъ Марини, приобрѣлъ замокъ Базіаръ. Марини долженъ былъ на нѣкоторое время отпра- виться по дѣламъ въ Кафу. Онъ поручилъ охрану своего имѣнія капитану Джованни Бозіо, по тогдашнему выражению „condottiero d'una compagnia di ventura“. Управляющій, подговоривъ пайку изъ подобныхъ ему головорѣзовъ, провозгласилъ себя владельцемъ Базіара. Марини обратился за покровительствомъ къ консулу въ Кафѣ. Две галеры съ двумя ротами вооруженныхъ людей подъ начальствомъ Якопо ди-Каруа и Антоніо Джентиле, отправлены были въ Азовское море для освобожденія Базіара и наказанія грабителей; но неурядица настолько господствовала во всемъ въ это время у генуэзцевъ, что одна изъ этихъ галеръ взбунтовалась и скрылась въ Трапезундѣ, другая же, на которой находились начальники экспедиціи, осталась покорною законнымъ властямъ, овладѣла послѣ упорной борьбы замкомъ и возвратила его Илларіону Марини *).

Можно было бы предполагать, что въ Сольдаѣ, отстоящей всего на пѣсколько часовъ плаванія отъ Кафы, подобные факты не могли случаться. Однако подъ покровительствомъ высшихъ представителей закона въ Кафѣ, съ помощью подарковъ и взятокъ, тамъ действовали „кулаки“ братья Гуаско. Съ ними и столкнулся на полѣ правды и законности послѣдній консулъ Сольдаи, Христофоро Ди-Него.

Среди документовъ, хранящихся въ генуэзскомъ архивѣ св. Георгія, находится пространная переписка консула Ди-Негро со своими начальниками, протекторами Банка, и съ тогдашнимъ консуломъ Кафы Кабелла, переписка, касающаяся судебнѣй тяжбы его съ владѣльцами деревни Ускютъ (*Scuti*), братьями Андреотто, Деметріо и Теодоро, сыновьями покойнаго Антоніо Гуаско.

*) Записки Имп. Од. О. И. и Д. Т. VIII. (Четыре года Кафы, 1453--56).
Мих. Волковъ. 1874.

**) Op. cit. стр. 128,

Это дѣло, возникшее много лѣтъ еще до вступленія Ди-Негро въ должность, затрагивающее географическую сторону нашего Крыма, а также отчасти и международное право XV столѣтія, пространно разбирается по документамъ въ VII томѣ, ч. II, актовъ Лигурійскаго общества. Эта судебная хроника (*Discorso storico sulle quistioni private*) довольно ярко рисуетъ нравы того времени въ поселеніяхъ на южномъ берегу Крыма *). Процессъ этотъ, упорный, полный сарказма и презрѣнія къ закону со стороны бр. Гуаско, полонъ стойкой энергіи, основанной на законѣ и преданности къ верховной власти со стороны консула.

Уже давно, вѣроятно еще до 1431 г. т. е. до подтверждѣнія татарскимъ ханомъ договора 1380 г. съ Банкомъ, Ускютъ принадлежалъ фамиліи Гуаско. Эти богатые помѣщики постепенно, законнымъ или инымъ путемъ, расширили свои права на сосѣднія деревни и земли вдоль берега отъ Алушты почти до Судака и въ глубь материка до Яйлы и Карагача. Благодаря халатности, быть можетъ и безсовѣстности кафинскихъ и сольдайскихъ прежнихъ властей, татары, греки, армяне, жившіе на этихъ земляхъ, большею частью очень нуждавшійся народъ, были совсѣмъ закрѣпощены этими маленькими феодалами. Ихъ тиранническое обращеніе съ поселянами не имѣло предѣловъ. Средневѣковая понятія о правахъ землевладѣльца надъ своими вассалами, хотя и въ маломъ размѣрѣ, обрисовываются здѣсь довольно осозательно. Считая себя почти независимыми господами принадлежащаго имъ пространства земли, бр. Гуаско, безъувѣдомленія о своемъ намѣреніи мѣстныхъ властей, съ цѣлью полнаго закрѣпощенія себѣ своихъ людей и провозглашенія себя совершенно независимыми князьями, учредили въ Ускютѣ судъ съ правомъ жизни и смерти надъ подчиненными. Для болѣе осозательного выраженія этого права, они приказали воздвигнуть въ Ускютѣ, на видномъ мѣстѣ, висѣлицы и позорные столбы. Сверхъ этого, они распорядились поставить на границѣ своего имѣнія, на дорогѣ въ Судакъ, рогатки подъ надзоромъ стражника **).

Получивъ увѣдомленіе о такомъ безцеремонномъ превышеніи власти со стороны подвѣдомственныхъ ему помѣщиковъ

*) Atti, стр. 491.

**) Codice. Дѣло Христ. Ди-Негро. Atti. 506.

щиковъ, Ди-Негро тотчасъ развернулъ всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи силы. Въ своемъ анализѣ этого криминального процесса XV столѣтія, италіанскій рецензентъ довольно колоритно изображаетъ картину этой бури въ чаинѣ воды: „Куда же такъ торопливо стремятся по крутымъ тропинкамъ горы эти съ ногъ до головы вооруженные люди?... Ихъ семь человѣкъ, оргузиевъ и стипендіаровъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицера, названнаго тогда кавалеромъ, съ приказомъ отъ консула поскорѣе достичь мѣстности, названной *Scuti*, и разрушить огнемъ или другимъ аргументомъ рогатки, висѣлицы и позорные столбы, воздвигнутые помѣщиками Гуаско. Сверхъ этого, въ случаѣ сопротивленія со стороны кого бы то ни было изъ братьевъ, кондоттiero имѣлъ порученіе потребовать уплату тысячи *somm* въ пользу казны и немедленно возвратиться въ Сольдаю и донести обовсемъ начальству.

„На недалекомъ разстояніи отъ Ускюта, на половинѣ косогора, въ мѣстности подъ названіемъ *Tassili* *), солдаты встрѣтили Теодоро Гуаско, который, приблизившись, спросилъ о причинѣ ихъ появленія въ его помѣстіяхъ безъ его разрѣшенія. На ихъ отвѣтъ Теодоро, нахмуривъ брови и повелительнымъ тономъ, приказалъ солдатамъ вернуться домой, ибо онъ и его братья не признаютъ другой власти кромѣ кафинскаго консула, и наотрѣзъ отказался уничтожить висѣлицы. „Мы, братья Гуаско, признаемъ только одну Кафу и отнюдь не желаемъ знать какую-то Сольдаю, куда, впрочемъ, отправлюсь поговорить лично!“

„На это *кавалеръ*, строго придерживаясь даннаго ему приказа, требуетъ отъ Теодоро штрафъ въ тысячи соммъ. Уступаетъ онъ только вооруженной силѣ, состоящей, съ Теодоро во главѣ, изъ сорока молодцовъ“, *tenentes armata et baculos longos*“, которые загораживаютъ ему доступъ въ Ускють, и возвращается обратно въ Сольдаю. Только поздно вечеромъ 27 августа 1474 г. постучался онъ къ запертымъ воротамъ крѣпости св. Ильи и изложилъ просто, но подробнѣо, о нанесенномъ ему оскорблѣніи“.

Ди-Негро при разсказѣ кавалера сильно вспылилъ. „Нѣтъ, онъ безнаказанно не потерпитъ удара, нанесенного его консулъскому званію. Онъ тутъ же приказываетъ своему писцу потребовать отъ непокорныхъ Гуаско предъявленіе ему, сольдайскому консулу, въ трехдневный срокъ,

*) Нынѣ „Чобанъ-Кале“.

документального доказательства ихъ непосредственной зависимости отъ кафииныхъ властей. До истечения этого срока онъ, Ди-Негро, объявляетъ Теодоро Гуаско подлежащимъ штрафу въ 1000 соммъ, какъ подданнымъ, сопротивившимся верховной власти Банка св. Георгія въ лицѣ его консула“.

Между тѣмъ срокъ проходилъ, и въ Сольдаѣ не получалось никакого отзыва. Теодоро къ консулу не явился, но извѣстилъ объ инцидентѣ своего младшаго брата Андреотто, жившаго въ Каффѣ, и просилъ постараться прекратить иску.

Андреотто имѣлъ въ Каффѣ связи въ правящихъ сферахъ, и его ходатайство было настолько успѣшно, что провизоры, совѣтъ старшинъ и даже консулъ Кабелло отправили немедленно въ Сольдаю гонца съ письмомъ на имя Ди-Негро.

Въ этомъ документѣ приказывается Сольдайскому консулу *временно* пріостановить иску и снять штрафъ, дабы дать кому надлежитъ время разобрать бумаги бр. Гуаско, находящіяся въ кладовой суда и могущія служить доказательствомъ ихъ привилегій; впрочемъ судъ не находитъ теперь времени разбирать это дѣло „*de occigantes occupationes*“.

Здѣсь дѣло принимаетъ новый, болѣе острый оборотъ. Инцидентъ между сольдайскимъ судьею и бр. Гуаско остается пока нерѣшеннымъ, но столкновеніе на почвѣ закона завязывается между двумя консулами, Ди-Негро и Кабеллою, между дворяниномъ-подчиненнымъ и начальникомъ-плебеемъ, такъ сказать, между гордымъ гвельфомъ и упрямымъ гибелиномъ.

Вотъ содержаніе возраженія Ди-Негро:

„Мы только что получили ваше вчерашнее письмо, о magnifice Consul et respectabiles Provisores, изъ коего явствуетъ, что Гуаско сильно жалуются на насъ за отправку нами нѣсколькихъ солдатъ въ деревни Tassili и Scutii для исполненія нашихъ приказаний.

Что касается протеста бр. Гуаско на наши административныя притязанія на Tassili, это положительная ложь, наглая и безсовѣстная, потому что мы имѣемъ въ рукахъ законное доказательство безспорности нахожденія этой мѣстности въ районѣ нашего вѣдѣнія.

„Мы послали въ Scutii своихъ солдатъ съ порученіемъ разрушить висѣлицы и позорные столбы, воздвигнутые Гу-

аско безъ всякаго съ ихъ стороны законнаго права и въ ущербъ власти св. Георгія. Мы требуемъ, чтобы Теодоро уплатилъ наложенный на него на основаніи закона штрафъ въ тысячу сомъ, за его насильственное сопротивленіе нашей волѣ и за оскорблениe, нанесенное имъ званію, пожалованному намъ верховною властью.

„Вы намъ предлагаете отсрочить судебное рѣшеніе до просмотра вами этого дѣла въ частномъ совѣтѣ (*in consilio privato*). Изъ уваженія къ вашей начальствующей власти, мы согласны на 10-дневную отсрочку. Сверхъ этого, просимъ васъ сообщить ваше по этому дѣлу мотивированное рѣшеніе, дабы мы могли знать, чѣмъ придется намъ руководствоваться въ будущемъ. Позволяемъ себѣ напомнить вамъ взвѣшивать должнымъ образомъ и законную сторону дѣла, и права и преимущества Банка, нашу компрометированную честь, равно и кары, которымъ, согласно правящему нами кодексу, должны подвергнуться тѣ, которые тормозятъ правильный ходъ правосудія.

„И мы глубоко убѣждены въ томъ, что вы это сдѣлаете, ибо мы намѣрены свободно и твердо поддерживать свою власть. Вѣдь Гуаско, какъ и всѣ тѣ, которые (приходится въ этомъ сознаться) благодаря своему состоянію и своимъ многочисленнымъ соучастникамъ въ Каѣфѣ, считаютъ себя выше закона, должны подчиняться установленной власти наравнѣ со всѣми другими, кто бы они ни были“.

Это, по истинѣ сказать, горделивое письмо не вызвало скораго отвѣта, какого требовалъ Ди-Негро. Онъ опять, 6-го сентября, пишетъ одному Кабеллѣ, спрашивая, получилъ ли онъ его письмо. Даlѣе просить онъ прислать копію актовъ, заключенныхъ между Банкомъ св. Георгія и *господами* Гуаско. Онъ повторяетъ сказанное уже въ предыдущемъ письмѣ, что ему желательно знать, чего держаться по отношенію къ *такимъ* помощникамъ; впрочемъ онъ объясняетъ, что какъ консулъ, онъ будстъ исполнять быстро, пунктуально, справедливо и честно букву закона. Про *Tassili*, онъ вполнѣ убѣжденъ въ своей правотѣ, но относительно *Scutis*, не имѣя въ рукахъ необходимыхъ документовъ, пока возвращивается отъ всякаго предварительного утвержденія.

Для усиленія своей аргументаціи Ди-Негро прибавляеть, что татары деревни *Scutis*, со временія управлениія страной генуэзскими законами, постоянно подчинялись юридическому вѣдѣнію Сольдаи, и тамошніе консулы отправляли въ

Scuti правосудіє, разбирали тяжбы, составляли договоры и т. п., какъ явствуетъ изъ хранящихся въ шкафахъ сольдайской канцелярии многочисленныхъ актовъ и книгъ.

Наконецъ получается отъ Кабеллы отвѣтъ, но какой? Такой, какого несчастный Ди-Негро не ожидалъ. Начальникъ предписываетъ ему вооружиться терпѣніемъ и подождать окончательного решения дѣла о Гуаско „до болѣе свободного для него, Кабеллы, времени“: „Sumus in aliis negotiis arduis valde impediti“, и въ настоящую минуту „non possumus cogitare in causis predictis“. Другими словами въ Кафѣ Андреотто Гуаско ухитрился затормозить дѣло и отложить въ долгій ящики всю процедуру.

О возможности получить когда-нибудь сообщеніе *необходимыхъ* документовъ и тысячи соммъ штрафа теперь (1475 г.) нечего было и думать.

На этомъ, къ сожалѣнію, заканчивается глава „Codice“ объ этомъ интересномъ юридическо-административномъ состязаніи. Очевидно настали уже дни, когда Ди-Негро и Кабеллъ пришлось заботиться о чѣмъ-то болѣе существенномъ.

Кабелла былъ вполнѣ правъ, оговорившись заботами первой важности. Надъ горизонтомъ Кафы надвигалась, все болѣе и болѣе сгущаясь, черная грозная туча, изъ которой, черезъ два-три мѣсяца, должна была разразиться страшнейшая, все сметающая предъ собою буря. Кабелла сознавалъ, что вопросъ о неприкосновенности территоріи генуэзскихъ поселеній на Черномъ морѣ былъ для метрополіи важнѣе, чѣмъ рѣшеніе недоразумѣнія сольдайского консула съ помѣщиками деревни Scuti.

Одновременно, рядомъ съ этимъ, Ди-Негро ведеть еще другой процессъ, чисто административного свойства, болѣе принципіальный, чѣмъ выгодный для казны. Тѣмъ не менѣе онъ прилагаетъ въ этой борьбѣ всѣ свои силы и знанія, ведеть объемистую переписку со своимъ прямымъ кафинскимъ начальствомъ и даже съ протекторами Банка. Видно, что онъ задался цѣллю во что бы то ни стало восторжествовать. Это дѣло является для него скорѣе дѣломъ чести, полемъ юридического состязанія. Его самолюбіе, какъ правовѣда и консула, сильно затронуто. До глубины души убѣжденный въ своей правотѣ, онъ отстаиваетъ шагъ за шагомъ интересы св. Георгія.

Въ полномъ разгарѣ борьбы съ бр. Гуаско и совер-

шенно неожиданно для консула, возникъ споръ съ жителиями деревушки, расположенной въ горахъ, недалеко отъ Сольдаи. Ди-Негро называетъ эту мѣстность *Caraghai*?емъ. Въ географической номенклатурѣ нашего современного Крыма точно такого названія мѣстности не встрѣчается, но мы выше уже высказали наше предположеніе о томъ, что генуэзское *Caraghai* и татарское *Карагачъ* у П. Кеппена тождественны. Въ процессѣ Ди-Негро, между прочимъ, указывается, что *Caraghai* состоитъ всего изъ пяти хижинъ, изъ которыхъ двѣ были обитаемы и три были простые клѣва. Въ нихъ расположились 10 душъ мужск. пола, 2 души женск. пола и 1 лошадь; очевидно мѣсто было весьма незначительно. Стоило ли, въ самомъ дѣлѣ, ломать копья, тратить столько времени и энергіи ради спасенія въ пользу богатѣйшаго Банка нѣсколькихъ десятковъ аспръ. Какъ бы то ни было, вдругъ, безъ всякой видимой оговорки, лѣтомъ 1474 года, бѣдняки греки, жители *Caraghai*?я, отказались взвести въ сольдайское казначейство свою мірскую подать.

На какомъ основаніи? воскликнулъ Ди-Негро, и попытавъ представитель *высокочтимаго и святѣйшаго* Банка писать въ Кафу и въ Геную бумагу за бумагою.

Карагайцы, подстрекаемые ускотскими помѣщиками, наотрѣзъ отказывались платить оброкъ, мотивируя свой отказъ темъ, что, моль, они въ *Caraghai*?ъ почти не живутъ, что они большую часть года проводятъ въ окрестныхъ деревняхъ *Ortolaco, Sartana, Otaihi* *) на поденную работу, что они пребываютъ въ *Caraghai*?ъ только нѣсколько недѣль весною *ad laborandum in foeno et seminandum*, что эта земля весьма неплодородна и не можетъ ихъ прокормить, что въ этомъ году полный неурожай и что во всякомъ случаѣ *Caraghai* зависитъ отъ Кафы, а отнюдь не отъ Сольдаи.

Нашла, какъ говорится, коса на камень. Если сольдайскій гибелинъ былъ упрямъ, то и карагайцы были тверды и непоколебимы, какъ таракташскіе утесы. Они обращаются съ прошеніемъ къ консулу Кабеллѣ. Ихъ ходатайство въ Кафѣ поддерживаетъ младший братъ Гуаско, Андреotto. Кабелла предписываетъ своему подчиненному повременить съ рѣшеніемъ дѣла до приѣзда въ Сольдаю массарія Оберто Сварчіафіко, который имѣеть отправиться туда для раз-

*) Итальянскій рецензентъ замѣчаѣтъ, что, по мѣнѣю Дессимони и Бруна, эти три деревни были татарскими, не населенными генуэзцами или ихъ подвластными, и не входили въ счетъ 18 уступленныхъ имъ деревень.

дачи жалованья стипендіаріямъ. Скварчіафіко разсмотритьъ тогда „и мотивы, и смыслъ, и права испокорныхъ карагайцевъ“.

Своимъ отвѣтомъ Кабелла только подлилъ масла въ огонь. Упрямый Ди-Негро возражалъ, что карагайцы, правда, большую часть года въ своей деревушкѣ не живутъ, но имѣютъ тамъ осѣдлость. Почему имъ не платить налоговъ наравнѣ съ жителями другихъ сосѣднихъ деревень? Въ татарскихъ мѣстностяхъ *Ortolaco, Otaïhi, Sartana* и пр. живутъ уроженцы Сольдан, которые, по возвращеніи отъ полевыхъ работъ восвояси, участвуютъ въ ночной стражѣ въ крѣпости и аккуратно, безронотно платятъ оброкъ.

Замѣтимъ здѣсь попутно, что Ди-Негро въ этой процедурѣ высказывается ярымъ поборникомъ не только мало распространенной, но еще менѣе примѣнявшейся въ это время въ Европѣ юридической аксіомы: „Всѣ равны предъ закономъ!“ Онъ прибавляетъ, что мотивы отказа карагайцевъ ему неизвѣстны, да и не желаетъ ихъ знать. „*Dura lex, sed lex!*“

„Я созывалъ, пишетъ онъ сїе, въ мою канцелярію, всѣхъ мужчинъ этой деревни—должно быть ихъ мало было, если они всѣ могли собраться въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи,—и они единогласно подтвердили, что никакой жалобы они не подавали, что они охотно согласны внести десятину. Что это значитъ? Быть можетъ, г. консулъ, къ вамъ явились жители другой мѣстности, подстрекаемые (*stimulati*) вліятельными бр. Гуаско, люди, закрѣпоощенные этими помѣщиками, коварства которыхъ слѣдуетъ остерегаться („*quorum insidiis advertere placeat!*“)?

Подожду еще десять сутокъ для взысканія штрафа съ Теодоро, повторяетъ онъ, послѣ чего желаю имѣть руки развязанными и дѣйствовать со всею строгостью право-судія; впрочемъ, вы, г. консулъ, быть можетъ, пожелаете сами разсмотретьъ это дѣло, подъ вашимъ личнымъ предсѣдательствомъ? Въ такомъ случаѣ, если вы настаиваете, „*ut coactus desistam*“⁴, уступлю; но тогда вся ответственность за послѣдствія предъ вышнею властью должна пасть на вашу голову. „*Dura lex, sed lex!*“.

Чувствуется, что тутъ говорить съ полнымъ убѣждѣніемъ истинный защитникъ закона, до глубины души преданный миссіи, ему предназначеннай.

Оригинально однако, въ столь серьезной по совершен-

по частному предмету процедуръ, на этой же бумагѣ, ех *abrupto*, встрѣтить слѣдующую интересную и характерную приписку Кабеллы: „Пришлите, пожалуйста, немедленно въ Кафу шесть изъ лучшихъ ванихъ сольдацкихъ каменщиковъ, не трогая тѣхъ, которые нынѣ заняты ремонтомъ ускютской крѣпости: они тамъ вамъ нужны“.

„Вы просите каменщиковъ для Кафы“, такимъ же способомъ отвѣтить на дѣловой бумагѣ Ди-Негро. „Представьте себѣ, что не могу удѣлить вамъ ни одного. Они въ настоящую минуту всѣ до единаго заняты у меня закрѣплениемъ фундамента большої башни, которой угрожаетъ паденіе *) Въ виду грозящей опасности, всѣ рабочіе силою оторваны отъ винодѣлія. Прошу извиненія, если я долженъ вамъ отвѣтить отказомъ, но какъ только эта работа окончится, то сколько ихъ будетъ, представлю къ вашимъ услугамъ. Вы, конечно, не захотите беспокоить тѣхъ, которые нынѣ заняты въ Tassili, такъ какъ этотъ бастіонъ **) служитъ намъ передовою защитою отъ врага. Понятно, чѣмъ сильнѣе будутъ наши вооруженія, тѣмъ легче будетъ для настѣ задача защиты государства. Клянусь“.

Проходить цѣлый мѣсяцъ, и Ди-Негро опять пишетъ Кабелль и настаиваетъ на окончательномъ рѣшеніи дѣлъ о Гуаско и *Caraghai*ъ. Массарій Оберто Скварчіафіко пріѣзжалъ въ Сольдано съ двумя чиновниками казначейства. Ди-Негро пишетъ, что въ присутствіе этихъ ревизоровъ явились два жителя *Caraghai*я—„*quorum unus erat papa*“, т. е. священникъ греческаго исповѣданія. Эти два представителя „общины“ просили освободить ихъ отъ десятины и взыскивать ее, попрежнему,—„*sicut ante*“—съ ихъ „патроновъ“ Гуаско. Тутъ немедленно воспользовался аргументомъ *ad hominem* начальствиѣ Ди-Негро. „Значитъ *Caraghai*—земля братцевъ Гуаско, и жители ся дѣйствуютъ по указаніямъ этихъ „маленькихъ тирановъ“ (*tiranelli*); значитъ, дѣло, возбужденное еще бывшимъ консуломъ Кафы Батистомъ Джустиніани, переданное ему, Ди-Негро, при вступлении въ

*) Недавно, въ 1899 году, часть этой башни судакской крѣпости обрушилась. Въ дѣлѣ Ди-Негро упоминается о томъ, что при консульствѣ Gaffredo Lercari (1471-72 г.) на реставрацію укрѣпленій Сольданы ассигновано было три тысячи аспровъ, а на исправленіе консульскаго дворца (*palazzo*) десять тысячъ.

**) Здѣсь идетъ рѣчь о ремонтѣ укрѣпленія замка (*il forte*) Tassili. Братья Гуаско владѣли землею съ замкомъ (*castello*) того же имени.

должность „in rem non iudicatam“, до сихъ поръ „насильствено, умышленно тягнется!...“

Изъ этого письма очевидно, что нашъ консулъ, ревностно стремясь къ безуокоризненному исполненію данныхъ ему полномочій, не быть намѣренъ уступать даже приказанію своего прямого начальника, если этотъ послѣдній мало-мальски отступить отъ закона. Вооруженный вѣскими данными, онъ опять бросается въ бой и никого, даже себя, не щадить. Онъ замѣтно любить контроверсію, спорить съ закономъ въ рукахъ и пускать язвительныя насмѣшки по отношенію къ противнику. Подобные пріемы могутъ казаться хорошими тамъ, где обвинитель увѣренъ, что найдеть въ судѣ поддержку; но острый стрѣлы часто обращаются на самого стрѣлка, и тогда пораженіе бываетъ для него весьма чувствительно. Это именно и случилось съ нашимъ консуломъ.

Несмотря на тяжелыя политическія обстоятельства, тѣснившія Кафу со всѣхъ сторонъ, на заботы о ремонте защитныхъ стѣнъ и башенъ города, на недоразумѣнія съ татарами и армянами *), консулъ Кабелла 4 сентября 1474 г. созвалъ общій совѣтъ старшихъ и массаріевъ города Кафы. Въ этомъ засѣданіи окончательно были разсмотрѣны спорные вопросы, возникшіе между сольдайскимъ консуломъ съ одной стороны и братьями Гуаско и жителями Caraghai'я съ другой. Предъ этимъ арсеналомъ представили братья Теодоро и Андреотто Гуаско и предъявили нотаріальнымъ порядкомъ заключенный между ними, Гуаско, и свѣтишшимъ Банкомъ св. Георгія и городомъ Кафой договоръ.

Судъ единогласно постановилъ: „Сольдайскому консулу, Христофоро Ди-Негро, въ его притязаніяхъ взыскивать оброкъ и другіе налоги съ жителей деревень Tassili, Scuti и Caraghai отказать. Признать законнымъ договоръ о правахъ владѣльцевъ Гуаско на эти земли съ Банкомъ и общиной. Въ противномъ случаѣ поступать съ Ди-Негро законнымъ порядкомъ“.

На этомъ же листѣ, вслѣдъ за подписями консула и судей, следующая оригиналная приписка: „Vobis copiam facient ipsi de Guasco“.

Какая же была цѣль подобной приписки? Хотѣть ли Кабелла этимъ унизить гордаго подчиненнаго гибелина,

*) Дѣла о земскомъ начальникѣ изъ татаръ, Эмипехѣ, и о выборѣ епископа для армянъ—двѣ изъ главныхъ причинъ паденія Кафы.

или увѣнчать лаврами главы его богатыхъ, вліятельныхъ противниковъ? Трудно теперь сказать, но во всякомъ случаѣ Гуаско не преминули поспѣшить пропроводить Ди-Негро копію осуждавшаго его вердикта.

Казалось бы, что консулъ долженъ быть на этомъ успокониться, такъ какъ дѣло перешло „in rem judicatam“. Однако Ди-Негро не были изъ такихъ, которые сдаются безъ сраженія.

На этотъ въ окончательной формѣ формулированный приговоръ, посланный изъ Кафы 12 октября, воинственный консулъ 12 ноября сердито отвѣчалъ:

„Не мало удивляюсь, что вы, господа, признали доброкачественными и справедливыми акты за подписью бывшаго консула Баттиста Джустиніані, явнаго покровителемъ г. Гуаско. Жители *Caraghai*, собственно говоря, жители Сольдана. Вотъ уже много лѣтъ они не платятъ налоговъ и переселились въ *Caraghai* съ единственной цѣлью избѣгнуть платежа оброка. Вотъ почему, не прибѣгая къ другимъ инстанціямъ, мы ихъ принудимъ, какъ и всякаго подданнаго Банка, покориться закону: „*Continuo angarias fieri fecimus et solutiones excubiarum persolvi*“.

Желая-чѣмъ нибудь прикрыть свое неповиновеніе постановленію суда, Ди-Негро слѣдующими строками оканчиваетъ свое письмо Кабеллѣ: „Собираюсь созвать группу свидѣтелей изъ коренныхъ жителей Сольдана, которые доказутъ мое право взыскать оброкъ съ крестьянъ *Caraghai* и что эти самые Карагайцы исполняли этотъ долгъ еще не сколько лѣтъ тому назадъ. Вы будете, г. консулъ, имѣть въ рукахъ декларацию, закрѣпленную присягою этихъ людей, и не сомнѣваюсь, что вы не откажете еще разъ просмотрѣть вашу сенкцию. Вы тогда убѣдитесь, что я, консулъ сольдайской, поступилъ въ этомъ дѣлѣ добросовѣстно и справедливо“.

Черезъ пять дней Ди-Негро созываетъ въ замокъ св. Ильи четырнадцать изъ старѣйшихъ живущихъ въ Сольданѣ карагайцевъ, которые, согласно его предположенію, должны были, по наставлению бр. Гуаско, „искажать истину“ („*conantur contra veritatem convertere ipsos pro eorum hominibus*“). Оказалось, что эти люди признались въ томъ, что все они обязаны платить оброкъ и исполнять службу въ крѣпости, наравнѣ съ остальными жителями Сольдайской колоніи. Это показаніе подтвердили подъ присягою тринацдцать греко-

ковъ, что они еще илько лѣтъ тому назадъ видѣли присутствующихъ здѣсь карагайцевъ живущими въ Судакѣ съ женами и дѣтьми. Они прибавили, что *Caraghaï* мѣстность пустынила, и что эти люди отправляются туда только на время сѣнокоса.

На это донесеніе консулъ Кабелла не отвѣтилъ, и понятно: постановленіе суда уже послѣдовало въ окончательной формѣ, „*in rem judicatam*“. Между тѣмъ совѣтъ старшинъ, за подписью Кабеллы, отправилъ въ Геную жалобу на дѣйствія Ди-Негро. Объ этомъ послѣдній вскорѣ вѣроятно узналъ, потому что въ архивахъ св. Георгія, находится пространный, обстоятельный рапортъ сольдайскаго консула на имя протекторовъ, помѣченный датой 21 декабря 1474 года. Въ немъ консулъ пишетъ обо всемъ, что происходило въ колоніи. „Онъ себя не защищаетъ, такъ какъ совѣсть его, какъ подчиненнаго, чиста. Для него, юриста, представителя верховной власти учрежденія (*Ufficio*) св. Георгія, законъ выше всего. Быть можетъ, какъ человѣкъ, онъ оправдывается, „*errare humanum est*“, но свой долгъ чиновника онъ исполнилъ“.

Во избѣжаніе повторенія уже изложенныхъ нами фактовъ, позволяемъ себѣ, для полной характеристики интересной личности Ди-Негро, передать здѣсь заключительныя слова его рапорта:

„Я только теперь убѣдился въ томъ, пишетъ онъ, что разумъ противъ силы ничто. Широко открывало предъ вами, свѣтлѣйшіе гг. протекторы, свои раны, дабы вы могли поскорѣе пособить моему горю.

„Сыновья покойнаго Антоніо Гуаско ворвались въ районъ моего управлѣнія и въ настоящее время продолжаютъ присваивать себѣ земли въ ущербъ валинго владѣнія. Обращаюсь къ кафинскому магистрату: это еще хуже. Гуаско имѣютъ надъ офиціалами колоніи давящую власть. Имъ во всемъ покровительствуютъ, потому что они ни денегъ ни другихъ подарковъ не щадятъ, *et dant in modum quod subvertunt justiciam*“. Вслѣдствіе такого вліянія Гуаско, мои предпѣстvenники не посмѣли къ нимъ коснуться. Вѣдь теперь въ Кафѣ ни одинъ свидѣтель не рѣшается въ судѣ дать показанія противъ нихъ. Гуаско дерзаютъ утверждать, что они вовсе не зависятъ отъ сольдайскаго консула, что ими регламентируется одна Кафа. Это потому, что въ Сольдаѣ ежечасно намъ известны ихъ дѣйствія, между тѣмъ какъ

въ Кафѣ, мѣстности далекой, предъявленіе повѣстки затруднено, да впрочемъ тамъ имъ протежидаютъ всѣ, тамъ добиваются они и законнаго и незаконнаго, „*justum et injustum*“. Вотъ почему является для васъ крайняя необходимость немедленно приступить къ разбору моего дѣла, ибо вамъ всегда пріятно слышать, что вашъ народъ пользуется справедливымъ управлѣніемъ и не подвергается никакому насилию“.

Такимъ гордымъ и откровеннымъ тономъ продолжаетъ Ди-Негро свою защитную рѣчь на доносы Кабеллы. Этотъ докладъ настолько пространенъ, что намъ немыслимо, во избѣжаніе длинноты, оговорокъ и повтореній, передать его здѣсь *in extenso*. Въ немъ Ди-Негро касается не только вопросовъ о своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ, но онъ берется еще оспаривать почти всѣ обвиненія, введенныя на бывшихъ кафинскихъ консуловъ Гоффредо Леркари и Батиста Джустиніани *); „Этотъ послѣдній, не смотря на свою блестящую и честную дѣятельность, былъ, какъ и я, оклеветанъ, осмѣянъ и преданъ суду. Но будьте предусмотрительными! Ждите, умоляю васъ, моего возвращенія на родину, по истеченіи срока моихъ полномочій, въ будущемъ марта непремѣнно, когда я самъ представлю предъ вами, *intendens verificare quescumque continentur in dictis accusationibus, et ultra*“.

Тяжба съ бр. Гуаско велась уже давно, задолго до вступленія Ди-Негро въ консульство, еще при жизни ихъ отца Антоніо. О ней часто упоминается въ Codice, въ бумагахъ сольдайскихъ и кафинскихъ консуловъ. „Всѣ они, пишетъ Ди-Негро, до послѣдняго, пытались обуздѣть жадность и насилие этихъ безстыдныхъ хищниковъ чужой, какъ частной, такъ и казенной собственности. Всѣ крестьяне сольдайской колоніи ими порабощены. Бѣдняки принуждены бесплатно обрабатывать сады и поля Гуаско. Насиліе доведено до того, что эти несчастные не могутъ ни гдѣ ни садить, ни полоть, ни обрѣзывать винограда, кроме садовъ Гуаско, безъ разрѣшенія сихъ послѣднихъ; въ противномъ случаѣ братья требуютъ съ нихъ дань, что противно обычаямъ татаръ—„*ultra consuetudine tartarorum*“.

*) Б. Джустиніани, способнѣйший, честнѣйший консулъ Кафы (Battista Giustinianus—Oliverio, 1473—74 г.г.), оклеветанный братьями Гуаско, консуломъ Кабеллой и массаріемъ Об. Скварчіафіко (предателемъ Кафы, за деньги выдавшимъ туркамъ ключи города), былъ преданъ суду и приговоренъ въ Геную. Въ этомъ дѣлѣ особенно ощущается, какимъ влияніемъ пользовались бр. Гуаско.

„Они себя считаютъ, прибавлять онъ, независимыми патронами деревень Tassili и Scuti, „noviter obtenti“—недавно выманиенныхъ отъ татаръ. Эти деревни входятъ въ районъ восемнадцати, подвѣдомственныхъ мнѣ. Вотъ почему, если не обуздатъ алчность этихъ господъ, грозитъ опасніе, что всѣ остальные подобныя мѣста попадутъ въ паутину Гуаско.

„Доказательствомъ ихъ ненасытнаго властолюбія можетъ служить то, что они въ Ускютѣ учредили отъ себя судъ, гдѣ произносятъ приговоры въ слѣдующей формѣ: „Я, почтеннѣйшій вельможа Андреotto де Гуаско, заставляющій въ моей камерѣ въ Scuti и т. д.“, и налагаются на подсудимыхъ денежные штрафы, назначенные на содержаніе дворца въ Tassili—„in beneficio castelli di Tassili“.

„Эти дѣйствія въ высшей степени противозаконны и наносятъ громадный ущербъ банковской казнѣ. Сверхъ этого, Гуаско создали въ своихъ помѣстьяхъ четыре нового рода налога, совершенно неизвѣстныхъ въ этой бѣдной странѣ.

„Въ заключеніе, не говоря уже о висѣлицахъ и позорныхъ столбахъ, воздвигнутыхъ въ Scuti, и о подлыхъ дѣяніяхъ Гуаско, долженъ я упомянуть о поджогѣ братьями Гуаско овчаренъ, принадлежащихъ алуштинскому господину—„domino de Lusta“—во вредъ и оскорбленіе сосѣднихъ съ нами помѣщиковъ Готі. Эти послѣдніе, при проѣздѣ маскарія Оберта Скварчіафіко и другихъ чиновниковъ казначейства изъ Чембало въ Сольдаю, подали жалобу, требуя полнаго удовлѣтворенія за убытки; въ противномъ случаѣ они сумѣютъ защищать свою честь и неприкословенность своихъ владѣній: и Боже упаси вызвать со стороны нашихъсосѣдей пожаръ войны!“.

Перечисляются дальниe, съ должностнымъ возраженіемъ, многочисленные пункты обвиненія Кабеллы. Ди-Негро, какъ подсудимый, ихъ всѣ оспариваетъ. Предсталъ ли онъ предъ судомъ протекторовъ? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, но есть поводъ сомнѣваться въ этомъ. Всего два мѣсяца оставалось, апрѣль и май, до страшной катастрофы—исчезновенія всѣхъ генуэзскихъ поселеній на Черномъ морѣ. Палъ ли онъ во главѣ 300 защитниковъ Сольдаи подъ безпощаднымъ желѣзомъ турокъ, или былъ увезенъ въ неволю въ Стамбуль, намъ неизвѣстно, но Ди-Негро давно предчувствуvalъ грозу, и не даромъ писалъ онъ въ Геную слѣ-

дуючія пророческія слова: „orientur graviora que magnificentis
vestris audire, satis gravarentur“.

Л. Колли.

РАСКОПКИ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ Г. СЕВАСТОПОЛЯ.

Осенью 1901 года, осматривая производившиеся работы по постройке бани для чиновъ 13-й артиллерийской бригады въ районѣ расположения этой бригады на Сѣверной сторонѣ гор. Севастополя, въ Панаютовой балкѣ, мнѣ удалось открыть могилу, обложенную съ западной стороны плитами и съ восточной врубленную въ скалу. Погребеніе оказалось нетронутымъ и было извлечено мною полностью. Предметы, а равно остатки костяка, переданы были мною въ даръ Петербургскому Археологическому Институту. По опредѣленію проф. И. И. Веселовскаго, погребеніе это можетъ быть отнесенено къ римскому времени, около I вѣка по Р. Х. Извѣстия предметовъ этого погребенія особенное вниманіе обращаютъ на себя стеклянныя сосуды—одинъ въ видѣ стакана,—оба изъ тонкаго стекла, и глиняная лампочка, до сихъ поръ еще нигдѣ неизданная, съ рельефнымъ изображеніемъ борьбы человѣка, по одѣждѣ напоминающаго скиѳовъ, съ медвѣдемъ, низкорослымъ—горнымъ. Кроме того при костякѣ найдены: патера въ видѣ плоскаго блюда съ коньемъ и остатками желѣзного ножа, малый черноглиняный сосудъ и среднихъ размѣровъ амфора, безъ клеймъ. Случайная находка эта побудила меня посвятить свой рѣдкій досугъ на дальнѣйшія разысканія на той же Сѣверной сторонѣ, въ мѣстности, находящейся вблизи древняго Херсонеса, но въ археологическомъ отношеніи совершенно неизслѣдованной. Районъ этотъ ограничивается: съ южной стороны большими рѣйдомъ (сѣверная бухта), съ западной стороны Чернымъ моремъ, съ сѣверной—рѣкою Бельбекомъ и съ восточной, пока, желѣзной дорогой.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что этотъ районъ представляеть большой интересъ: съ одной стороны близость Херсонеса, съ другой—защищенность отъ сѣвернаго и даже

съверо-восточного вѣтра въ южной части его, соприкасающейся съ большимъ рейдомъ, крайне удобнымъ для сообщенія и изобилующимъ рыбой, наличіе прѣсной воды—все это дѣлало жизнь здѣсь особенно удобной. Это не должно казаться страннымъ. Нынѣшнее, можно сказать, печальное состояніе Сѣверной стороны вызывается исключительными условіями: берега заняты батареями, лучшія мѣста—казармами и кладбищами, а все свободное затѣмъ пространство частью принадлежитъ инженерному вѣдомству, гдѣ частные владѣнія вовсе не допускаются, частью же принадлежитъ морскому вѣдомству, допускающему возведеніе частныхъ построекъ на арендныхъ правахъ съ обязательствомъ снести ихъ по первому же требованію. Естественно, что при такихъ условіяхъ, нынѣшнее состояніе Сѣверной стороны не можетъ служить основаніемъ для отрицанія населенности ея въ древности.

Любопытно констатировать повальную болѣзнь жителей Сѣверной стороны—розыскъ кладовъ. Правда, этой болѣзнию страдаетъ въ большей или меншей степени почти все крестьянское населеніе Россіи; но если вообще для объясненія ея приводятъ основаніемъ малокультурность и крайнюю недостаточность крестьянъ, то тутъ она находить и болѣе вещественные причины. Большими земляными работами по сооруженію береговыхъ батарей, какъ мнѣ передавали, неоднократно вскрывались богатыя погребенія; три года назадъ при постройкѣ минной станціи между батареями № 3 и № 4 обнаружена большая гробница. Но всѣ найденные вещи безслѣдно исчезаютъ...

Въ имѣніи г. Штала у устья Бельбека неоднократно при разработкѣ плантажа были находимы монеты, амфоры и другие сосуды, но изъ нихъ не сохранилось ничего—все безжалостно разбивалось и уничтожалось.

Послѣ моей просьбы уже въ слѣдующемъ году мнѣ были представлены амфоры безъ клеймъ и сосудъ, найденный въ глиняныхъ выборкахъ у устья рѣки Бельбека, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ, особенно ближе къ морю, замѣтны остатки старыхъ глиняныхъ выборокъ и остатки обжигательныхъ печей. Имѣя въ виду, что Бельбекское глинище ближайшее къ Херсонесу мѣсто добычи глины съ крайне удобнымъ водянымъ сообщеніемъ, трудно отказаться отъ мысли, что устье Бельбека играло значительную роль въ поставкѣ Херсонесу глиняной посуды, такъ называемаго

мѣстнаго производства, или по крайней мѣрѣ материала для ея изготошенія.

Дальнѣйшіе розыски привели къ находкѣ довольно значительного могильника приблизительно въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ отъ устья р. Бельбека, живописно пробѣгающаго по роскошнымъ садамъ и виноградникамъ Бельбекской долины, окаймленной возвышенностями. Бурный и затопляющій мѣстами долину во время дождей, онъ почти совершенно иссякаетъ въ жаркое время года, и глубокое его русло въ это время совершенно доступно для осмотра. Чтобы удержать возможно дольше воду въ руслѣ, съ давнихъ временъ на границѣ имѣній г. Алексіано и г. Сарандинаки, на мѣстѣ наибольшаго поворота Бельбека, устроена была плотина, отводившая часть воды по особому каналу черезъ сады г. Алексіано. Плотину эту въ очень недавнее время переустроили. Она носить въ Севастополь названіе „Водопадъ“, а у татаръ „арыкъ-бапъ“. Противъ этой плотины, на югъ отъ нея, идетъ балка, образуемая двумя возвышенностями, изъ которыхъ восточная и составила предметъ моихъ изслѣдований. Возвышенность эта въ половинѣ своей высоты про рѣзана выемкой, по которой проходитъ желѣзная дорога. Выше и ниже выемки склонъ возвышенности покрытъ небольшими деревьями, преимущественно грабомъ и дубомъ, и мелкимъ кустарникомъ. На вершинѣ возвышенности имѣется довольно ровная, продолговатая терраса, на которой къ юв.-зап. виднѣются (слегка спустившись съ нея) камни, образующіе, выступающими изъ земли краями своими, довольно правильные контуры какихъ-то быть можетъ строеній. На S виднѣются изъ земли большія плиты, образующія или могилы, или же также остатки сооруженій. Такжѣ видны камни и на с.-вост. сторонѣ террасы.

За желѣзной дорогой къ N склонъ возвышенности про рѣзанъ двумя небольшими выемками, вырытыми для желѣзной дороги, но затѣмъ оставленными. Работа эта была произведена при изображеніи пути существующей желѣзной дороги. Еще южнѣе на склонѣ замѣтина терраса съ остатками сооруженій, а еще южнѣе на поверхности замѣтны выдающіеся изъ земли камни, а мѣстами небольшіе каменные ящики, изъ которыхъ нѣкоторые кѣмъ-то раскопаны и, какъ это замѣтно, даже въ недавнее время.

На этой мѣстности мною произведены раскопки въ 1903 и 1904 годахъ, причемъ было вскрыто 22 могилы. Изъ

этого числа двѣ могилы дали погребенія въ сидячемъ положеніи съ вытянутыми на югъ ногами въ грунтовыхъ ямахъ, заваленныхъ камнями. Найденные при одномъ костякѣ вещи—желѣзная пряжка, кольцо и ножъ и мѣдная пластинка—не даютъ возможности датировать эти погребенія.

Затѣмъ три погребенія представляютъ совершенно ясный обрядъ трупосожженія въ могильной ямы. Найденные при этихъ погребеніяхъ предметы (стекло и бусы) даютъ основаніе полагать, что они одновременны погребеніямъ въ каменныхъ гробницахъ, о которыхъ будетъ изложено ниже.

Остальныя 17 погребеній представляются однотипными. Нѣсколько своеобразное положеніе плитъ въ одномъ погребеніи объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что могила была разрушена грабителями, перерывшими все ея содержимое и развалившими и плиты, образующія могилы. Своеобразность и педантическое повтореніе устройства могилъ съ отступленіями лишь въ величинѣ ихъ представляется весьма интереснымъ; очевидно, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не со случайностью, а съ устойчивою обрядностью.

Шестнадцать могилъ тождественно устроены изъ толстыхъ (3—4 верш.) плитъ, отвѣсно поставленныхъ съ восточной и западной стороны образуемой ими гробницы. Стѣнки эти въ преобладающемъ количествѣ параллельны. Съ южной и сѣверной сторонъ ни въ одномъ случаѣ плитъ не обнаружено. Съ этихъ сторонъ стѣнки гробницы образуютъ нетронутый материкъ, въ который впущена вся гробница.

Гробница покрывается плитами, отъ 2 до 4-хъ, размѣрами нѣсколько превышающими плиты, образующія ея стѣнки. Если были случаи нахожденія гробницъ непокрытыми, то это объясняется разграбленіемъ ихъ. Плиты, ранѣе покрывавшія могилу, были находимы обыкновенно тутъ же разбросанными вокругъ, или же провалившимися внутрь гробницы.

Матеріалъ плитъ свѣтлый, весьма крѣпкій известнякъ, выступающій ближе къ рѣкѣ Бельбеку, гдѣ, вѣроятно, онъ и выламывался и оббивался, а затѣмъ уже плиты доставлялись къ мѣсту погребенія. У могилъ отсковъ находимо не было. Отдѣлка плитъ весьма грубая; за малымъ исключениемъ на нихъ сдѣла замѣтна обработка.

Плиты, образующія гробницу, ставились отвѣсно, выпот-

ную другъ къ другу и къ грунту. Большия щели при неправильной пригонкѣ плитъ закладывались небольшими кусками того же известняка. Скрепленія между плитами не было. На плитахъ нѣть ни надписей, ни знаковъ, ни раскраски. Дно могиль въ большинствѣ случаевъ устлано пескомъ, лишь въ одномъ случаѣ досками, если обнаруженное дерево не представляеть собой остатковъ гроба; въ одномъ случаѣ дно могилы составляла грунтовая глина.

Покойный полагался въ могилу въ вытянутомъ, на спинѣ, положеніи, головой на югъ. Цѣлое погребеніе и нетронутыя нижнія конечности нѣкоторыхъ погребеній подтверждаютъ это. Руки въ неподревоженномъ погребеніи были протянуты вдоль туловища. Въ нѣкоторыхъ могилахъ у ногъ, въ головахъ, или въ томъ и другомъ мѣстѣ устанавливались обрубки дерева въ видѣ скамеекъ. Въ большей части могильбы находима глиняная и стеклянная посуда. Положеніе ея при погребеніи опредѣлено выяснилось лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Совершенно определено установлено въ одномъ случаѣ помѣщеніе сосудовъ *въ особомъ отдаленіи* могилы, въ южномъ ея концѣ. Сосуды кажутся здѣсь неподревоженными, лишь раздавленными заполнившей могилу землей. Здѣсь найденъ прекрасный изъ зеленаго стекла большой кувшинъ, стеклянныи бальзамарій и кромѣ того 3 глиняныхъ сосуда темной глины и грубой работы, кость животнаго и желѣзный ножъ.

Въ шести погребеніяхъ найдены, частью разбитыя, шесть остродонныхъ амфоръ, безъ клеймъ, малыхъ размѣровъ. Лишь на одной изъ нихъ видны знаки красной краской, при чёмъ ясно прочитывается буква *а*.

Два шаровидныхъ кувшина, изъ которыхъ одинъ со знаками, сдѣланными остріемъ, патеры, чашки безъ ручекъ, масса черепковъ и амфорныхъ ручекъ, найденныхъ въ могилахъ, и особенно въ ихъ, даютъ основаніе полагать, что форма глиняныхъ сосудовъ была здѣсь разнообразной. Нѣкоторые черенки отличной красной, хорошо отмученной и обожженной глины. Однако не встрѣчено ни одного черенка чернолакового или съ орнаментомъ.

Изъ глиняныхъ предметовъ слѣдуетъ еще отмѣтить лампочку съ изображеніемъ Амура, подобную найденной въ Херсонесѣ и изданной въ Отчетѣ Имп. Арх. Ком. за 1893 г. на стр. 5. Стеклянныи сосуды встрѣчены въ видѣ кувшиновъ и стаканчиковъ (вазочекъ) и бальзамаріевъ. Изъ

металлическихъ предметовъ найдены: въ трехъ случаяхъ остатки широкихъ прямыхъ мечей и остатки желѣзныхъ щитовыхъ умбоновъ, въ одномъ случаѣ короткій прямой мечъ (быть можетъ книжалъ). Въ двухъ случаяхъ найдены удила, изъ которыхъ въ одномъ случаѣ оказались оригинальными удила желѣзныя, а кольца къ нимъ бронзовыя разнаго діаметра, изъ нихъ одно плоское.

Изъ украшений найдены бусы, преимущественно стеклянныя, янтарныя оригинальной формы, встрѣчаемыя въ прибалтійскихъ древностяхъ, обломки фибулъ, перстни, украшенные въ двухъ случаяхъ гемами. Въ качествѣ амулетовъ должно отмѣтить большой кабаній кликъ и стеклянную рыбку; послѣдняя представляетъ несомнѣнныій интересъ. Найденные въ дѣтскомъ погребеніи большая росписная буса, колокольчикъ и оригиналный желвакъ бураго желѣзника несомнѣнно игрушки.

Монетъ найдено всего три: двѣ импер. Гордіана III (238—241), найденныя вмѣстѣ въ остаткахъ кожанаго кошелька, обѣ разнаго чекана, и одна импер. Деція-Траяна (249—251). Всѣ три монеты замѣчательной сохранности, очевидно бывшия очень мало въ употребленіи.

Такимъ образомъ могилы могутъ быть опредѣлены датированы второй половиной треть资料 vѣка по Р. Х. На изслѣдуемомъ районѣ въ минувшемъ году мною были раскопаны, вблизи Братскаго кладбища, одинъ курганъ, давшій интересные результаты. Всего же здѣсь, кромѣ упомянутаго, можно указать еще 8 кургановъ, именно: два кургана къ западу и одинъ къ сѣверу отъ него, два кургана недалеко отъ станціи Мекензіевы горы, на возвышенности, и три кургана на берегу Бельбека на высотахъ, при чемъ одинъ изъ послѣднихъ имѣть каменную обкладку.

Раскопанный курганъ возвышался по лѣвой сторону отъ дороги, идущей съ Сѣверной стороны Севастополя къ ст. Мекензіевы горы, на возвышенности къ сѣв.-зап. отъ Братскаго кладбища. Размѣры кургана отъ подошвы черезъ вершину съ сѣвера на югъ—48 арш. и съ востока на западъ 54 арш. Высота около 5 арш. Раскопъ произведенъ траншеей съ востока на западъ отъ подошвы черезъ вершину кургана, причемъ обнаружено 7 погребеній, изъ которыхъ одно основное и 6 впускныхъ. Основное, покрытое накатникомъ, находилось въ центрѣ кургана. Скелетъ,ростомъ 2 арш. 13 вер., лежалъ на лѣвомъ боку на материнѣ,

ноги поджаты, лѣвая рука протянута, правая откинута направо и согнута въ локтѣ подъ прямымъ угломъ, кисть ея лежала на пауху. Черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ на западѣ; ноги на востокѣ. Съ правой стороны черепа находилась кучка красной краски. На шеѣ найдены мѣдные пронизи въ видѣ гирекъ, круглые и спиральки; одна спиралька изъ серебра. Ниже колѣнъ найдена вторая кучка красной краски и возвѣхъ ножъ мѣдный кованый и ножъ и мѣдный стержень. Весь костякъ былъ покрытъ слоемъ въ $\frac{1}{4}$ арии густой просохшей глины, твердой какъ камень, которую, повидимому въ мокромъ видѣ, было покрыть погребенный. Слой глины при расчисткѣ костяка отдѣлялся отъ материка и находившихся на немъ костей сравнительно легко, причемъ на слоѣ имѣлся отпечатокъ костей.

Размѣры могильной ямы не выяснены. Повидимому для ея устройства былъ прорѣзанъ до материка слой земли, крайне полого, затѣмъ материку выравненъ, и на него положенъ погребенный и покрытъ слоемъ глины неправильной формы, но закрывавшій собой весь скелетъ и находившійся при немъ предметы. Затѣмъ погребеніе было покрыто накатникомъ, и надъ нимъ насыпанъ курганъ. Открытыя въ курганахъ впускныя погребенія, за исключениемъ одного, оказались неподревоженными. Въ трехъ случаяхъ стѣнки могиль были обложены съ одной стороны плитами (въ двухъ съ восточной и въ одномъ съ западной стороны).

Скелеты лежали на спинѣ, головой на югъ, въ одномъ случаѣ на юго-востокѣ. Въ двухъ случаяхъ кисти рукъ лежали на тазѣ, въ одномъ—лѣвая рука протянута вдоль, правая на тазѣ, и въ одномъ—кисти руки были подъ тазовыми kostями.

Остатковъ гробовъ не встрѣчено; лишь въ одномъ случаѣ найдены остатки дерева подъ черепомъ, очевидно служившаго изголовьемъ.

При оставахъ найдено довольно значительное число глиняныхъ сосудовъ. *Патеры* преимущественно красно-лаковые,—изъ нихъ двѣ съ орнаментами,—помѣщались въ четырехъ случаяхъ въ головахъ, одинъ разъ у лѣваго бедра и одинъ—въ ногахъ. Въ патерахъ въ трехъ случаяхъ находились кости небольшихъ животныхъ. При петерахъ въ трехъ случаяхъ были найдены по одному, а въ одномъ случаѣ два желѣзныхъ ножа. *Кувшины* были найдены въ

четырехъ стоящими возлѣ патеръ. Кувшинны краснолаковые и въ одномъ случаѣ—изъ черной глины. Въ одномъ случаѣ былъ найденъ при патерѣ горшокъ черной глины, хорошаго обжога, вѣроятно замѣнявшій кувшинъ, такъ какъ очевидно служилъ для помѣщенія жидкости, оставившей слѣды на стѣнкахъ его по мѣрѣ усыханія. При патерахъ въ трехъ случаѣахъ находились *чашки*,—въ двухъ случаѣахъ съ двумя ручками и въ одномъ—безъ ручекъ, украшенная рельефными разводами, напоминающа римскія *terra sigillata*.

Изъ другихъ глиняныхъ сосудовъ слѣдуетъ отмѣтить два маленькихъ одинаковыхъ сосудика съ ручками и посиками, находившимися въ насыпи надъ одной изъ могиль, и, наконецъ, оригиналная курительница, найденная въ двухъ случаѣахъ въ ногахъ погребенныхъ. Каждая курительница состоитъ изъ двухъ сосудовъ: наружнаго большого и внутреннаго малаго. Одна изъ нихъ, съ волнистой рельефной линіей вокругъ, обращаеть на себя вниманіе своей выдѣлкой, напоминая сосуды Ла-Тенского типа. Грубо сработанная, она имѣеть блестящую стѣнкенную поверхность.

Бусы встрѣчены въ четырехъ погребеніяхъ, преимущественно изъ стекла, разнообразной формы и цвѣта: найдены кварцевые и изъ каменнаго угля (литигитовыя). Они служили преимущественно украшеніемъ шеи, но въ одномъ случаѣ—украшеніемъ рукавовъ одеждъ отъ локтя до кисти; въ одномъ же бусами былъ осыпанъ весь костякъ безъ опредѣленного порядка. Въ одномъ случаѣ найдены скарабеи.

На груди одного скелета находилась оригиналная пронизь каменнаго угля въ видѣ двухъ четырехгранныхъ пирамидъ, соединенныхъ основаниями. На каждой грани ея вырѣзано по три круглыхъ углубленія, каждое окруженое рельефнымъ ободкомъ.

Пряслицы найдены въ двухъ случаѣахъ, у лѣвой ступни и разъ у праваго колѣна.

Изъ металлическихъ предметовъ, кроме ножей, были найдены: проволочныя мѣдныя серьги, очень грубыы, сильно окислившіяся, одинъ разъ на груди обломки проволочной мѣдной фибулы, одинъ разъ серебряный распавшійся перстень съ выпуклымъ стекломъ и два малыхъ зеркальца, найденные одно у лѣвой ступни ноги одного и второе съ лѣвой стороны черепа другого костяка.

По определению Б. В. Фармаковского, эти впускные погребения должны быть отнесены ко II веку по Р. Х. Собранный материал и некоторые признаки приводят к заключению, что надгробие со скелетом с краиной красной, с мечами оружием и украшениями было насыпано небольшой сравнительно курган; затмевь в римское время на том же месте быть расположено могильника, площадь которого вероятно занимает весь курган и даже выходит за его пределы. Благодаря могильнику курган принял распыльчатую форму и разросся.

Дальнейшими работами, которые дают несомненно большей материал для обобщений, было бы интересно выяснить, какой народности принадлежать погребения Бельбекского могильника, представляющие большой интерес по устройству гробниц. Желательно было бы получить свидение, не встречалось ли тождественного устройства могил какомлибо другом месте, и сопоставить имеющейся в могилах инвентарь.

Любопытно отметить нахождение янтарных пронизей, встречаемых въ прибалтийских древностях и относимых ко времени не ранее VI века.

Таким образом монетная дата могильника (вторая половина III в.) должна быть исправлена; но сдать это пока, без достаточных и строго обоснованных данных, преждевременно.

Могильник, обнаруженный въ курганѣ и датированный Б. В. Фармаковским II веком по Р. Х., даёт интересные глиняные изделия въ видѣ прекрасной чашки, подобной римской *terra sigillata* наряду съ оригиналными двойными сосудами - „курильницами“, одна изъ которыхъ выдѣлкой напоминаетъ своеобразные сосуды Ла-Тенского типа.

Могильник у бани, датированный Н. И. Веселовским I веком по Р. Х., характеризуется прекрасными стеклянными сосудами и глиняной лампочкой съ рельефами, и представляетъ несомнѣнно крупный интерес; дослѣдованіе его будетъ произведено при первой возможности.

Таковы въ общихъ чертахъ результаты археологическихъ изысканий въ окрестностяхъ Севастополя въ 1903—4 г.г.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ГРАНПЕРОНЪ.

БІОГРАФІЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Ізложење жизні и характеристика мѣстныхъ дѣятелей, посвятившихъ свою жизнъ, свои знанія и труды на общую пользу человѣчества и благо отечества, справедливая и беспристрастная оцѣнка ихъ дѣятельности и указаніе размѣра несомнѣнной пользы, принесенной ими здѣшнему краю, составляютъ одну изъ прямыхъ задачъ Таврической Ученой Архивной Комміssії. Вотъ, почему, основываясь на тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя удалось намъ собрать объ И. И. Гранперонѣ, позволяемъ себѣ передать въ этомъ краткомъ очеркѣ нѣкоторыя черты его скромной, но неутомимой и полезной дѣятельности.

Не громкимъ, знаменитымъ именемъ, не особенно выдающимся общественнымъ положеніемъ блестяще написанный дѣятель. Рѣдко, хотя всегда есть глубокимъ уваженіемъ, упоминается имя Ивана Ивановича въ современныхъ ему изданіяхъ. Его глубокія по своей специальности знанія, широкій опытъ, неусыпный трудъ принесли несомнѣнную пользу молодой и не вполнѣ еще устроенной Новороссії. И поэтому, въ продолженіе сорока лѣтъ его знали и цѣнили всѣ выдающіеся въ то время правители Новороссійскаго края отъ Дона до Дуная.

Извѣстно, какъ часто, въ первой половинѣ прошлаго XIX столѣтія, вслѣдствіе расширенія торговыхъ сношеній, а также и войнъ Россіи съ Турціею, страшный бичъ человѣчества, чума, угрожая своимъ распространеніемъ всему Россійскому государству, свирѣпствовала въ предѣлахъ Бессарабіи, Новороссіи и Тавриды. Гранперонъ былъ однимъ изъ членовъ плеяды свѣдущихъ медиковъ, пѣмцевъ, французовъ, англичанъ, приглашенныхъ изъ-за границы русскимъ правительствомъ для организаціи и веденія борьбы

сь заразою. Снабженные широкими полномочиями, не щадя себя, эти борцы разъезжали всюду, где угрожала опасность, где требовалось близкое знакомство съ дѣломъ, останавливались на цѣлые мѣсяцы и годы въ опасныхъ очатахъ чумы, устраивали санитарныя станціи, карантинныя заставы и охранныя кордоны для отраженія степныхъ областей отъ занесенія болѣзни.

Кто былъ Иванъ Ивановичъ Грапперонъ? Его формулярный списокъ, составленный Феодосійскимъ карантиномъ въ 1848 г., далеко не полонъ; но благодаря любезному со-дѣйствію дочери его, Ольги Ивановны Оржениковой (Феодосія), я могъ собрать слѣдующія болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія объ интересующемъ насъ дѣятелѣ.

И. И. Грапперонъ родился въ г. Орлеанѣ въ 1774 году и, какъ гласить его формулярный списокъ, происходилъ „изъ французскихъ дворянъ“. По окончаніи классического образования въ родномъ городѣ, онъ былъ зачисленъ въ 1791 году въ студенты медицинскаго факультета Парижской Академіи, откуда, послѣ террора, въ 1796 году, выпущенъ съ дипломомъ *доктора медицины* и причисленъ къ практикующему персоналу отдѣленія инфекціонныхъ болѣзней въ главномъ парижскомъ госпиталѣ „*Hôtel-Dieu*“. Состоя въ теченіе болѣе десяти лѣтъ дѣйствительнымъ или почетнѣмъ членомъ нѣсколькихъ обществъ для поощренія и распространенія медицинскихъ, гальваническихъ и клиническихъ знаній, Грапперонъ, благодаря своей практикѣ и своимъ научнымъ трудамъ по медицине, успѣхъ пріобрѣсти нѣкоторую извѣстность въ столицѣ Франціи и даже обратилъ на себя вниманіе императора Наполеона I. По его рекомендациіи онъ, въ 1809 году, былъ приглашенъ на русскую службу по контракту, на 10 лѣтъ, тогдашнимъ русскимъ посломъ въ Парижѣ, княземъ А. Б. Куракинымъ. Въ этомъ же году, 19 ноября, Грапперонъ подвергся испытанію предъ совѣтомъ Императорской медико-хирургической С.-Петербургской академіи и получилъ отъ онаго дипломъ *) на званіе

*) Копія диплома, выданаго Грапперону Совѣтомъ С.-Петербургской „медико-хирургической Академіи: „Sub Auspicatissimo Regimine Alexandri I, „Augustissimi ac Potentissimi Omnium Rutheniarum Imperatoris et Autocratoris, „Principis ac Domini Nostri longe Clementissimi, Res Imperii Internas Administrante „Excellentissimo ac Illustrissimo Domino Alexio Boriside e Principibus de Kurakin, „Viro Munerum Splendore, Gravitate et Amplitudine Meritorum maxime con-“spicuo, Nos Praeses, Artis salutaris Professores et Collegae Imperatoriae Medi-“co-chirurgicae testificamus Dominum Ioannem Baptistam, Spiritum Grapperon,

доктора медицины I класса. Вслѣдъ за этими, 23 ноября 1809 года, онъ былъ определенъ для пользованія больныхъ въ С.-Петербургскій гвардейскій артиллерійскій госпиталь, но черезъ полгода (20 мая 1810 г.) его перевели, по прошенію, въ Крымъ. Здѣсь открывается его дѣятельность въ борьбѣ съ заразительными болѣзнями въ лагеряхъ и лазаретахъ военныхъ частей, расположенныхъ на полуостровѣ. Въ теченіе 18-ти мѣсячной практики въ войскахъ ему не разъ приходилось выказать съ успѣхомъ свои знанія въ борьбѣ съ чумою (1810—1811 г.).

Въ это время Новороссійскій край особенно нуждался въ свѣдущихъ медикахъ: „Въ 1812 году, говоритъ лѣтописецъ этого края *), герцогъ Ришелье боролся съ самимъ жестокимъ зломъ, какимъ Прорицаніе испытываетъ родъ человѣческій,—съ восточною чумою“. Эпидемія охватила одновременно Бессарабію, Одессу, Херсонъ, всю южную область края, всю Тавриду. По распоряженію Ришелье доктора распредѣлили между собою трудъ и районы борьбы. Въ Крыму зараза, несмотря на энергичныя мѣры, принятые военными и гражданскими властями, 21 августа, яви-

„Facultatis medicae quae Lutetia Parisiorum floret, Medicinae Doctorem, Academiae Celticae, societatum: Academiae scientiarum Galvanicae, medicae „Aemulationis, Clinicae nec non Instructionis medicae honorarium Sodalem, ut „Artis, quam profitetur, exercendae, jus legitime obtineret, coram academico „Conventu comparuisse atque datis die II-a mensis Septembris anni MDCCCIX „eruditioнis suaे speciminiibus et clinicis morborum cognoscendorum curando-rumque exercitationibus, eam ad faciendam apud nos Medicinam utramque „probasse doctrinam ut inter Clinicos (primaе classis) Ruthenici Imperii referri „meruerit, concessa Eidem suffragante rerum Imperii internarum Administro „ampla per universam Russiam exercendae salutaris artis facultate.

„In publicam fidem hoc testimonium sigillo Academiae m'ori munitum, „atque a nobis subscriptum dedimus Petropoli die I mensis Novembris anno „MDCCCIX.

Jacobus Veylie

„Augusto Imperatori a Consiliis Status actualibus, Medicinac et Chirurgiae „Dector S. M. Archi-Chiriarter, Imperatoriae Medico-Chirurgicae Academiae „Praeses, supremus rei medicae castrensis Inspector, Consilii medici, va-riarumque erud. Societat. membrum, Ord. S. Vladimiри III et Eques.

Ioannes Orlay

„Augusto Imperatori a Consiliis Collegiorum A. A. L. L. M. Philoso- „phiae, Medicinae et Chirurgiae Doctor, aulae Caesareae Medico-Chirurgus, „ejusdem Academiac Secretarius literarius, variar. erud. societat. membr. Ordini „S. Vladimiри IV cl. Eques.

Въ книгу внесено 19 ноября 1809. № 60.

**) Аполлонъ Скальковскій. Хронологическое Обозрѣніе исторіи Ново- россійскаго края. Ч. II 1796—1823 г. Одесса 1838 г.

лась въ Феодосії *). Вскорѣ, принявъ ужасающіе размѣры, несмотря на строжайшій карантинный кордонъ, организованный градоначальникомъ С. Броневскимъ, она распространилась по всему Крыму. Еникале, Керчь, Старый-Крымъ, Судакъ, Симферопольскій уѣздъ, 49 русскихъ и татарскихъ деревень потеряли громадное число своихъ жителей. Въ самой Феодосіи чума продолжалась 3 мѣсяца и 18 дней; изъ всего тогдашняго населенія города, простиравшагося до 7000 душъ, заболѣло чумой 758 человѣкъ, изъ которыхъ умерло 541, а 217 выздоровѣли **). Затѣмъ, уже въ январѣ 1813 года, послѣ шести мѣсяцевъ опустошенія, чума совершенно исчезла. Во время этой страшной эпидеміи И. И. Грапперону, по распоряженію Ришелье, пришлось устраивать изоляціонные кордоны и виѣшніе карантины въ Перекопѣ, въ Арабатѣ и др. мѣстахъ Азовскаго побережья. Принятая имъ совмѣстно съ другими благоразумныя и энергичныя мѣры вскорѣ довели борьбу съ эпидеміей до желаемыхъ результатовъ. Сношенія съ Турциею, Кавказомъ и Кубанской областью временно прекратились. Изоляція Крымскаго полуострова съ этой стороны оказалась полнѣйшою. Въ награду за „*отличную распорядительность при испреблении бича чумы*“, Грапперонъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры.

Однако „бичъ“ все таки, въ томъ или другомъ портѣ, въ Феодосіи, Керчи, Севастополѣ, Евпаторіи, то спорадически, то эндемически наводилъ страхъ на жителей полуострова и держалъ насторожѣ тѣхъ, кого правительство поставило для веденія съ нимъ борьбы. Медицина по части заразныхъ болѣзней не обладала въ то время тѣмъ свѣдѣніями о профилактическихъ и др. способахъ борьбы съ чумою, какими пользуется она въ настоящее время. Мѣры огражденія или загражденія здоровой части населенія отъ эпидеміи продиктованы были не самой медицинской наукой, а скорѣе инстинктивнымъ, здравымъ общеноароднымъ чувствомъ самосохраненія. Онѣ имѣли главнымъ образомъ чисто административный характеръ и мало ограждали отъ заразы лицъ, окружавшихъ больного. Много врачей и санитаровъ дѣлались жертвами своего самоотверженія. Нѣкоторые изъ нихъ, наблюдавши за ходомъ и развитіемъ болѣзни, чувствовали, что въ ихъ распоряженіи, несмотря

*) Op. cit. стр. 215.

**) Op. cit. стр. 224.

на пространный и подробный ими руководящій медицинскій кодексъ, не было точнаго указанія, какими именно средствами имѣть слѣдуетъ пользоваться въ случаѣ заболѣванія чумою. Поэтому, обладая достаточнымъ хладнокровіемъ, находясь въ самомъ очагѣ эпидеміи, изъ преданности къ наукѣ, эти люди дѣлали всевозможныя наблюденія, ежечасно занося ихъ въ свои карманныя книжки и ежедневно въ отдѣльныхъ рапортахъ донося объ этомъ начальству. И. И. Грапперонъ былъ однимъ изъ такихъ преданныхъ наукѣ людей. Будучи уже „главнымъ медицинскимъ чиновникомъ Феодосійскаго карантина“ (1821 г.), онъ изложилъ результаты своихъ десятилѣтнихъ изслѣдованій въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: „*Мои наблюденія и заключенія по лѣченію отъ чумы*“.

Между тѣмъ въ 1824 г. въ русскихъ войскахъ, расположенныхъ вдоль Дуная, зараза производила цѣлые опустошенія. Понадобилось не малое число врачей. Новороссійскій генераль-губернаторъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, ознакомившись съ научными трудами Грапперона, нашелъ полезнымъ командировать его въ г. Измаилъ, куда въ январѣ 1825 г. онъ и отправился. По пути туда, въ Яссахъ, Букарештѣ, по Дунаю до Рени, Грапперонъ нашелъ санитарное состояніе войскъ ужаснымъ. Въ лазаретахъ лежали цѣлые полки. Къ заболѣваніямъ тифозной лихорадкой присоединились холера и чума. Немедленно по прибытіи въ Измаилъ, Грапперонъ отправилъ графу Воронцову рапортъ о видѣнномъ и принятыхъ имъ мѣрахъ къ улучшенію положенія больныхъ воиновъ и огражденію еще здоровыхъ отъ заразы. Благодаря его распоряженіямъ, санитарное положеніе войскъ стало къ веснѣ видимо поправляться. По засвидѣтельствованію Воронцова, за столь дѣятельное усердіе въ службѣ, Грапперонъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени (27 іюня 1825 г.). Сверхъ этого, въ февралѣ 1826 г., въ виду полнаго прекращенія эпидемическихъ заболѣваній въ Придунайскихъ областяхъ, Грапперону выражено было Монаршее Его Императорскаго Величества благоволеніе. Черезъ годъ (1827 г.), за выслугу лѣтъ, Иванъ Ивановичъ былъ произведенъ въ надворные совѣтники. Все это время, безпрерывно до конца 1828 года, онъ работаетъ въ лазаретахъ и госпиталяхъ Бессарабіи и Молдаво-Валахіи. Его неутомимая дѣятельность въ этотъ періодъ времени особенно высказывается

въ постоянныхъ разѣдахъ по этимъ зараженнымъ областямъ и во множествѣ его докладовъ и рапортовъ медицинскому департаменту и начальникамъ войсковыхъ частей. Мы видимъ его то въ Яссахъ, то въ Букаренштѣ. Извѣстіе о послѣдніи города онъ, между прочимъ, отправляетъ на имя новороссійскаго генералъ-губернатора обстоятельный проектъ „объ учрежденіи при второй арміи подвижного карантина“. Графъ Воронцовъ, безъ задержки, въ виду важности предмета, поднесть эту записку на Высочайшее государя императора разсмотрѣніе. До приведенія въ дѣйствіе и для лучшаго осуществленія означенаго проекта, по распоряженію генералъ-адютанта графа Дибича, поручено было Грапперону произвести дезинфекцію всѣхъ госпитальныхъ зданій въ г. Букаренштѣ (8 іюля 1828 г.).

Однако Сербія, Молдавія и Валахія были освобождены отъ оттоманского ига, и война приходила уже къ концу. Еще до наступленія зимы, послѣ долгаго отсутствія, Иванъ Ивановичъ возвращается въ Феодосію, но не на долго. Въ январѣ 1829 года, распоряженіемъ гр. Воронцова, онъ командируется въ Севастополь для указанія средствъ къ прекращенію повальной болѣзни, возникшей среди команды военнаго корабля „Іоаннъ Златоустъ“. Здѣсь, въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ получаетъ приказъ явиться въ Одессы для исполненія обязанностей главнаго медицинскаго карантиннаго чиновника, но 8-го іюля, вслѣдствіе замѣченыхъ въ Могилевскомъ, Подольскомъ и Маховецкомъ карантинахъ безпорядковъ, Грапперонъ отправляется обревизовать эти санитарные пункты. Результатомъ этой ревизіи было учрежденіе, по указанію Грапперона, въ м. Каменкѣ и др. мѣстностяхъ Малороссіи карантинныхъ „заставъ“ и приведеніе въ надлежащей порядокъ дѣйствія Дубосарской (на Днѣстрѣ) карант. конторы и Порханской заставы.

Въ его отсутствіе показалась въ Одессѣ чума (въ авг. 1829 г.) *). Грапперонъ спѣшилъ туда и немедленно по прибытіи въ городъ даетъ распоряженіе объ „общей окуркѣ и полномъ очищеніи по карантиннымъ правиламъ всѣхъ хуторовъ и деревень, заключенныхъ въ городской чертѣ“. Цѣлый день 3-го сентября, подъ личнымъ его наблюденіемъ, производится дезинфекція и окурка Покровской церкви. По минованіи въ г. Одессѣ опасности, 23 этого-же сентября Иванъ Ивановичъ возвращается въ Феодосію всего на

*) Формул. списокъ И. И. Грапперона.

две недѣли, такъ какъ 3-го октября онъ спою призываются къ дѣятельности.

Таврическій гражданскій губернаторъ Александръ Ивановичъ Казначеевъ зоветъ его въ Севастополь. Здѣсь въ городѣ и въ войскахъ свирѣпствуетъ чума. Генералъ отъ кавалеріи графъ де-Виттъ „проситъ доктора Грапперона осмотрѣть больныхъ и указать врачамъ тѣ способы, кои обстоятельства могутъ требовать отъ опыта его по чумной болѣзни“ *). Всю зиму до апрѣля 1830 года Иванъ Ивановичъ провелъ въ Севастополѣ. 30 мая этого же года „за отличное усердіе и неусыпные труды, имъ понесенные по прекращенію бывшей въ г. Одессѣ чумной заразы“, Грапперонъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Съ своей стороны, Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ выразилъ ему свою „искреннюю благодарность“. Сверхъ этого, за 10-тилѣтнюю беспорочную и непрерывную по карантинной части службу по Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ, выданъ Грапперону въ единовременное награжденіе двойной окладъ жалованья.

Въ 1832 г. мы застаемъ доктора Грапперона въ Евпаторії, гдѣ среди пассажировъ турецкаго судна показались симптомы заразной болѣзни. Онъ немедленно организуетъ карантинную изоляцію больныхъ, для ухода за ними даетъ санитарному персоналу надлежащія инструкціи, усиливаетъ надзоръ далеко за чертою мѣстности. Усилия его очевидно увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ 20 сентября 1833 года онъ готовился вернуться въ Феодосію. Между тѣмъ русское торговое судно „Пророкъ Энохъ“ привозить въ сватопетровскій карантинъ новую партию зачумленныхъ пассажировъ. Этотъ случай требуетъ отъ Ивана Ивановича новыхъ усилий. Онъ покидаетъ Евпаторію только въ мартѣ 1834 г. За столь ревностное усердіе, засвидѣтельствованное начальствомъ, 18 мая этого же года ему выражено Монаршее благоволеніе. Графъ Воронцовъ со своей стороны выражаетъ ему свою „искреннюю благодарность“.

По возвращеніи въ Феодосію, Грапперонъ приступаетъ къ составленію объемистаго доклада, производящаго въ компетентныхъ сферахъ сенсацію, подъ заглавиемъ: „*Мои исследование по чумѣ*“, съ приложеніемъ нарисованныхъ имъ и раскрашенныхъ таблицъ, изображающихъ „признаки зар-

*) Loco citato.

женія пацієнтовъ". Представленный въ министерство внутреннихъ дѣлъ, этотъ трудъ признанъ медицинскимъ совѣтомъ „*заслуживающимъ уваженія и полезнымъ для врачей*“, Министерство, утвердивъ постановленіе совѣта, приказало: „*Сочиненіе д-ра медицины Грапперона отпечатать и разослать во всѣ подвидомѣстvenныя департаменты мыста*“ (1841 г.)

Въ этомъ-же году, за отлично-ревностную службу и особые труды выражено Грапперону Монаршее Его Величества благоволеніе.

22 августа 1842 года окончилась 20-тилѣтняя въ классахъ чинахъ служба этого полезнаго дѣятеля. Иванъ Ивановичъ пожалованъ быть установленнымъ знакомъ отличия и, на основаніи карантиннаго устава, въ виду особыхъ заслугъ, получилъ въ награду двухъ-годовой окладъ жалованья.

Въ 1847 году, 24 августа, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, Грапперонъ былъ вызванъ въ Петербургъ принять участіе въ комиссіи для выработки нового законоположенія о чумной заразѣ. Занятія этой комиссіи продолжались шесть мѣсяцевъ, послѣ чего Грапперонъ отправился домой. Здѣсь въ формуллярномъ спискѣ заканчивается перечень заслугъ и трудовъ ревностнаго и полезнаго дѣятеля. Извѣстки краткой замѣтки, пребавленной къ этому списку, мы узнаемъ, что судьба не дала ему благополучно доѣхать до єеодосію. „При возвращеніи домой, на пути изъ столицы въ Крымъ, 20 марта 1848 года, въ селѣ Дмитріевкѣ, Обоянского уѣзда, Курской губерніи, докторъ медицины Иванъ Ивановичъ Грапперонъ найденъ быть звѣрски убитымъ“ *). Ему было тогда отъ роду 74 года.

И. И. Грапперонъ не только отличался своими знаніями по медицинѣ; онъ былъ также и ревностнымъ археологомъ. Живя въ єеодосіи въ то время, когда еще недавно перешедшій во владѣніе Россіи Крымскій полуостровъ начиналъ обращать на себя вниманіе всего ученаго міра, когда Дюбрюкъ, Ив. Стемпковскій, графъ Н. Румянцевъ, графъ Северинъ Потоцкій, Иванъ Бларамбергъ, Келлеръ и др.—въ Керчи, Степанъ Броневскій, савойскій дворянинъ

*) У дочери И. И. Грапперона, г-жи О. И. Оржениковой, хранится копія обвинительного акта и опредѣленія Курского суда, гдѣ подробно изложено дѣло объ этомъ звѣрскомъ преступлении.

Галлера въ Феодосії, французы Рельи, Рауль Ришель, Ле-Пле, Дюбуа-де-Моншерре, русские ученые Муравьевъ-Апостоль, П. И. Кеппенъ и др. всесторонне изслѣдовали эти мѣста, Иванъ Ивановичъ часто встречался съ этими учеными. Онъ со многими изъ нихъ былъ въ перепискѣ, принималъ ихъ въ свою домъ, служилъ имъ проводникомъ среди развалинъ генуэзской Каффы, водилъ ихъ въново-созданный (1811 г.) Феодосійскій музей, гдѣ, по словамъ Ле-Пле, они каждый день проводили въ его интересномъ и любезномъ обществѣ долгіе часы. До 1848 года Иванъ Ивановичъ былъ хранителемъ Феодосійского музея древностей. Нужно полагать, что послѣ ухода или смерти Броневского и Галлеры, около 1830 года, Грапперону, какъ дѣльному и свѣдущему человѣку, поручили храненіе драгоценныхъ историческихъ предметовъ, помѣщенныхъ въ маленькой татарской мечети, подъ кровлею которой они находили пріютъ 60 лѣтъ. Извѣстный авторъ исторического сочиненія о Тавридѣ Феликсъ Лагоріо, незабвенный и неутомимый Н. Н. Мурзакевичъ считали Грапперона своимъ другомъ; правители Новороссійского края А. А. Ланжеронъ и М. С. Воронцовъ покровительствовали ему.

О Грапперонѣ, какъ археологѣ, встрѣчаемъ слѣдующій лестный отзывъ ученаго Ле-Пле въ извѣстномъ сочиненіи А. Демидова *), на стр. 146: „Доктору Грапперону, ревностному археологу, взявшему Феодосію подъ охрану своего знанія, пришла счастливая мысль составить планъ, на которомъ искусно изображена бывшая Каффа. По остаткамъ развалинъ, мѣста которыхъ ему извѣстны, г. Грапперонъ возстановилъ размѣръ генуэзского города, его красивыхъ защитныхъ стѣнъ, его многочисленныхъ зданій и его нынѣ засохшихъ фонтановъ. Этотъ трудъ несомнѣнно цѣнны и представляетъ высокій интересъ для археологии“.

Прочитавъ эти строки, невольно задаешь себѣ вопросъ: „гдѣ этотъ планъ?“ ибо мы, по крайней мѣрѣ, тщетно его искали въ архивѣ и библіотекѣ Феодосійского музея. Потеря эта для насъ очень велика, потому что въ настоящее время возстановить подобный планъ положительно немыслимо. Много мѣсть бывшихъ башенъ, зданій, церквой, мечетей и фонтановъ совершенно стерто съ лица земли.

* Говоря объ И. И. Грапперонѣ, мы считали бы нашу

*) Voyage (1837) dans la Russie M ridionale par Anatole D midoff, Paris, 1854.

задачу біографа не вполнѣ исполненою, если бы не прибавили, что онъ въ Феодосіи, и вѣроятно во всей Тавридѣ, стоялъ главою Феодосійской масонской ложи „Горданъ“. Печать этой ложи *) хранится въ Феодосійскомъ музѣ. Прилагаемъ точный син. Намъ помнится, что задѣ мы видѣли при перону отличительные ства: бѣлый съ крас стонахъ передникъ, ло ка, мечъ и треуголь указываютъ на высо перона въ іерархіи на“. Этому послѣдне слѣдуетъ приписать неожиданное послѣ смерти Грапперона прибытие въ Феодосію одесского массона Тэтбу-де-Марини, который, по словамъ дочери доктора, собралъ и увезъ съ собою всю его переписку, много рукописей и документовъ, можетъ быть и вышеупомянутый интересный планъ среднѣвѣковой Каффи.

мокъ съ этой печати лѣть 20 тому на надлежавшіе Гранатрибуты масонскою каймою въ фенаточку каменщикъ никъ“. Эти знаки кую степень Гранбратьства „Гордану“ обстоятельству

Л. Колли.

*) Съ изображеніемъ трехъ крестовъ, воздвигнутыхъ на горкѣ изъ каменныхъ глыбъ, и надписью: „du Jourdain à Théodosie“.

ПОДЛИННЫЙ ПОРТРЕТЪ АЛИМА.

Недавно г-жа Марія Дмитріевна Де-Вальдентъ *) присла-
ла изъ Одессы въ даръ Феодосійскому музею древностей
хранившійся съ 1849 года въ ея сем'ѣ, рисованный каран-
дашомъ съ натуры портретъ-эскизъ прославившагося лѣтъ
60 тому назадъ своими похождѣніями крымскаго разбой-
ника *Аліма-Азаматъ огу* **).

Въ виду интереса, который можетъ представить этотъ
предметъ, прилагаю *fac-simile* портрета съ маленькой замѣт-
кой.

Не подвиги, разумѣется, легендарного крымскаго Фра-
Діаволо намѣреваюсь я прославлять въ этомъ краткомъ со-
общеніи. Несмотря на почти богатырское представлениe, какимъ
освѣщена личность Аліма среди татарскаго населенія
нашего полуострова, эта личность, по своимъ поступкамъ
не можетъ быть признана заслуживающею особеннаго вни-
манія историка. Я только желалъ бы въ этихъ строкахъ,
вмѣстѣ съ прилагаемымъ портретомъ, сообщить нѣкоторыя
болѣе или менѣе положительныя данныя, удостовѣряющія
подлинность прилагаемаго рисунка, а также указать лич-
ность художника, которому удалось, при особыхъ обсто-
ятельствахъ, закрѣпить навсегда на бумагѣ черты Аліма,
уже осужденнаго, не задолго до его ссылки.

Не имѣя подъ руками документальныхъ данныхъ объ
этотъ татарскомъ разбойникѣ, терроризировавшемъ въ свое
время все населеніе Крыма, не стану много распространяться
здѣсь о его почти легендарныхъ продолжкахъ. Впрочемъ,
и нѣтъ въ этомъ надобности. Кажется обѣ Алімъ уже
все было сказано. Помимо известныхъ, болѣе или менѣе до-

*) Рожденная Кушникова, виучка извѣстнаго благотворителя, пожертвовавшаго въ 1835 году 300,000 рублей ассигнаціями на учрежденіе въ Оеодосії института благородныхъ дѣвицъ Таврической губерніи.

**) Татаринъ-крестьянинъ Оеодосійскаго уѣзда, деревни Конерли-Кой.

Honoré Schubert - 11 December 1879
Si ces quelques traits m'attirent quelques-fois
un petit bonheur, je serai de toute force une
Délivré, que d'original n'a jamais fait de mal

стовърныхъ, ходящихъ среди крымского населения разсказывать, анекдоты, сцены, въ послѣднее время появились въ печати цѣлые литературные произведенія,—повѣсти, романы *), даже театральная пьеса **) подъ заглавіемъ: „Алимъ, крымскій разбойникъ“.

Собственно говоря, Алимъ не былъ разбойникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Алимъ не убивалъ; онъ только, прибегая къ насилию, грабилъ съ оружіемъ въ рукахъ и употреблялъ его лишь для того, чтобы напугать свою жертву, или для собственной защиты. Онъ походилъ на сицилійскихъ или корсиканскихъ бандитовъ, скрывавшихся въ лѣсистыхъ горахъ отъ преслѣдованія административныхъ и судебныхъ властей ***).

Какъ известно, Алимъ былъ дезертиромъ и, какъ таковой, смотря по обстоятельствамъ, всѣми способами старался ускользнуть отъ преслѣдовавшихъ его полицейскихъ и военныхъ чиновъ. Благодаря присущей татарину-горцу ловкости, прекрасному знакомству съ мѣстностью, а равно и укрывательству со стороны своихъ соглѣменниковъ, быстрыми, громадными переходами изъ одного уѣзда въ другой, часто пробивался онъ сквозь разставленныя цѣпи охотниковъ и солдатъ. Изъ страха-ли, или изъ участія къ его несчастному положенію, всѣ татарскія деревни, всѣ муллы ему покровительствовали, доставляли пріютъ, укрывали. Сколько разъ для его поимки были устраиваемы облавы изъ ста и болѣе человѣкъ! Окруженный, какъ звѣрь въ искусно подготовленной облавѣ, въ мѣстности, изъ которой, казалось, не ускользнула бы и мышонокъ, Алимъ, подобно оперному разбойнику, верхомъ, на глазахъ всѣхъ, проби-

*) „Алимъ, Крымскій разбойникъ“, романъ И. А. Попова, изд. В. В. Комарова. С.-Петербургъ, 1895 г.—Качони, С. Л. Свадебный подарокъ. Рассказъ. Вокругъ Свѣта, 1897 г., № 36 и. сл.

**) „Алимъ, крымскій разбойникъ“, драматич. сцены въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ, сочиненіе А. Я. Козлова.

***) „Черезъ четыре мѣсяца пришла сентенція изъ Петербурга. Государь Императоръ, принимая во вниманіе, что татаринъ Алимъ, хотя и грабилъ многихъ и учинилъ рядъ беззаконныхъ поступковъ, но никого не убилъ, ибо убийство мурзака, на основаніи показаний свидѣтеля Мустафы, было сдѣлано другимъ лицомъ, но не Алимою, слѣдовательно, здѣсь онъ является виновнымъ лишь въ пожеланіи назвать своего сообщника, а не въ убийствѣ,— повелѣлъ крестьянину Осодосійскаго уѣзда, деревни Коперли-кой, Алима Азаматъ-оглу прогнать сквозь строй наизисотъ человѣкъ и несть разъ и сослать на Алландскіе острова“. (И. А. Поповъ, стр. 180).

вался сквозь чащи, спускался съ крутой скалы въ пропасть, или быстро поднимался на вершину сосѣдней горы.

Въ началѣ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія мнѣ случилось побывать въ имѣніи Шеихъ-Мамай, Феодосійскаго уѣзда, у профессора Ивана Константиновича Айвазовскаго. Зашла рѣчъ объ Алимѣ. Вотъ что, между прочимъ, въ бѣсѣдѣ мнѣ рассказывалъ маститый художникъ.

„Однажды, въ 40-хъ годахъ, помню, заѣхали ко мнѣ, въ Шеихъ-Мамай, изъ Феодосіи, нѣсколько офицеровъ и полицейскихъ чиновъ и попросились здѣсь переночевать. „Алимъ, говорили они, скрывается тутъ недалеко, въ окрестныхъ старокрымскихъ лѣсахъ. Идемъ завтра на разсвѣтѣ устраивать облаву“.

„Дѣйствительно, вставши утромъ, я ихъ уже у себя не засталъ. На другой или на третій день вернулись офицеры.— „Ну что? спрашивало: видали-ли вы Алима?“— „Какъ-же, видали! Мы цѣпью окружили всю гору между Отузами и Кизилташемъ. Разбойникъ скрывался въ густомъ лѣсу. Его увидали наши ребята и стали стрѣлять въ него. Конь у него молодой, сѣрий. На головѣ у него сѣрая смушковая шапка. Около 8 часовъ утра, когда наша рота, сомкнувшись, вотъ-вотъ должна была собраться въ заранѣе намѣченный пунктъ, съ вершины сосѣдней горы раздался звучный, веселый голосъ: „ура“! Алимъ, какъ конная статуя, неподвижный, верхомъ на сѣромъ конѣ, махалъ шапкой. Вся эта фигура рельефно выдѣлялась на свѣтломъ фонѣ безоблачного неба. Только его и видали!“

— Но скажите, Иванъ Константиновичъ, спросилъ я, Вы видали Алима?

— Конечно, не разъ видать, бѣсѣдоваль даже съ нимъ, какъ теперь съ вами, здѣсь въ Шеихъ-Мамаѣ, кофсемъ его угощалъ.

— Неужели? Каковъ былъ онъ собой? Какова была его наружность?

— Наружность Алима? Какъ у всѣхъ нашихъ татаръ. Черная изъ люстрины куртка съ короткими рукавами, изъ которыхъ, покрывая мышцы, высѣли широкіе, всегда чистые рукава рубахи; широкіе черные, опоясанные восточнымъ разноцвѣтымъ шарфомъ штаны; на голыхъ ногахъ крѣпкіе, открытые башмаки, а на головѣ сѣрая смушковая шапка,—таковъ былъ его костюмъ. Лицо у него было нѣсколько продолговато, съ сѣрыми умными, симпатичными

глазами, черные усики, плечи довольно широкія, ростъ средній, станъ бодрый, тѣлосложеніе здоровое. Видно было, что это ловкий и сильный татаринъ лѣтъ около тридцати. Конь у него былъ лихой, какъ и самъ хозяинъ.

— Не существуетъ ли гдѣ-нибудь его портрета?

— Представьте себѣ, была здѣсь въ Крыму, въ концѣ 40-хъ годовъ, одна француженка, и ей удалось, по моей пропекціи, въ симферопольскомъ тюремномъ замкѣ срисовать карандашемъ съ натуры эскизъ Алима.

— Что вы говорите?

— Да. Но теперь неизвѣстно, гдѣ этотъ интересный рисунокъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, интересно было-бы лицезрѣть физіономію этого татарского бандита, о которомъ весь Крымъ разсказываетъ всевозможныя легенды.

— Не могу вамъ сказать, куда дѣвался этотъ портретъ. Вѣроятно художница подарила его кому-нибудь или увезла съ собою. Вѣдь въ 40-хъ годахъ у насть получить гравированный портретъ составляло большое затрудненіе, а тѣмъ болѣе портретъ такого субъекта, какъ Алимъ. Фотографіи еще не существовало.

— Вы говорили, Иванъ Константиновичъ, что бесѣдовали съ Алиромъ здѣсь, въ Шеихъ-Мамаѣ?

— Да, быстро прерваль меня маэстро. Первая моя встрѣча съ нимъ происходила здѣсь, лѣтомъ, около 9—10 часовъ утра. Входитъ ко мнѣ въ мастерскую мой служитель и докладываетъ, что какой-то татаринъ желаетъ поговорить со мной. Бросаю кисти, палитру и выхожу на веранду, гдѣ стоитъ молодой татаринъ. Что тебѣ надо? спрашиваю потатарски.

— Желаю говорить съ Ованесомъ-ага.

— Я.

— А я—Алимъ, настоящій.

— Алимъ! . . . Этотъ . . .

— Да, много слыхалъ я про тебя. Всѣ тебя знаютъ и хвалятъ. Давно хотѣлъ видѣть тебя. Говорять, картины пишешь. Можно-ли посмотреть?

Айвазовскій въ этотъ день оканчивалъ четвертую изъ большихъ заказанныхъ султаномъ картинъ, видовъ Босфора. Сюжеты, интересные для мусульманина.

— Хочешь посмотреть на мои работы? Иди!

Мы вошли въ мастерскую.

— Вотъ виды Стамбула, серая падишаха, Босфора, Скутари...

— Красиво! . . . А эти маленькия картины на стѣнѣ— это тоже твоя работа?

— Какъ-же! Это виды нашего Крыма.

— Узнаю! Мѣста эти мнѣ хорошо извѣстны. Горы, даль, зелень. Вотъ Судакъ, Ялта, вотъ здѣсь, на Салгирѣ, такія же точно мѣста! Ты былъ тамъ, Ованесъ-ага?

— Конечно!

— Я эти мѣста прекрасно знаю. Часто въ нихъ бываю. Тамъ такія чудныя мѣста! Скалы, лѣса, ручьи . . . Какъ хорошо тамъ отдыхать, улечься въ тѣни! . . . О, нашъ Крымъ лучшіе всѣхъ сultанскихъ дворцовъ! . . . Спасибо тебѣ, Ованесъ ага, что ты мнѣ все это показалъ. Теперь понимаю, почему всѣ, даже государь, съ тобою знакомы. Спасибо. Прощай, Ованесъ-ага!

Услышавъ этотъ разсказъ „Рафаэля морей“, мнѣ казалось, что я присутствую при повтореніи на почвѣ Тавриды извѣстной сцены изъ бiографіи Сальватора Розы, когда, гдѣ-то въ горахъ Калабріи, своими только что оконченными съ натуры этюдами этотъ художникъ очаровалъ и довелъ до нѣжнаго умиленія невинной овечки грознаго неаполитанскаго бандита. Намъ хорошо извѣстно, какъ горячо Айвазовскій любилъ свой Крымъ. Алимъ-жe, несмотря на легкую для него возможность сто разъ покинуть скалы и пропасти Яйлы, предпочелъ покориться строгости государственныхъ законовъ, чѣмъ переселиться куда-нибудь, хотя-бы и въ мусульманскую Турцію *).

— Нѣть, Алимъ, не „прощай“, продолжалъ свой разсказъ Айвазовскій. Я здѣсь хозяинъ. Выпьемъ, по крымскому обычаю, по чашкѣ хорошаго кофе.

И на верандѣ Алимъ принялъ отъ хозяина чашку турецкаго кофе. Они разговорились.

— Холость ты еще, Ованесъ-ага?

— Да, но думаю скоро жениться.

— Буду на твоей свадьбѣ! Хочу посмотретьъ на твою невѣсту.

Айвазовскій весь содрогнулся отъ ужаса.

— Да, да, буду. Прощай, Ованесъ-ага!

*) Разсказъ о томъ, что разбойникъ, отбывъ наказаніе плетьми, въ ссылку не пошелъ, а бѣжалъ изъ симферопольской тюрьмы въ Константинополь, плодъ фантазіи его соплеменниковъ. (Н. А. Ноловъ).

И, посигъшио выпадин за илестень сада, Алимъ вскочилъ на сѣренъкаго дружка и помчался по направлению къ Бурундуку.

Въ 1849 году Айвазовскій женился на англичанкѣ Ю. Я. Грэвсъ. Брачный обрядъ происходилъ въ оеодосійской армянскій церкви, а затѣмъ, по желанію невѣсты, въ видѣ благословенія, въ цюрихтальской реформатской киркѣ *). Многочисленный свадебный кортежъ возвращался послѣ вѣчанія изъ кирки въ Шеихъ-Мамай. Путь былъ недалекъ, всего 4—5 верстъ. Среди экипажей, карета въ четверку съ опущенными стеклами везла молодыхъ. Вдругъ, по дорогѣ, изъ-за бугорка, въ праздничной одеждѣ, съ повязаннымъ бантомъ шелковымъ платкомъ на лѣвой руцѣ, въ сѣрой смушковой шапкѣ, на сѣромъ конѣ, показался лихой Ѣзданокъ—татаринъ и подскакалъ къ каретѣ. Женихъ узналъ Алима. Этотъ-же, наклонившись съ сѣда къ дверцамъ экипажа, сѣдалъ знакъ рукою жениху.

— Сказалъ я тебѣ, Ованесъ-ага, что буду на твоей свадьбѣ. Вотъ и явился. Поздравляю,— невѣста твоя хороша!

И Алимъ, нѣсколько отставая отъ кареты, изчезъ за бугоркомъ. Нѣсколько дальше, опять пользуясь неровностью почвы, онъ уже скакать рядомъ съ другими дверцами кареты и въ упоръ смотрить въ лицо молодой. Безмолвно внимаетъ онъ изъ-подъ куртки дорогой шелковый турецкій платокъ и, какъ истинный татарскій джентльменъ, ловко, граціозно бросаетъ его на колѣни невѣсты.

— Желаю тебѣ счастія, Ованесъ-ага! крикнулъ онъ. Видишь, я сдержалъ слово. Прощай!

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого эпизода. Айвазовскіе проводили зимніе мѣсяцы въ Симферополѣ. Въ губернскомъ городѣ, во всѣхъ кружкахъ, только и говорили объ Алимѣ. Разбойникъ былъ задержанъ. Надоѣла ему эта жизнь преслѣдуемаго звѣря. Передавали, что среди бѣла дня зашелъ онъ въ городской садъ и легъ на скамью, въ тѣни, на берегу любимаго имъ Салгира. Довольно разбойнической жизни, довольно борьбы съ закономъ! Насталъ часъ искупленія. Онъ заснулъ. Его окружили полицейскіе,

*) Шаферами Айвазовскаго были два изъ крингѣйшихъ въ то время землевладѣльцевъ Оеодосійскаго уѣзда, Анастасій Андреевичъ Лулудаки и Христофоръ Яковлевичъ Лоренцовъ. Переданныя здѣсь подробности сообщены мнѣ Хр. Як. Лоренцовыемъ въ его письмѣ отъ 7 февраля сего 1905 г.

задержали и подъ сильнымъ кощоемъ препроводили въ губернскій тюремный замокъ.

Въ это-же время въ Симферополѣ подвизалась француженка, soprano, лавреатъ парижской консерваторіи, дѣвица Лелорренъ. Обѣжала она крымскіе города подъ крыльями матери, образованной женщины, имѣющей съ младшою сестрою, Leonie, художницею-портретисткою. Этому трію покровительствовали дамы высшаго общества города, и пѣвица Лелорренъ давала концерты въ дворянскихъ домахъ, куда ее приглашали на вечера. Вездѣ ея усіхъ былъ блестящій. Особое благоволеніе къ себѣ успѣла она пріобрѣсти въ лицѣ добрѣйшей и благороднѣйшей Прасковіи Константиновны Кушниковой, рожденной Гирсь, перебывавшей на время съ семьею изъ Феодосіи въ Симферополь.

Въ началѣ декабря 1849 года Лелорренъ была приглашена пѣть на вечерѣ въ домъ тогдашняго таврическаго губернатора, Владимира Ивановича Пестеля. Гостей было много и между ними профессоръ Айвазовскій. Младшая Лелорренъ была ему представлена, и тутъ, какъ собратья по профессіи, они разговорились. Отъ области живописи, слово за слово, бесѣда перешла къ злобѣ дня, къ Алиму.

— Нельзя-ли, спросила Лелорренъ, срисовать его портретъ?

— Для этого, сударыня, возразилъ Айвазовскій, придется преодолѣть много препятствій. Если, благодаря вашему таланту, вы вторая Шехеразада, то, пожалуй, постараюсь быть вамъ вторымъ Аладиномъ и раскрыть предъ вами тѣ двери, за которыми слышно дикое рыканіе звѣрей и характерный звонъ арестантскихъ оковъ.

— Знаю, что вы большой волшебникъ.

— Говорить, что для женщинъ законъ всегда снисходителенъ, но когда женщина такова, какъ вы, съ божиимъ огнемъ, то какія-же могутъ быть для нея преграды? Искусство не имѣеть предѣловъ, и предъ нимъ, надѣюсь, преклонится и строгость господина прокурора.

И Фемида, дѣйствительно, преклонилась предъ искусствомъ. На другой день Леони Лелорренъ срисовала портретъ крымскаго Fra Dіavolo. Въ изображеніи бандита чувствуется поспѣшность исполненія. Но удары карандаша начерчены мѣтко, твердо, искусною рукою. Нѣть затертыхъ, неувѣренныхъ штриковъ. Наоборотъ, главное, черты лица разбойника схвачены опытнымъ глазомъ. Видно, что Ле-

лорренъ была портретисткою не на шутку, и мы должны быть благодарны волшебнику Айвазовскому, что, благодаря его пропекціи, благосклонно раскрылись передъ художницей двери тюрьмы.

Что касается подлинности портрета Алима, позволяю себѣ прибавить, что въ архивѣ осодосійского музея хранится письмо глубокоуважаемой Маріи Дмитріевны Де-Вальденъ, въ которомъ удостовѣряется, что „рисунокъ былъ поднесенъ Леони Лелорренъ г-жѣ Кушниковой въ Керчи въ знакъ признательности, на память, за сердечное ея отношение къ сестрѣ-пѣвицѣ въ артистическомъ путешествіи послѣдней по Крыму“.

Сверхъ этого прошу обратить вниманіе на подлинную подпись: „*Léonie Lelorrain, 11 décembre 1849*“ и на „*посвященіе*“, которое, по содержанію, выказываетъ, какъ и рисунокъ, особенно теплую жилку художницы. „*Si ces quelques traits m'attirent quelques fois un petit souvenir de vous, la copie aura fait plus de bien, que l'original n'a jamais fait de mal*“ *).

Независимо отъ того, что почеркъ въ этихъ поперечно нанесенныхъ на рисунокъ строкахъ тождественъ съ почеркомъ подписи художницы, изъ смысла этихъ строкъ, въ со-поставленіи двухъ противоположныхъ понятій о добрѣ и злѣ, проглядываетъ ужасъ, который наводило имя Алима даже на проѣзжую иностранку. Не даромъ, по разсказу Айвазовскаго, изъ усть котораго я воспринялъ и передаю эти свѣдѣнія, во всѣхъ слояхъ симферопольского тогдашняго общества извѣстіе о поимкѣ разбойника произвело также сильное впечатлѣніе. „Только о немъ и говорили!—Ещѣ бы! Столько лѣтъ въ уѣздахъ симферопольскомъ, ялтинскомъ, сватопетровскомъ и єеодосійскомъ, никто изъ обывателей не рѣшался безъ страха отправиться куда-нибудь въ дорогу по дѣламъ! Извѣстіе о поимкѣ Алима успокоило всю губернію.

Однако я не исполнилъ бы всей своей задачи, если бы для полной характеристики „оригинала“ прилагаемаго рисунка, не занесъ въ это сообщеніе слѣдующей сцены, съышаной мною также изъ усть Айвазовскаго, послѣдняго акта исторіи портрета.

Вообще всѣ разсказы о такихъ герояхъ, какъ Алимъ,

*) „Если когда-нибудь эти штрихи должны возбудить въ вашей душѣ хоть малѣйшее воспоминаніе обо мнѣ, то тогда копія сдѣлаетъ больше добра, чѣмъ когда-либо оригиналъ совершилъ зла“,

имѣютъ двѣ стороны: дѣйствительность и легенду. Въ дѣйствительномъ фактѣ легко узнать правду, потому что она сама выдѣляется наружу и сразу въсѧ убѣждаетъ. Легенда же, разукрашивая память о подобныхъ Алиму личностяхъ, является результатомъ получаемыхъ въ народѣ впечатлѣній какъ во время, такъ и послѣ жизни героя.

Когда говорятъ о поступкахъ Алима, этого простого горца-татарина, не разъ проглядываютъ въ немъ таکія характерно-рыцарскія черты, какія рѣдко приходится встрѣчать даже у интеллигентнаго человѣка. Въ преданіи обѣя Алимѣ, несмотря на то, что съ того времени прошло всего полвѣка, легендарная сторона занимаетъ очень важное мѣсто. Этому нечего удивляться: Алимъ—герой татарскихъ саклей, дѣятельность котораго разукрашена народомъ богатою восточною фантазіей. Между тѣмъ всѣ его поступки, если они исторически не правдивы, являются по крайней мѣрѣ правдоподобными. Вотъ почему, какъ уже было сказано, для полной характеристики крымскаго разбойника, когда мы говоримъ о его портретѣ, нужно еще упомянуть о слѣдующей, ведущей начало вѣроятно изъ татарскаго источника легендѣ, ярко освѣщающей, „рыцарскую“ сторону души Алима.

Окончивъ рисунокъ, Леони готовилась уже уходить изъ тюремной камеры, какъ Алимъ выразилъ желаніе взглянуть на ея работу. Одобравъ исполненіе*) портрета, Алимъ обратился къ художницѣ будто бы со слѣдующими словами:

„Уходя отсюда, ты уносишь съ собою эту вещь, какъ память обо мнѣ. Я-же остаюсь здѣсь съ однимъ мысленнымъ воспоминаніемъ о мимолетномъ появлѣніи твоемъ предо мною. Спасибо тебѣ за благосклонное вниманіе ко мнѣ. Я этого не заслужилъ. Твои черты навсегда останутся запечатлѣнными въ душѣ моей!“

На это Леони нервно сняла закрѣплявшую ея шейный платочекъ золотую булавку, дрожащею отъ волненія рукою приколола ее къ отвороту халата приговореннаго и направилась къ выходу.

— Нѣть, крикнулъ разбойникъ: въ такомъ случаѣ не такъ слѣдуетъ поступать, а вотъ какъ!

*) Сходство портрета съ лицомъ разбойника удостовѣрили жители гор. Феодосіи, татары, лично знающіе Алима, старики Асанъ-Курти-оглу, Сюнъ-Керимъ-оглу и учитель Зенигъ-Эддинъ-Челеби-Куртбодди-оглу и житель г. Симферополя мурза Аргинскій.

И, широко распахнувъ халатъ и сорочку и раскрывъ грудь, вонзилъ онъ себѣ въ грудную кость острѣ булавки, переломалъ ее пополамъ и вручилъ конецъ стъ головкой художницѣ, твердо произнеся: „Это тебѣ, а это, указывая на грудь, останется мнѣ!“

Передаю разскажъ обѣ этой драматической сценѣ безъ дальнѣйшаго комментарія. Легенда здѣсь очевидна, но она слишкомъ характерна, чтобы я о ней умолчалъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ ее передавалъ самъ „Рафаэль морей“.

Л. Колли.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНИЙ О КРЫМСКОЙ ВОЙНѢ.

Въ „Вѣстнике Всемірной Исторіи“ за январь мѣсяцъ 1902 года былъ помѣщенъ мой разскaзъ: „Изъ воспоминаний о Крымской войнѣ. Подъ Евпаторией“. Въ немъ я, между прочимъ, говорилъ о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня тогда Симферополь, по прїѣздѣ нашего семейства сюда изъ Евпаторіи, своимъ многолюдствомъ, движеніемъ, гуломъ и шумомъ экипажей и разныхъ военныхъ подводъ, день и ночь двигавшихся то въ Севастополь, то изъ Севастополя, какъ городъ былъ переполненъ, войсками и какъ бойко кипѣла всюду торговля. До конца свой разскaзъ еще нѣкоторыми воспоминаніями о томъ времени.

Въ ненастную осень 1854 года, когда ежедневно шли дожди и грязь была невылезная, нужно было мнѣ зайти въ симферопольскую почтовую контору, которая занимала помѣщеніе изъ четырехъ или пяти небольшихъ комнатъ, низкихъ, темныхъ, сырыхъ и ужасно грязныхъ. Дверь въ переднюю, несмотря на то, что шелъ проливной дождь, была настежь открыта, и народъ толпой входилъ въ нее и выходилъ. Пробравшихъ чрезъ толпу кое-какъ въ контору, я былъ пораженъ той тѣснотой, которая была въ ней отъ скопленія публики. Суета и давка была такая, что мнѣ пришлось, пока я дождался очереди, чтобы сдать посылку, не менѣе трехъ часовъ простоять на одномъ мѣстѣ; ноги онѣмѣли отъ долгаго стоянія, а сѣсть негдѣ было. Въ слѣдующихъ комнатахъ кучами въ беспорядкѣ валялись на полу кожаные чемоданы съ посылками и разные пакеты и письма; столы тоже были завалены письмами и газетами. Почтальоны, сортировщики и другie служащie суетились и бѣгали, какъ угорѣлые, изъ одной комнаты въ другую, топчась по этимъ чемоданамъ, пакетамъ и письмамъ, таская для передачи адресатамъ полученную съ почты корреспон-

денцию, большую частью испачканную отъ небрежнаго обращенія съ неї. На блѣдныхъ лицахъ служащихъ видно было переутомленіе отъ ежедневной тяжелой работы въ душной, сырой и смрадной конторѣ, гдѣ приходилось имъ по цѣлымъ суткамъ быть словно въ чаду. Въ довериеніе всего комнаты, въ виду экономіи, освѣщались сальными свѣчами съ толстыми фитилями, которые мало того что слабо освѣщали, еще давали отъ нагара удущливую копоть; снимать же каждый разъ щипцами нагорѣвшіе фитили не было времени, да и забывали это дѣлать за суетой. Такая адская работа была, можно сказать, выше силъ человѣческихъ, и нѣкоторымъ служащимъ отъ переутомленія пришлось отправиться преждевременно на тотъ свѣтъ. Но были и такие чины почтоваго вѣдомства, которые, пользуясь неурядицами, въ самый разгаръ войны, втихомолку составили себѣ хорошее состояніе, и, главное, легко и очень простымъ способомъ. Черезъ ихъ руки проходила, прибывая ежедневно по нѣсколько разъ изо всѣхъ концовъ Россіи, громадная корреспонденція, то денежная, то съ посылками,—не говоря уже о простыхъ письмахъ,—большею частью на имя офицеровъ и низкихъ чиновъ разныхъ полковъ дѣйствующей арміи подъ Севастополемъ, отъ ихъ родныхъ и родственниковъ, которые, пославъ имъ деньги и посылки по первоначально сообщенному адресу, не знали, конечно, что можетъ быть кто-либо изъ нихъ уже убитъ въ сраженіи, или взятъ въ пленъ, или умеръ, или безвѣстно пропалъ, или передвинутъ съ полкомъ въ другое мѣсто. Почтовой же конторѣ не было возможности наводить справки о такихъ лицахъ, и корреспонденція на ихъ имя хранилась въ конторѣ по нѣсколько мѣсяцевъ, а когда узнавали изъ газетъ или по частнымъ слухамъ, что такіе-то убиты или умерли,—денежные письма и посылки на ихъ имя исчезали безслѣдно. Въ книгахъ же, куда записывались денежныя письма и посылки, имѣлись оправдательныя расписки какъ бы въ полученіи этихъ денегъ и посылокъ самими адресатами, и тѣмъ дѣло кончалось. Родственники же убитыхъ или умершихъ не наводили, конечно, справокъ, получили ли они посланныя деньги и посылки, такъ какъ въ то время добиться этихъ справокъ не только было трудно, но даже и невозможно при томъ хаосѣ, какой существовалъ тогда вездѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ.

Раненыхъ и больныхъ воиновъ изъ Севастополя направляли въ Симферополь, гдѣ ихъ сортировали: тяжело раненыхъ и больныхъ оставляли въ симферопольскомъ госпиталѣ, а остальныхъ отправляли цѣлыми транспортами въ перекопскій, херсонскій и другіе госпитали. Комплектъ докторовъ и фельдшеровъ при госпиталяхъ былъ ограниченный, такъ что съ большимъ трудомъ имъ приходилось справляться съ больными. Подводы для отправки въ госпитали раненыхъ и больныхъ, а также подвозъ къ театру военныхъ дѣйствій провіанта, фуражка и разныхъ снарядовъ доставляли подрядчики, и нѣкоторые изъ нихъ злоупотребляли этимъ до того, что за неисправную доставку подводъ и не въ томъ числѣ ихъ, какое слѣдовало доставить, съ ними приходилось военнымъ расправляться своимъ судомъ, т. е. или прописать имъ порядочную лупку или же уплатить значительную сумму. Вездѣ царило злоупотребленіе, и вездѣ приходилось отдуваться казнѣ. А чего только не было съ несчастными солдатами? Идя прямо съ похода въ бой за вѣру, царя и отечество, они должны были переносить всякия неизгоды и питаться черствыми, гнилыми сухарями или затхлой крупой и вонючей капустой, благодаря интенданскимъ заправиламъ, которые набили себѣ порядочно карманы, хотя, впрочемъ, нѣкоторые пошли подъ судъ. Былъ такой случай при мнѣ въ Херсонѣ. Одинъ интенданскій заправила, послалъ изъ дѣйствующей арміи за Дунаемъ на имя своей фаворитки, жившей тогда въ Херсонѣ, цѣнную посылку въ 10 руб., сообщилъ ей, для предупрежденія отдельнымъ письмомъ, что въ посылку вмѣстѣ съ шляпкой положилъ онъ ей двѣнадцать тысячъ руб. Госпожа эта, будучи слишкомъ наивной и не зная почтовыхъ правилъ, явившись въ почтовую контору за посылкой, заявила почтовому чиновнику, что въ посылкѣ должна быть шляпка, въ которую вложены двѣнадцать тысячъ руб. Посылка была вскрыта въ присутствіи почтовой конторы при свидѣтеляхъ и адресатѣ, и оказалось, что дѣйствительно вмѣстѣ съ шляпкой въ посылку вложены двѣнадцать тысячъ руб. Конечно, дама спохватилась, что сдѣлала опрометчивость, но было поздно, составили обѣ этомъ актъ, деньги конфисковали, и, какъ впослѣдствіи я узналъ, они поступили въ казну, а интенданть-отправитель былъ преданъ суду.

Въ Перекопѣ и предмѣстїи его Армянскѣ мнѣ пріпілось видѣть во времѧ прохода войскъ въ Крымъ такую грустную картину. Грязь была невылазная, дождь шелъ непереставая, а между тѣмъ въ эту убийственную погоду проходилъ чрезъ Армянскъ какой-то пѣхотный полкъ. Несчастные солдаты, съ тugo набитыми за плечами ранцами и съ тяжеловѣсными ружьями, отъ усталости едва двигали ногами, такъ что два изъ нихъ, завязнувъ въ липкой грязи, упали и не могли встать. Товарищи же, не обращая вниманія на нихъ, продолжали идти дальше, оставивъ ихъ на произволъ судьбы. Вскорѣ, вслѣдъ за этими полкомъ, шелъ другой полкъ и тоже не обратилъ вниманія на несчастныхъ, и когда одинъ изъ горожанъ Армянска сталъ просить солдатъ взять съ собой отставшихъ, то они равнодушно отвѣтили, что солдаты эти не изъ полка, и имъ нѣть времени возиться съ ними, такъ что пришлось добродушному горожанину взять больныхъ солдатъ къ себѣ на домъ, отогрѣть, накормить и напоить ихъ и, нанять подводу, самому отвезти и сдать ихъ въ перекопскій госпиталь.

Для проходившихъ чрезъ Армянскъ войскъ пекари начали заготовляли большими запасами печенье хлѣбъ, разсчитавая получить отъ солдатъ хорошій заработка, но разочаровались, когда солдаты, нагрянувъ въ пекарни, въ одинъ мигъ разбирали весь хлѣбъ и, не заплативъ за него, отправлялись дальше въ походъ. Послѣ такой продажки хлѣба, пекарямъ пришлось, когда проходили другія войска, не открывать, а закрывать совсѣмъ свои пекарни, такъ что даже мѣстнымъ жителямъ приходилось тайно чрезъ задніе дворы покупать у пекарей хлѣбъ, и то только тогда, когда уже прошли войска чрезъ городъ. Виною и здѣсь, конечно, было интенданство. Если бы кормили хорошо солдатъ, то они не позволяли бы себѣ самоуправства.

Пробѣжая съ родными изъ Перекона чрезъ Алешки въ Херсонъ, мнѣ пришлось по дорогѣ ночевать въ сел. Чалбасахъ, днѣпровскаго уѣзда, у одного зажиточнаго крестьянина. Узнавъ о нашемъ прїѣздѣ изъ Крыма, многіе изъ крестьянъ— мужчины, бабы, молодые парни и дѣвушки, пришли къ намъ съ раздупинскимъ привѣтствіемъ и стали спрашивать, не знаемъ ли мы чего-нибудь на счетъ войны, какъ идутъ дѣла и кто кого побѣждаетъ. Пришлось бесѣ-

довать съ ними почти до полуночи, рассказывая имъ все, что мы слышали, видѣли и испытывали сами за это время послѣ бѣгства изъ Евпаторіи отъ непріятеля. Къ разсказу нашему всѣ они относились съ глубокимъ сочувствіемъ, очень горевали о многихъ своихъ родныхъ и односельчанахъ, которые были взяты въ военную службу, кто по жребію, а кто по добровольному желанію, изъ чувства патріотизма, чтобы сразиться съ врагомъ, и высказывали беззапо-
койство, не имѣя о нихъ никакого слуха, живы ли они или убиты. Въ то время почтовое сообщеніе было очень затруднительное, такъ что въ города приходила почта далеко не своевременно, и потому свѣдѣнія съ театра войны полу-
чались слишкомъ поздно, а обѣ уѣздахъ и говорить нечего; тамъ получались свѣдѣнія чрезъ мѣсяцъ или полтора, и то по слухамъ, передаваемымъ изъ устъ въ уста въ из-
вращенномъ видѣ. Конечно, всему, что рассказывалось, нельзя было вполнѣ вѣритъ. Бесѣдовать съ крестьянами намъ было очень пріятно. Они были такъ добродушны и внимательны къ намъ, что не знали, гдѣ посадить и чѣмъ угостить насть; весь столь былъ заваленъ разными яствами. Когда мы уѣзжали на другой день изъ Чалбась, всѣ крестьяне, которые съ нами бесѣдовали прошлую ночь, провожали насть и принесли намъ на дорогу разной про-
визіи, которой хватило на несколько дней, и за все это не хотѣли братъ денегъ, говоря, что мы люди дорожные и потерявшиѣ все свое имущество при бѣгствѣ изъ Евпаторіи, что имъ было бы грѣшило братъ съ насть деньги за такие пустяки.

Въ Херсонѣ, куда наше семейство перебѣхало на жи-
тельство съ театра военныхъ дѣйствій получались весьма
неутѣшительныя свѣдѣнія; но между молодыми людьми духъ
патріотизма возрѣ до того, что многіе пожелали добро-
вольно поступить въ военную службу и сразиться съ не-
пріятелемъ. Изъ числа служащихъ чиновниковъ, сколько мнѣ
было известно, изъ одной только херсонской казенной па-
латы дунуть шесть молодыхъ людей отправились въ ряды
арміи, сражавшейся подъ Севастополемъ, и по окончаніи
войны некоторые изъ нихъ возвратились бравыми и зака-
ленными въ бою офицерами съ георгіевскими крестами на
груди, а другимъ жребій палъ быть убитыми на бастіонахъ
Севастополя.

На окраинахъ города, за балкой и на военномъ форштадтѣ, приходилось мнѣ не разъ видѣть, какъ дѣти-подростки разныхъ сословій цѣлой гурьбой, души въ сорокъ или пятьдесятъ, ходили по улицамъ, вооруженные палками, а другое съ разноцвѣтными лоскутками на нихъ (въ видѣ военныхъ знаменъ и значковъ) и пѣли солдатскія пѣсни, маршируя по командѣ одного изъ старшихъ подростковъ, а иногда, раздѣлившись на партіи, устраивали между собою примѣрное сраженіе; одна партія считалась русской, а другая турецкой, и первая, одолѣвая послѣднюю, приговаривала: Вотъ какъ надо бить турка. Потѣшило было смотрѣть на эту дѣтскую забаву, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно было видѣть, что даже у дѣтей проявлялся неподдельный духъ патріотизма.

Черезъ Херсонъ войска проходили часто, и жители ужасно стѣснены были постоянными. Богатые бывало откупались или нанимали у другихъ квартиры для постоя солдатъ, лишь бы себя не беспокоить, а бѣднымъ приходилось самимъ занимать кухни, сараи и чуланы и отдавать для солдатъ комнаты. Даже у насъ на квартирѣ, несмотря на то, что отецъ мой былъ военнымъ докторомъ, ставили на постоя офицеровъ или юнкеровъ, и приходилось тѣсниться въ двухъ комнатахъ, отдавая имъ третью.

Вблизи крѣпостей Очакова и Кинбурна непріятельскія суда нѣсколько разъ лавировали и, какъ видно, осматривали берегъ Днѣпра, гдѣ бы можно было имъ прорваться въ Херсонъ. Одно время непріятель даже высадился на Кинбурнской косѣ, затѣялъ съ нашими войсками перестрѣлку, но безуспѣшно, и удалился опять въ море. Очаковъ отъ Херсона находится въ семидесяти verstахъ. Однажды нѣсколько непріятельскихъ судовъ подопали къ Очакову и стали бомбардировать городъ; наши имъ отвѣтили съ крѣпости; дѣло кончилось ничѣмъ, и испріятельскія суда ушли въ море. Но на другой день получено было распоряженіе отъ вышшаго начальства, чтобы для предосторожности присутственныя мѣста со всѣми дѣлами выѣхали изъ Херсона въ Тирасполь. Пошли суета, жители всполошились, многіе выѣхали въ другое города, а присутственныя мѣста перѣѣхали въ Тирасполь. Суета эта на-

прасно только потревожила жителей. Непріятель послѣ тога даже и не появлялся подъ Кинбурномъ и Очаковомъ.

Однажды передъ концомъ войны, проходя по базарной площади Херсона, я обратилъ вниманіе на собравшуюся толпу народа, подошелъ и увидѣлъ прибывшую изъ Севастополя партію нашихъ матросовъ съ женами и дѣтьми, направлявшихся въ Николаевъ. Многіе изъ нихъ имѣли георгіевскіе кресты и медали. Народъ, обступивъ ихъ, сталъ разспрашивать о войнѣ, и они, между прочимъ, рассказывали слѣдующее. Когда непріятель обложилъ Севастополь, то для помощи войску образована была изъ населенія городская милиція, на долю которой выпала тяжелая работа: нужно было строить разныя укрѣпленія, возить снаряды и воду въ самую линію отня, убирать павшихъ и выносить раненыхъ. Для всей этой работы не хватало мужскихъ рукъ, пришлось матросскимъ женамъ и дѣвушкамъ помогать имъ, и быстро были возведены укрѣпленія. Нѣкоторая изъ женщинъ и дѣвушекъ были даже ранены во время этихъ работъ. При осадѣ города и постоянной бомбардировкѣ матросскіе мальчики и дѣвочки ежедневно носили изъ города на бастіоны, чрезъ траншеи, обѣдь своимъ роднымъ, и часто случалось, что мимо ихъ пролетали со свистомъ бомбы, ядра, картечи и пули. Но неустрашимыя дѣти не боялись этого, такъ они свыклись съ войной,—только нагибались или моментально ложились въ траншеяхъ на землю,—а когда снаряды пролетели, они вмигъ вставали и съ ношкою въ рукахъ опять пускались въ путь и приносили благополучно своимъ обѣдь. Слушая ихъ разсказы, народъ удивлялся геройству матросскихъ дѣтей и смотрѣлъ на нихъ, какъ на какое-нибудь чудо. Многіе дарили матросамъ на дорогу разную провизію, водку, вино и табакъ и, проводивъ ихъ за городъ, желали счастливаго пути.

Курсъ нашего бумажнаго рубля сильно тогда упалъ, такъ что многіе комерсанты исключительно занимались тѣмъ, что ѿздили по городамъ и мѣняли у разныхъ лицъ ассигнаціи на золото, которое съ болыпой выгодой сбывали войскамъ на позиціяхъ въ Крыму и за Дунаемъ, гдѣ тогда

все покупалось и продавалось на звонкую монету, и преимущественно на золото.

По окончаніи войны мнѣ пришлось съ родными опять перѣѣхать на жительство въ Евпаторію, въ которой, за выѣздомъ въ Турцію многихъ татаръ, многие дома ихъ были брошены на произволъ судьбы, такъ что большая часть этихъ домовъ оказались совершенно разоренными. Евпаторійская городская дума приняла ихъ въ свое вѣдѣніе и, исправивъ нѣкоторые, отдала ихъ въ наемъ за дешевую плату бѣднымъ жителямъ, потерявшимъ свои дома и все имущество во время войны. Спустя три года послѣ войны всѣмъ пострадавшимъ жителямъ Евпаторіи было выдано отъ правительства денежное пособіе.

Послѣ освобожденія Евпаторіи отъ непріятеля, возвратившися въ городъ жители были поражены массою крысъ, которыхъ, по вечерамъ и въ лунную ночь, цѣлыми сотнями выходя изъ хлѣбныхъ амбаровъ, бакалейныхъ и мясныхъ лавокъ, смѣло направлялись по улицамъ города на водопой къ артезіанскому колодцу. Ихъ была такая масса, что проходимъ приходилось вооружаться палками и отбиваться отъ нихъ. Причина такой массы расплодившихся крысъ была та, что непріятель истребилъ всѣхъ кошекъ въ городѣ, такъ что жителямъ пришлось для того, чтобы избавиться отъ множества крысъ, доставать изъ разныхъ мѣстъ уѣзда кошки и ставить у хлѣбныхъ амбаровъ, бакалейныхъ и мясныхъ лавокъ перерѣзы, наполненные до половины водой, куда за ночь крысъ попадало множество.

По разсказамъ тѣхъ жителей, которые во время бѣгства изъ Евпаторіи, по занятіи ся непріятелемъ, не пожелали выѣхать и остались въ городѣ, пришлось имъ вначалѣ перенесть отъ турокъ и татаръ много притѣсненій и непріятностей, такъ какъ наблюденіе за городомъ и жителями сперва было поручено турецкимъ войскамъ, которые, пользуясь этимъ, постоянно беспокоили и обижали мирныхъ жителей, въ особенности христіанъ: мало того, что они насильно посыпали ихъ на разныя работы по укрѣпленію города, но еще врывались въ жилые дома и забирали все, что попадалось имъ цѣннаго, а другое, являясь ночью, беззаконно грабили у несчастныхъ имущество. Если же кто сопротивлялся, тѣмъ наносили побои, такъ что жители

вынуждены были жаловаться на грабителей французамъ и англичанамъ, вслѣдствіе чего, по распоряженію командающихъ французскими и английскими войсками, были назначены наблюдать за городомъ французскія войска, которыхъ, водворивъ тишину и спокойствіе, ставили даже на ночь для защиты отъ грабителей къ домамъ нѣкоторыхъ жителей военныій караулъ, а по улицамъ всю ночь ходилъ патруль. Вообще французы гуманно относились къ мирнымъ жителямъ города, въ особности не оставляли стариковъ и бѣдныхъ, снабжая ихъ провизіей, топливомъ и даже одеждой.

Были случаи, что, до прибытія напихъ войскъ на позиціи подъ Евпаторіей, бунтующіе татары, имѣя злобу на нѣкоторыхъ помѣщиковъ, не только грабили ихъ и требовали выкупа, но угоняли пѣшкомъ за 40—50 верстъ въ Евпаторію и по дорогѣ истязали ихъ разнымъ способомъ: то привязывали къ повозкѣ и заставляли бѣжать рысью за подводой, то били кнутомъ, а у другихъ вырывали усы и бороду по волоскамъ и, пригнавъ ихъ въ городъ, сдавали туркамъ, которые заставляли ихъ работать по укрѣплению города. На одного молодого помѣщика В. Денисевича татары были очень злы за его постоянное притѣсненіе и грубое обращеніе съ ними и даже побои. Когда они взбунтовались и стали грабить помѣщиковъ, то не забыли Денисевича и хотѣли его убить, но онъ узналъ объ этомъ, и когда татары явились къ нему въ деревню, то онъ спрятался отъ нихъ въ скирдѣ соломы. Татары всю деревню обыскали и, не найдя его, съ ужасной досадой оставили деревню, поручивъ своимъ единовѣрцамъ поселянамъ слѣдить за нимъ, и когда онъ прибудетъ въ деревню, дать имъ знать. Такая угроза заставила Денисевича болѣе недѣли скрываться въ скирдѣ соломы, никому не показываться и никуда не выходить, такъ что есть и пить ему приносилъ тайкомъ ночью егоѣрный слуга, крѣпостной человѣкъ. Освободился Денисевичъ изъ этой ужасной засады только тогда, когда появились казаки и стали разѣзжать по всему уѣзду и ловить бунтовавшихъ татаръ.

Во время бѣгства жителей изъ Евпаторіи, занятую напему Д. А. Лихошерстову, бывшему тогда письмоводителемъ по-

лицейского управления, поручено было выхать съ дѣлами въ Перекопъ. Старшему брату его С. А., служившему тогда при карантинѣ, тоже поручено было выхать съ дѣлами карантина въ Перекопъ. Средний же ихъ братъ, бывший тогда полицейскимъ приставомъ, былъ взятъ непріятелемъ въ пленъ и отправленъ въ Лондонъ съ прочими полицейскими чинами за то, что они до занятія непріятелемъ города распорядились уничтожить во всѣхъ частныхъ амбарамъ всю пищеницу, смѣшавъ ее съ морской водой и известью. Но татары дали знать объ этомъ непріятелю, который находился на судахъ въ бухтѣ, и непріятель захватилъ ихъ на мѣстѣ уничтоженія пищеницы.

Родители этихъ братьевъ, старики Антонъ Никифоровичъ и Авдотья Григорьевна Лихонерстовы, не желая бросать своей родной Евпаторіи, гдѣ имѣли домишь, остались жить въ немъ, не боясь непріятеля и разсуждали такъ: все равно имъ осталось жить мало, такъ лучше умереть въ своемъ родномъ городѣ.

Благодаря хорошему знакомству съ греческимъ негосударствомъ Паганато, который занимался тогда въ Евпаторіи коммерціей, братья Лихонерстовы согласились оставить старииковъ на его попеченіе. Будучи доброй души человѣкомъ, онъ часто ихъ навѣщалъ и помогать имъ изъ своихъ средствъ, чѣмъ могъ. Однако старику Ан. Ник. Лихонерстову не долго пришлось быть въ плену; вскорѣ онъ умеръ. Старушка, похоронивъ мужа, не пожелала оставаться одна въ Евпаторіи и стала просить французовъ отпустить ее къ сыновьямъ и внукамъ. Французы, сочувствуя бѣдной старушкѣ, послѣ переговоровъ съ нашими войсками, находившимися на позиціяхъ подъ Евпаторіей, доставили ее къ нашимъ войскамъ. Симпатичную старушку наши офицеры встрѣтили съ особеннымъ радушіемъ: не знали, гдѣ и какъ посадить и чѣмъ угостить ее, называли не иначе, какъ бабушкой, и разспрашивали, какъ жилось ей въ плену. На другой день офицеры, спасдивъ старушку на дорогу всякой провизіей, отправили ее въ экипажъ съ нѣсколькими солдатами въ Перекопъ, строго поручивъ имъ смотрѣть и беречь ее въ дорогѣ какъ можно лучше, и она благополучно прибыла къ своимъ сыновьямъ и внукамъ, которые встрѣтили ее съ неописанной радостью.

Во время войны множество татаръ евпаторійского и перекопскаго уѣздовъ, бросивъ посыпину свои аулы, выѣхали чрезъ Евпаторію въ Турцію, оставивъ на произволъ всю свою домашнюю утварь, хранившуюся въ ямахъ и чуланахъ шпеницу, овѣсть, ячмень и просо и цѣлые скирды сѣна и соломы, а также разнаго рода птицу, только угнали съ собой скотъ, овецъ и лошадей. Всѣдѣ за выѣздомъ татаръ мнѣ пришлось проѣзжать чрезъ нѣкоторые изъ брошенныхъ ими ауловъ. Аулы какъ бы замерли. Нигдѣ не видно было человѣческой души. Двери и окна въ сакляхъ были раскрыты, домашняя утварь валялась въ ужасномъ беспорядкѣ: перины, подушки, разная кухонная посуда, кадушки, табуреты, столы и прочее--все это было разбросано и опрокинуто. Многія ямы при сакляхъ и чуланы были наполнены пшеницей, овсомъ, ячменемъ и просомъ, а сѣно и солома были частью въ скирдахъ, а частью раскиданы кучами повсюду, вѣроятно послѣ бывшей передъ тѣмъ бури. Только домашняя птица, собаки и кошки бродили по ауламъ. Грустная картина эта произвела на меня ужасное впечатлѣніе. Всѣмъ этими брошеннымъ добромъ воспользовались втихомолку нѣкоторыя лица, жадныя до наживы, въ особенности Д., Р. и С., которые съ цѣлыми транспортами въ нѣсколько десятковъ подводъ свободно прїѣзжали въ эти аулы и, нагруживъ подводы преимущественно хлѣбнымъ зерномъ и сѣномъ, везли это добро или въ Симферополь или на позиціи кѣ напимъ войскамъ подъ Евпаторіей и, сбывъ этотъ даровой товаръ за хорошую цѣну, уѣзжали опять на этотъ же промыселъ... Одна бѣдная вдова съ сыномъ тоже разѣзжала по этимъ брошеннымъ ауламъ на своей одноконной повозкѣ, на которой устроила большую клѣтку, и нагружала ее домашней птицей; сбывъ ее въ Симферополь за хорошую цѣну, она возвращалась опять за этимъ добромъ въ аулы. И она заработала этимъ промысломъ тоже порядочные деньги.

Въ первое время послѣ войны заграничные и бакалейные товары въ Евпаторіи, а также разные косметическая принадлежности были очень дефицитны, благодаря тому, что непріятель, оставляя Евпаторію, не желалъ везти обратно свой привезенный изъ-за границы товаръ и продалъ за

безцѣнокъ евпаторійскимъ торговцамъ, которые заработали на этомъ безшонлиномъ товарѣ хорошия деньги.

Вскрѣ по возвращеніи въ Евпаторію, я счелъ долгомъ посѣтить многострадальный Севастополь, гдѣ увидѣть ужасную картину разрушенія. Ни одного дома не нашелъ я уцѣлѣвшимъ, церкви также не были пощажены. Были такие дома, что въ нихъ только одинъ цоколь уцѣлѣлъ, а всѣ стѣны представляли изъ себя груду развалинъ отъ бомбъ, ядеръ и гранатъ. Во многихъ домахъ ядра, попавъ въ стѣны, сложенные изъ крѣпкаго штученаго инкерманскаго камня, разбивъ камень въ мелкіе куски, остались застрявшиими въ глубинѣ стѣнъ. Посѣтилъ я и всѣ бастіоны и знаменитый Малаховъ курганъ; посѣтилъ также и Балаклаву, которая во время осады Севастополя была занята непріятелемъ. Въ Балаклавѣ все сохранилось въ цѣлости; непріятель оставилъ намъ даже на память прекрасно устроенное шоссе до Севастополя на протяженіи 12 верстъ, по которому была имъ проложена для быстрого сообщенія даже желѣзная дорога.

Въ заключеніе скажу, что хотя Крымская война принесла намъ много бѣствій и разоренія, въ тоже время она дала намъ толчекъ къ культурному развитію. Просто не вѣрится, думая о томъ, какова была Россія пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и какою мы видимъ ее теперь.

В. Смирновъ.

О Всемилостивѣйшемъ пожалованіи И. К. Айвазовскому казенной земли.

Въ архивѣ Таврическо-Екатеринославскаго Управленія Государственными Имуществами мнѣ удалось отыскать два дѣла, связанныя съ именемъ нашего знаменитаго художника И. К. Айвазовскаго. Оба эти дѣла касаются казенной земли въ Феодосійскомъ уѣзда, поступившей въ собственность покойнаго. Первое дѣло—Таврической Палаты Государственныхъ Имуществъ, по второму столу хозяйственнаго отдѣленія, за 1851 годъ, по архиву № 464, а второе—Управленія Государственныхъ Имуществъ, за 1869 годъ, по архиву № 41.

Содержаніе дѣлъ слѣдующее.

Министръ Государственныхъ Имуществъ генералъ-лейтенантъ графъ Киселевъ 16 октября 1851 года. далъ Таврической Палатѣ Государственныхъ Имуществъ такое предписаніе:

„Професоръ живописи Айвазовскій ходатайствовалъ объ отдачѣ ему на 99 лѣтъ въ содержаніе 1500 десятинъ изъ казенного оброчного участка, называемаго Ойгуйскимъ, состоящаго Таврической губерніи, въ Феодосійскомъ уѣзда, изъ платежа оброка по 22 коп. серебромъ за десятину, съ тѣмъ, чтобы въ число этой земли была отведена ему часть балки съ колодцами. Ходатайство профессора Айвазовскаго я имѣлъ счастіе повергать на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе. Вследствіе того, по особенному Всемилостивѣйшему вниманію къ ходатайству профессора Айвазовскаго и не въ примѣръ другимъ, Государь Императоръ въ 8-й день сего октября Высочайше благословилъ утвердить отдачу Айвазовскому сей земляной статьи на 99 лѣтъ въ безпереоброчное содержаніе. О такомъ Высочайшемъ повелѣніи давая знать Таврической Палатѣ Государственныхъ Имуществъ, предписзываю ей пред-

ставить на утверждение министерства планъ Ойгуйской статьи, съ указаніемъ на ономъ, по предварительному соглашенію съ профессоромъ Айвазовскимъ, нарѣзки предназначеныхъ ему 1500 десятинъ, при составленіи каковой нарѣзки обивынается Палата обратить вниманіе, чтобы оставляющаяся въ казинъ часть Ойгуйского участка не была лишена водя и другихъ хозяйственныхъ выгодъ“.

По полученніи этого предписанія, палата распорядилась командировать въ Оеодосію землемѣра Трапезникова, которому поручила произвести, по соглашенію съ профессоромъ Айвазовскимъ, нарѣзку изъ Ойгуйского участка 1500 дес. земли, что и было исполнено въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ оказалось, что весь Ойгуйский участокъ, заключавшій въ себѣ 3523 дес. 1832 саж. удобной и 193 дес. 1277 саж. неудобной земли, до полученія палатою Высочайшаго повелѣнія обѣ отводѣ 1500 дес. Айвазовскому, на торгахъ, бывшихъ въ апрѣлѣ 1851 года, снять въ шестилѣтнюю аренду съ 1852 года карасубазарскимъ купцомъ Калустомъ Кахцазовымъ по цѣнѣ 775 руб. серебромъ въ годъ, и торговое производство въ іюнѣ мѣсяцѣ представлено на утвержденіе министерства. Поэтому 5 ноября 1851 г. И. К. Айвазовскій заявилъ палатѣ, что онъ желалъ бы оставить за собою оставшую землю Ойгуйского участка на условіяхъ, заявленныхъ Кахцазовымъ, „съ прибавкою для пользы казны къ цѣнѣ, данной Кахцазовымъ, по десяти рублей серебромъ“. Палата, а за нею и губернаторъ согласились удовлетворить просьбу Айвазовскаго, и въ январѣ 1852 г. обѣ этомъ, вмѣстѣ съ планами земли, было представлено министерству, отъ которого палата уже въ декабрѣ 1851 г. получила подтверждение о скорѣйшемъ исполненіи Высочайшаго повелѣнія.

Въ отвѣтъ на представленіе палаты, первый департаментъ государственныхъ имуществъ 21 февраля предписалъ палатѣ доставить свѣдѣнія: „во первыхъ, въ показанной на планѣ деревни Ойгун живутъ ли, сколько, и какие именно крестьяне, то-есть государственные или помѣщичьи; во вторыхъ, по какой причинѣ съ западной стороны нарѣзка сдѣлана подъ острымъ угломъ, ломанными линіями, а не одною прямою линією отъ земли помѣщика Кованько и до рѣчки и, въ третьихъ, близкое приграниченіе участка Айвазовскаго не будетъ ли стѣснительно для будущаго водворенія и для деревни Ойгун“.

На это палата объяснила:

1) „по окладнымъ книгамъ и ревизскимъ сказкамъ, какъ въ дачѣ казеннаго оброчнаго участка, такъ и нигдѣ въ Феодосійской округѣ деревни подъ названіемъ Ойгуга не значится; на представленномъ же планѣ обозначены дома, въ коихъ проживаетъ 12 семействъ русскихъ мѣщанъ, приписанныхъ къ разнымъ городамъ Таврической губерніи, и 11 хозяевъ—татаръ Феодосійскаго уѣзда разныхъ селеній, гдѣ они и имѣютъ свои постоянныя осѣдлости; а на оброчномъ участкѣ проживаютъ по своимъ хозяйственнымъ выгодамъ и по условіямъ съ оброкосодержателями; 2) нарѣзка подъ острымъ угломъ, а не одною прямою линіею сдѣлана по тому уваженію, чтобы раздѣлить колодцы прѣсной воды на оба участки; въ противномъ же случаѣ при проведеніи прямой линіи отошли бы колодцы въ одинъ изъ участковъ, что было бы несогласно съ предписаніемъ его сіятельства г. министра отъ 16 октября 1851 г. за № 2425, а также съ хозяйственными выгодами профессора Айвазовскаго и 3) близкое приграничіе участка, предназначеннаго къ отдаче профессору Айвазовскому, не стѣснить жителей, могущихъ впослѣдствіи времени водвориться на казенномъ участкѣ; настоящіе же поселенцы, какъ временные и устроившіеся безъ дозволенія начальства, не могутъ быть оставлены“.

Нарѣзка была утверждена министерствомъ, которое разрѣшило отдать Айвазовскому въ аренду на шесть лѣтъ и остальную землю въ Ойгуйскомъ участкѣ. 12 августа 1852 г. въ палату явился повѣренный Айвазовскаго, статскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Назаровичъ Шабровъ и заключилъ два контракта на Ойгуйскую землю: одинъ на 1500 дес. удобной и 53 дес. 600 саж. неудобной земли, отданной Айвазовскому въ аренду на 99 лѣтъ по 22 коп. сер. съ десятины въ годъ, а другой, сохранившійся въ дѣлѣ, на остальную землю—2213 дес. 1126 саж., сданную на шесть лѣтъ по 462 руб. въ годъ. Этимъ и исчерпывается содержаніе первого дѣла.

Второе дѣло начинается предписаніемъ министра государственныхъ имуществъ генералъ-адъютанта Зеленого, отъ 7 октября 1869 года, управляющему государственными имуществами Таврической губерніи, слѣдующаго содержанія: „Въ августѣ мѣсяцѣ сего года мною представлена была на благоусмотрѣніе комитета г.г. министровъ записка о ходатайствѣ профессора живописи статскаго совѣтника Ай-

аївазовскаго касательно продажи ему въ собственность, безъ торговъ, участка казеннай земли, подъ названіемъ Ойгуйскаго, въ пространствѣ 1500 дес. удобной, а съ неудобною 1553 дес. 600 саж. земли, состоящаго въ безпереоброчномъ его пользованіи, за 6600 руб., составляющихъ капиталъ, 5% съ коего равняются взносимому имъ за эту землю оброку. Нынѣ помощникъ управляющаго дѣлами комитета министровъ, выписаною изъ журналовъ комитета 2 и 30 сентября сего года, увѣдомилъ меня, что комитетъ министровъ, разсмотрѣль настоящее дѣло, полагать: согласно представлению ministра государственныхъ имуществъ, испросить всемилостивѣйшее разрѣшеніе Его Императорскаго Величества на продажу, безъ торговъ, статскому совѣтнику Аївазовскому находящимся въ арендномъ его содержаніи въ Феодосійскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, 1500 дес. земли Ойгуйскаго казеннаго участка, за предлагаемую имъ цѣну 6600 руб.

Государь Императоръ, въ 19 день сентября 1869 г., на сіе всемилостивѣйшее соизволилъ.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, вмѣстѣ съ симъ, увѣдомленъ таврическій губернаторъ для зависящихъ распоряженій, какъ о совершенніи установленнымъ порядкомъ и выдачѣ статскому совѣтнику Аївазовскому купчей крѣпости, которая, въ качествѣ продавца, должна быть подписанна вами, такъ и о вводѣ Аївазовскаго во владѣніе Ойгуйскимъ участкомъ при чиновникѣ со стороны вѣреніаго вамъ управления».

6 сентября 1871 г. Аївазовскій внесъ 6600 руб., а 7 сентября 1871 г. на эту землю совершиена симферопольскимъ нотаріусомъ Архиповымъ купчая крѣпость, утвержденная въ тотъ же день старшимъ нотаріусомъ.

Кромѣ этихъ свѣдѣній въ дѣлѣ заключается переписка о возвратѣ Аївазовскому представленныхъ имъ по арендѣ Ойгуйской земли залоговыхъ денегъ, не представляющая интереса, за исключеніемъ рапорта помощника секретаря управления Пѣвнякова, изъ котораго видно, что Ойгуйская земля была принята въ казну „послѣ Бѣловой“ и что на оставльной землѣ, сданной Аївазовскому въ аренду на шесть лѣтъ, въ 1861 году поселены крестьяне, образовавшіе деревню Владиславку.

Пріобрѣтенную отъ казны землю И. К. Аївазовскій также не удержанъ въ свое мѣсто владѣніи. По словамъ феодо-

сійскихъ старомиловъ А. С. Грамматикова и С. С. Крыма, Ойгуйская земля продана была Айвазовскимъ нѣсколькимъ мѣщанамъ. Вѣроятно это тѣ мѣщане, которые проживали въ деревнѣ Ойгуя „безъ дозволенія начальства“ еще до перехода земли къ Айвазовскому.

A. Романюкъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ПАМЯТНИКЪ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА КЪ РОССИИ.

Въ Симферопольскомъ каѳедральномъ соборѣ находится бронзовая вызолоченная, въ таковой же рамкѣ, доска, присланная въ 1842 г. изъ Петербурга отъ шталмейстера двора Его Императорскаго Величества князя Василия Васильевича Долгорукова, какъ принадлежность къ сооруженному имъ тогда въ Симферополѣ памятнику его славному дѣду Василию Михайловичу Долгорукову-Крымскому.

На доскѣ вырѣзано: *a) русскимъ курсивомъ:*

„Надпись снятая съ Артиллерійскихъ орудій, пожалованыхъ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ II, Генералъ-Аннефу Князю Василію Михайловичу Долгорукову—Крымскому, за знаменитую побѣду одержанную имъ въ 1771 г. при Кефѣ въ Крыму“.

b) славянскими буквами:

„По форсированіи въ 14 день іюня 1771 г. линіи Пере-
копской и по покореніи крѣпости Ора, главнокомандующій
Россійской арміею генералъ аннефъ и кавалеръ князь Ва-
силий Михайловичъ Долгоруковъ, того же мѣсяца 29 числа,
въ день Высочайшаго Тезоименитства Его Императорскаго
Высочества Государя Цесаревича и Великаго князя Павла
Петровича, приближась къ приморскому городу Кефѣ и
оставя армію въ трехъ верстахъ, самъ съ двумя тысячами
шестью стами человѣкъ пѣхоты и пятью тысячами конни-
цы атаковалъ и разбилъ турецкія войска, простирающіяся
свыше двадцати тысячъ человѣкъ укрѣпившихся въ ретран-
шаментѣ, кромѣ судовъ на морѣ, коихъ болѣе двухъ сотъ
было, не взирая на сильную стрѣльбу ни изъ ретранше-
мента, ниже съ судовъ производимую, послѣ чего и городъ
Кефа взять съ пріобрѣтеніемъ чрезъ то всего Крыма“.

в) *кургивомъ:*

„Орудія храняются при прахѣ, Московской губерніи въ селѣ Крымскомъ.“.

Въерху доски гербъ, на которомъ изображены: въ двухъ верхнихъ частяхъ одноглавый орелъ и архангелъ Михаилъ, въ нижнихъ—рука со стрѣлой и крѣпостивия башни..

По угламъ скрещенные мечи съ ножнами, и на нихъ плеть или каска съ перомъ въ видѣ гребня.

Что касается памятника князю Долгорукому-Крымскому, то онъ поставленъ внукомъ его въ Симферополь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, стояла палатка героя присоединенія Крыма къ Россіи. Онъ сооруженъ изъ сѣра-го крымскаго порфира (діорита) и имѣть видъ обелиска: пьедесталь украшенъ круглыми щитами съ барельефами изъ бѣлаго каррарскаго мрамора. Вышина памятника 24 аршина. На церднемъ барельефѣ изображенъ князь Долгоруковъ-Крымскій съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ; грудь покрыта кольчугою, поверхъ которой лежитъ цѣпь ордена св. Андрея Первозваннаго. Вокругъ этого изображенія надпись: „Князю Василію Долгорукому Крымскому—отъ внука“. Барельефъ съ лѣвой стороны изображаетъ битву, гдѣ на первомъ планѣ поставленъ князь Долгоруковъ, а далѣе изображены русскіе и татары въ моментъ яркой схватки. Въ центрѣ щита двуглавый орелъ. На заднемъ барельефѣ изображенъ гербъ князей Долгорукихъ, такої же, какъ и на указанной выше доскѣ. На барельефѣ съ правой стороны—князь Долгоруковъ вручаетъ законы покореннымъ народамъ, которые изображены въ лицѣ трехъ представителей; въ нижней части этого барельефа изображенъ русскій священникъ, вокругъ котораго множество народа винимаетъ поученію; вдали проводники съ верблюдами, на которыхъ везутъ раненыхъ изъ сраженія; въ центрѣ барельефа крестъ.

Этотъ памятникъ описанъ въ книгѣ: *Monumento coi suoi principali bassirilievi eretto... e collocato sulla gran piazza in Semipoli nella Crimea l'anno 1842 in onore del principe B. M. Dolgoruci-Krimski. Inventato e scolpito dal professore Shreichenberg.*

А. Ивановъ.

Документы, поступившие въ Таврическую Ученую Архивную Комиссію отъ Батыръ мурзы Ширинскаго.

I.

Ярлыкъ Халимъ-Гирея.

Наше слово.

Халимъ-Гирей ханъ, сынъ Саадеттъ-Гирея хана.

Селеніе Цинь-Янкой съ соляцами озерами, окружало-щими его съ четырехъ сторонъ, принадлежитъ Ширинскимъ мурзамъ, сыновьямъ мурзы Хаджи Бекъ-оглу, и ихъ посе-лянамъ. Эти владѣльцы просили меня, хана, дать имъ ярлыкъ на право владѣнія селомъ и озерами. Я имъ даю этотъ ярлыкъ, коимъ подтверждаю ихъ права, которыхъ никто не смѣеть нарушить.

(М. II.)

Быть по сему.

2.

Ярлыкъ Арсланъ-Гирея.

Наше слово.

Арсланъ-Гирей ханъ, сынъ хана Девлеттъ-Гирея.

Съ доходовъ, получаемыхъ съ Акъ-Исаръ-эли 540 группъ ежегодной аренды назначено было Меметина-бело, а послѣ него Салы-бело. Послѣ смерти Салы-бяя наследникомъ остает-ся Аметина, сынъ Салы-бяя, къ которому эта аренда пере-ходитъ, что я удостовѣрю эдимъ ярлыкомъ. Его правъ нико-гто не смѣеть нарушить.

Быть по сему.

(М. II.) Мѣсяца Джимазиль-Ахыръ 6 числа 1165 г.

3.

Ярлыкъ Девлеть-Гирея.

Наше слово.

Девлеть-Гирей хантъ, сынъ хана Арсланъ-Гирея.

Жители деревни Кыркъ-Баглы-Алчынъ, выселившіеся изъ своего мѣста, по моему приказанію снова возвращены въ эту деревню, при чемъ симъ моимъ ярлыкомъ освобождаются отъ повинностей, которыя платятся населеніемъ Перекопа.

Ни градоначальникъ Перекопа, ни его помощникъ не смѣютъ взимать съ жителей этой деревни податей.

(М. П.) 1189 года мѣсяца Ребіуль Эввель 1 числа.

4.

Ярлыкъ Мухаммедъ Гирей хана.

Сей ярлыкъ данъ Джатджукъ-оглу Эрджеудъ, Ахбаба-оглу Иssa, Аллахуллу-оглу Акмолла о томъ, что земля, гра-ничашая съ Чектешъ Туркменъ съ востока, съ Матыкъ съ запада, съ Елдулыіавъ съ юга и съ Кыркъ-су (Ахынды-су) съ сѣвера, со всѣми пахатными полями и лугами, согласно данному имъ ярлыку Саибъ Гиреемъ и представленному Мухаммедъ Гирею, утверждается за вышеупомянутыми лицами, и поэтому приказываю всѣмъ большими и малыми султанамъ и всѣмъ именитымъ муразамъ принять это къ сѣ-дѣнію; таковое повелѣніе будетъ имѣть силу и для ихъ по-томковъ.

Этотъ ярлыкъ написанъ въ Бахчисараѣ въ 912 году.

(М. П.) Синяя и красная тамга.

5.

Ханскій фирмантъ.

Жители деревни Джантуганъ жалуются, что Кошибъ-ага не позволяетъ иметь пасти свой скотъ на землѣ этой деревни. Я приказываю не препятствовать этимъ поселянамъ пасти скотъ.

(М. П.) Крымъ-Гирей хантъ, сынъ Девлеть-Гирея хана.

6.

Ханскій фирмантъ.

Нѣкоторые изъ депутатовъ крымскихъ, которые должны собираться и быть у меня на совѣщаніи для рѣшенія государственныхъ вопросовъ, не явились, а потому дѣла не могли быть рѣшены.

Симъ приказываю всѣмъ депутатамъ вовремя и заблаговременно являться на засѣданія. Никакихъ объясненій въ оправданіе неявки я принимать не буду.

Шагинь-Гирей ханъ, сынъ Аметь-Гирея сultана, который былъ сыномъ Селимъ-Гирея хана, а послѣдній былъ сыномъ Батыръ-Гирея хана.

(М. П.) 1192 г. мѣсяца Шабана 2 числа.

7.

Переводъ грамоты Императрицы Екатерины крымскимъ мурзамъ и татарамъ.

Согласно поданному на мое имя прошенію мурзъ, повелѣваю генералу-фельдцейхмейстеру Таврической, Екатеринославской и Вознесенской губерній, князю Зубову. 19 октября 1792 года.

1) Не препятствовать куплѣ и продажѣ недвижимыхъ имуществъ татарамъ, строго разграничивъ ихъ земли по принадлежности каждому.

2) Согласно данному мною указу на имя покойнаго князя Потемкина, изъ татаръ сформировать б дивизіоновъ новаго войска.

3) Чтобы изъ шести духовныхъ лицъ, находящихся при муфтѣ, одно было назначено въ это войско для духовного наставленія.

4) Чтобы дома и угодья татаръ оставались въ первоначальномъ положеніи, какъ было до завоеванія Крыма, и чтобы обязать ихъ доставлять въ общественные амбары хлѣбъ про запасъ, съ каждого по состоянію, убѣдивъ ихъ въ необходимости подобнаго запаса хлѣба въ зернѣ.

5) Въ татарскихъ семействахъ не помѣщать на постѣй постороннихъ людей.

6) Наслѣдство дѣлить между наслѣдниками согласно рѣшенію улемовъ, основанному на шаріатѣ; при возникно-

венії какого-либо спора съ чьей либо стороны, поступать съ ними и ихъ наслѣдствомъ на общемъ основаніи.

7) При возникновеніи спора между двумя или иѣсколькими лицами прибѣгать къ посредничеству улемовъ для примиренія ихъ, или же прибѣгать къ третейскому суду; въ случаѣ, если при упомянутыхъ посредничествахъ стороны не придутъ ни къ какому соглашенію, тогда поступать съ ними на общемъ основаніи.

8) Духовныя лица должны избираться изъ лицъ честныхъ и высоконравственныхъ, должны толковать народу статьи шаріата, гласящія о благѣ народномъ, и должны проповѣдывать народу честныя и нравственныя начала.

9) Болѣе богатые должны по шаріату помогать бѣднымъ; повелѣваю этому не препятствовать.

10) Освободить духовенство отъ всякаго рода государственныхъ повинностей и налоговъ.

Мы, Екатерина II, даруемъ всѣ эти милости дворянству, духовенству и остальному народу, чтобы всѣ они жили въ мирѣ и согласіи.

Петербургъ, сентября 17 дня 1792 г. На подлинной грамотѣ подпись Екатерины.

8.

Копіи двухъ указовъ турецкаго султана: а) о назначении кадіевъ въ Кефу, Судакѣ и Мангупѣ, б) о присылкѣ избраному хану султаномъ сабли, колпака и др.

При утвержденіи каждого хана въ Крыму, турецкимъ султаномъ обыкновенно давались ему слѣдующіе предметы:

- 1) Позолоченная сабля.
 - 2) Два султана на шапкѣ съ драгоценными камнями.
 - 3) Выволоченный лукъ для стрѣлы.
 - 4) Соболья шапка.
 - 5) Тетива.
 - 6) 10 стрѣль.
 - 7) Верхняя одежда и шуба соболя.
 - 8) 1 кусокъ шелковой матеріи.
 - 9) Дорогой кафтанъ.
 - 10) Костюмъ, называемый „купилукъ“.
 - 11) Еще одинъ костюмъ, подъ названіемъ „алляи джодитъ“.
 - 12) Еще одинъ костюмъ, по названію „хыльватъ ассадэ“.
-

9.

Копія правилъ для отыскивающихъ дворянское происхожденіе.

10.

Подлинное рѣшеніе кадія Абдульвагабъ эфенди о спорѣ за землю деревень Кутлукъ и Ай-Сересь 1161 г.

Судебное дѣло между жителями деревни Хутлукъ и деревни Ай-Сересь Судакского уѣзда. Жители деревни Хутлукъ обвиняютъ жителей дер. Ай-Сересь въ томъ, что они 40 лѣтъ незаконно владѣютъ казенной землей, граничащей съ востока Кышла-Оба и Ашлама, съ запада Кызылъ-кая, съ юга Меріяллы-хая и Чаталь-хая, а между тѣмъ эта земля сорокъ лѣтъ тому была отдана по повелѣнію государя намъ (жителямъ Хутлукъ). Они просятъ судью посодѣстствовать тому, чтобы жители Ай-Сересь очистили эту землю.

Судья (кадій) постановилъ: такъ какъ жители Хутлукъ въ теченіе 15 лѣтъ (срокъ земской давности по шаріату) не возбуждали этого вопроса, то прошу ихъ (или жалобу) оставить безъ послѣдствій (безъ слушанія дѣла).

Года 1161 мѣсяца Реджепъ, 11 дня.

Подпись судьи: Абдулъ Ваабъ.

11.

Ярлыкъ Меметъ-Гирей хана насколькимъ лицамъ на землю при р. Акъ-су (Бѣлая вода).

ОТЧЕТЬ

о деятельности Таврической Ученой Архивной Комиссии

за 1904 годъ.

Дѣятельность Таврической Ученой Архивной Комиссии въ 1904 году была довольною энергичной и продуктивной.

Въ виду исполнившагося 50-лѣтія со времени Крымской войны, многіе мѣстные члены Комиссіи заняты были въ отчетномъ году разсмотрѣніемъ въ симферопольскихъ архивахъ дѣлъ, касающихся Крымской войны и заключающихъ въ себѣ материалы, важные для ея исторіи. Протоіерей А. Г. Назаревскій разсмотрівалъ этого рода дѣла, находящіяся въ архивѣ Таврической духовной консисторіи. Ф. А. Шпигель разсмотрѣлъ касающіяся Крымской войны дѣла архива Симферопольской гимназіи и сдѣлалъ о содержаніи ихъ сообщеніе, напечатанное въ № 36 „Извѣстій“ Комиссіи. А. К. Романюкъ разсмотрѣлъ касающіяся Крымской войны дѣла архива Управленія государственными имуществами Таврической и Екатеринославской губерніи и представилъ сообщеніе о жертвахъ госуд. крестьянъ Таврической губ. во время Крымской войны. М. И. Филипповъ разсмотрѣлъ относящіяся къ Крымской войнѣ дѣла архива Таврической казенной палаты. Правитель дѣлъ Комиссіи А. И. Маркевичъ разсмотрѣлъ свыше тысячи (1137) дѣлъ архива канцеляріи таврическаго губернатора, именно „дѣла временнаго военнаго губернатора г. Симферополя и Таврическаго гражданскаго губернатора“, касающіяся Крымской войны, и результатомъ обслѣдованія этого материала было сообщеніе его: „Таврическая губернія во время Крымской войны“, составившее № 37-ой „Извѣстій“ Комиссіи.

Въ отчетномъ году закончено было и разсмотрѣніе

описей дѣлъ архива Таврическаго губернскаго правленія, предположенныхъ къ уничтоженію. Именно, членъ Комиссіи А. К. Романюкъ разсмотрѣлъ: а) опись 5885 дѣлъ 2 отдѣл. 6 стола за 1819—1866 гг., при чмъ оказалось, что всѣ они касаются взысканія недоимокъ, и къ храненію отмѣчено всего 59 дѣлъ, имѣющихъ значеніе для исторіи известныхъ въ Тавридѣ имѣній и фамилій; б) опись дѣлъ 2-го отдѣл. 5 стола съ 1828 по 1866 г.; всѣхъ дѣлъ 3346, представляющихъ мелкую переписку по разнымъ вопросамъ; изъ нихъ отмѣчено къ храненію 50 дѣлъ; в) опись дѣлъ 3 отд. 8 ст. съ 1814 т. 1846 г.; всѣхъ дѣлъ 1859; они касаются имущественныхъ вопросовъ, сектантства и др. Отмѣчено 291 дѣло къ храненію. Согласившись съ мнѣніемъ г. Романюка о характерѣ дѣлъ, значащихся въ разсмотрѣнныхъ имъ описяхъ, и значеніи отмѣченныхъ къ храненію дѣлъ, Комиссія, возвративъ бывшія на ея разсмотрѣніи означенія описи, вторично просила Таврическое губернское правленіе не довольствоваться сдѣланными на описяхъ отмѣтками и предавать уничтоженію дѣла своего архива лишь послѣ фактическаго разсмотрѣнія ихъ въ особой комиссіи съ участіемъ члена Таврической Ученой Архивной Комиссіи.

Кромѣ того въ истекшемъ году были разсмотрѣны описи архивныхъ дѣлъ другихъ губерній, препровожденныя на разсмотрѣніе Комиссіи. Членъ Комиссіи П. В. Масловъ разсмотрѣлъ опись 6190 дѣлъ 2-го разряда Ставропольской казенной палаты за 1872—1878 г.г. Всѣ дѣла, значащіяся въ этой описи, оказались касающимися приписки къ купеческимъ и мѣщанскимъ обществамъ разныхъ городовъ Ставропольской губ. и перечисленія крестьянъ изъ одного села въ другое. Принимая во вниманіе, что такого характера дѣла могутъ имѣть значеніе для опредѣленія движенія населения края и при рѣшеніи имущественныхъ вопросовъ, Комиссія просила Ставропольскую казенную палату о сохраненіи ихъ и перечисленіи всѣхъ подобныхъ дѣлъ въ первый разрядъ, какъ это принято въ Таврической казенной палатѣ. Правитель дѣлъ разсмотрѣлъ описи 549 дѣлъ 2-го и 3-го разряда Кутаисскаго казначейства, препровожденныя Кутаисской казенной палатой на заключеніе Комиссіи, при чмъ заслуживающими храненія признано 24 дѣла.

Членъ Комиссіи Л. П. Колли принималъ участіе въ

особої Коммісії по разсмотрѣнію предположеній къ уничтоженію дѣлъ архива Феодосійскаго уѣзданаго полицейскаго управлениія. Разсмотрѣно было фактически около трехъ тысячи дѣлъ, изъ которыхъ не оказалось ни одного заслуживающимъ храненія, такъ какъ этотъ архивъ былъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ подробно обслѣдованъ членомъ Коммісії А. К. Романюкомъ, и вѣдь дѣла, представлявшія значеніе въ историческомъ или бытовомъ отношеніи (свыше 200), были отобраны имъ и доставлены въ исторической архивъ Архивной Коммісії. Остальныя дѣла, разсмотрѣнныя въ отчетномъ году г. Колли, представляютъ мелкую полицейскую административную переписку, и то въ черновыхъ бумагахъ, оригиналъ которыхъ препровождались въ Таврическое губернское правленіе.

Какъ и въ прежніе годы, Коммісія и въ отчетномъ году продолжала заботиться о сохраненіи памятниковъ древности въ губерніи. Такъ, согласно ходатайству Коммісії, Императорская Археологическая Коммісія имѣетъ въ виду произвести изслѣдованіе древнихъ кладбищъ въ г. Алуштѣ, а до начала производства тамъ археологическихъ раскопокъ приостановленъ вопросъ объ устройствѣ на мѣстѣ одного изъ этихъ кладбищъ базарной площади. Коммісія ходатайствовала о производствѣ раскопокъ въ мѣстности Аталькѣ-эли Симферопольского уѣзда и о раскопкѣ кургановъ близъ с. Андреевки Феодосійскаго уѣзда. Всльдствіе настойчивыхъ ходатайствъ Коммісії, ломка камня на плато Неаполиса наконецъ прекращена, и вдоль границы городища поставлены, по распоряженію симферопольской городской управы, согласно указаніямъ Коммісії, столбы съ надписями о воспрещеніи ломки камня въ предѣлахъ городища. Къ сожалѣнію, это сдѣлано управой слишкомъ поздно, и значеніе верхняго плато Неаполя можно считать почти потеряннымъ для науки. Остается оберегать нѣкоторыя части боковыхъ откосовъ поверхности Неаполиса съ погребеніями древнихъ насельниковъ его, обслѣдованными отчасти проф. Н. И. Веселовскимъ.

Согласно просьбѣ Императорского Московского Археологического Общества, Коммісія въ отчетномъ году собирала свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ въ Таврической губерніи. Составленный правителемъ дѣлъ, на основаніи полученныхъ сообщеній, полный списокъ каменныхъ бабъ, на-

ходящихся въ предѣлахъ Таврической губ., доставленъ въ Императорское Московское Археологическое Общество, которое имѣеть въ виду ихъ обстоятельно изслѣдовать.

Музей древностей Комиссіи обогатился пріобрѣтеніемъ найденного въ Бердянскомъ уѣздѣ надгробнаго камня съ арабской надписью, характеръ которой даетъ основаніе отнести эту плиту къ XIV—XV в. Императорская Археологическая Комиссія пожертвовала музею Комиссіи вещи изъ кургана, раскопанного въ 1902 г. близъ с. Нижнія Сѣрговы Мелитопольского уѣзда, и небольшую коллекцію бусъ, найденныхъ въ 1902 году при раскопкѣ могильника близъ д. Атамыкъ-эли Симферопольского уѣзда.

Библіотека Комиссіи увеличилась на 136 экземпляровъ сочиненій, брошюръ и ученыхъ изданій, присланныхъ разными учеными обществами и учрежденіями и членами Комиссіи. Бывшій товарищъ предсѣдателя Комиссіи В. П. Ласковскій пожертвовалъ Комиссіи собраніе мѣстныхъ газетъ, именно: „Крымъ“ за 1897—1903 г.г., „Салгиръ“ за 1897—1903 г.г. и „Южный Курьеръ“ за 1902—1903 г.г. и шкафъ для храненія бумагъ.

Въ отчетномъ году Комиссія понесла крупную утрату съ выѣздомъ изъ Симферополя товарища предсѣдателя В. П. Ласковскаго, принимавшаго самое живое участіе въ ея жизни въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. За выѣздомъ его произошли слѣдующія перемѣны въ личномъ составѣ Комиссіи: товарищемъ предсѣдателя избранъ членъ Комиссіи А. В. Ивановъ, а казначеемъ А. К. Романюкъ.

Въ теченіе отчетнаго года скончались два изъ старѣйшихъ членовъ Комиссіи: А. Н. Дьяконовъ, принимавшій дѣятельное участіе въ трудахъ Комиссіи, и А. А. Уманецъ. Избрано въ члены Комиссіи 7 лицъ, въ почетные члены одно лицо.

Комиссія въ отчетномъ году привѣтствовала Императорское Общество Исторіи и Древностей при Московскому университетѣ по случаю столѣтія его существованія. Выдающимся событиемъ въ жизни Комиссіи въ 1904 году было посѣщеніе ся Предсѣдателемъ Императорского Московского Археологического Общества графинею П. С. Уваровою. Въ теченіе двухъ дней, 18 и 19 октября, графиня осматривала музей древностей Комиссіи, въ которомъ нашла много интересныхъ и важныхъ предметовъ, еще не изданныхъ, особенно изъ находокъ на Неаполисѣ и пред-

метовъ такъ называемыхъ готскаго типа. Графиня посѣтила Неаполись, обошла иѣсколько погребальныхъ пещерь и плато городища и почтила своимъ присутствиемъ засѣданіе Коммиссіи, въ которомъ высказала желаніе сдѣлать подробное описание каменныхъ бабъ, находящихся въ предѣлахъ Таврической губерніи, а съ наиболѣе интересныхъ снять фотографическіе снимки.

Въ теченіе года состоялось пять засѣданій Коммиссіи, въ которыхъ было сдѣлано семь научныхъ сообщеній, вошедшихъ въ №№ 37 и 38 „Извѣстій“ Коммиссіи.

Коммиссія помѣщалась въ томъ же крайне тѣсномъ и неудобномъ помѣщеніи въ домѣ губернской земской управы и лишена была всякой возможности привести въ порядокъ свой архивъ.

Ходатайство Коммиссіи о назначеніи ей субсидіи не увѣничалось успѣхомъ; г. директоръ Археологического Института призналъ его несвоевременнымъ, въ виду того, что въ настоящее время Министерство Внутреннихъ Дѣлъ занято вопросомъ объ упроченіи материальнаго положенія архивныхъ комиссій вообще.

Средства Коммиссіи очень скучны, что видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ

ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

за 1904 годъ.

ПРИХОДЪ.

Оставалось на 1 января 1904 года	-	1895 р. 51 к.
Поступило въ 1904 году:		
Пособіе отъ Таврическаго губернскаго земства - - - - -		300 р. — к.
Пособіе отъ Симферопольской городской думы - - - - -		100 р. — к.
Процентовъ по текущему счету въ Симфер.		
Общ. Вз. Кредита - - - - -		55 р. 42 к.
Взносы десяти членовъ Коммиссіи - - -		67 р. — к.
Отъ продажи „Извѣстій“ Коммиссіи - - -		1 р. — к.
Итого въ приходѣ		2418 р. 93 к.

РАСХОДЪ.

Печатаніе „Извѣстій“, оттисковъ и извѣщеній	- - - - -	175 р. 60 к.
Расходы по раскопкамъ	- - - - -	50 р. — к.
Приобрѣтеніе предметовъ древностей	- - - - -	33 р. 30 к.
Жалованье сторожу музея и другіе расходы по музею	- - - - -	52 р. 77 к.
Почтовые и канцелярскіе расходы	- - - - -	18 р. 91 к.
Мелочные расходы	- - - - -	10 р. 5 к.
	Итого въ расходѣ	340 р. 63 к.
Остатокъ на 1 января 1905 года	- - - - -	2078 р. 30 к.

Изъ нихъ:

Въ Симферопольскомъ Обществѣ Взаимнаго кредита по двумъ вкладнымъ билетамъ за №№ 5213 и 5114	- - - - -	1500 р. — к.
Въ томъ-же обществѣ членскій взносъ	- - - - -	25 р. — к.
Въ томъ-же обществѣ на текущемъ счету	- - - - -	540 р. — к.
Наличными у казначея	- - - - -	11 р. 90 к.
У товарища предсѣдателя	- - - - -	1 р. 40 к.

Правитель дѣлъ Таврической
Ученой Архивной Коммиссіи **А. Маркевичъ.**

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ

ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ.

Непремѣнныи Попечитель Коммиссіи: Таврическій Губернаторъ генералъ-маіоръ Евгений Николаевичъ Волковъ.

Предсѣдатель Коммиссіи: Александръ Никифоровичъ Ильинъ.

Товарищъ Предсѣдателя, хранитель музея древностей и библіотекарь Александръ Васильевичъ Ивановъ.

Пазначай Александръ Корнѣевичъ Романюкъ.

Правитель дѣлъ Арсеній Ивановичъ Маркевичъ.

Почетные члены:

Анучинъ Ємитрій Николаевичъ.

Забѣлинъ Иванъ Егоровичъ.

Архіепископъ Николай, бывшій Таврическій и Симферопольскій.

Стевенъ Александръ Христіановичъ.

Султанъ Крымъ-Гирей Николай Александровичъ.

Графиня Прасковья Сергеевна Уварова.

Дѣйствительные члены:

Антоновичъ Владимиrъ Вонифатьевичъ.

Багалъїй Дмитрій Ивановичъ.

Бастіановъ Петръ Ильичъ.

Бережковъ Михаилъ Николаевичъ.

Бертье-Делегардъ Александръ Львовичъ.

Графъ Бобринской Алексѣй Александровичъ.

Браунъ Феодоръ Андреевичъ.

Брунсь Михаилъ Феодоровичъ.

Бѣлокуровъ Сергѣй Алексѣевичъ.

Веселовскій Николай Ивановичъ.

Виоровскій Йосифъ Николаевичъ.
Высокій Алексѣй Чукічъ.
Выставкинъ Иванъ Антоновичъ.
Гаспринскій Измаиль мурза.
Гезе Петръ Генриховичъ.
Гидалевичъ Абрамъ Яковлевичъ.
Гиль Христіанъ Христіановичъ.
Гиммельфарбъ Борисъ Мироновичъ.
Голубевъ Анемподистъ Ипполитовичъ, протоіерей.
Горкавенко Степанъ Ивановичъ.
Гроазовъ Александръ Васильевичъ.
Грушинскій Павель Сергеевичъ.
Давыдовъ Петръ Васильевичъ.
Деревицкій Алексѣй Пиколаевичъ.
Дмитренко Иванъ Ивановичъ.
Довнаръ-Запольскій Митрофанъ Викторовичъ.
Думбергъ Карлъ Евгеніевичъ.
Есиновичъ Григорій Яковлевичъ.
Жирновъ Василій Ивановичъ.
Журьяри Иванъ Семеновичъ.
Забининъ Константинъ Ивановичъ.
Зенкевичъ Хрисантѣフъ Хрисантфоричъ.
Зерновъ Сергѣй Алексѣевичъ.
Знаменскій Іоаннъ Павловичъ, протоіерей.
Іванченко Александръ Григорьевичъ.
Івановъ Сергѣй Петровичъ.
Івановъ Яковъ Васильевичъ.
Івановъ Павель Андреевичъ.
Іконниковъ Владими́ръ Степановичъ.
Істинской Николай Дмитріевичъ.
Казасъ Илья Ильичъ.
Каазбекъ Георгий Николаевичъ.
Кармалининъ Михаиль Алексѣевичъ.
Касабовъ Рафаилъ Гавrilовичъ.
Кашпаръ Алоизій Осиповичъ.
Кесслеръ Евгений Эдуардовичъ.
Кибальчичъ Турвонъ Венедиктовичъ.
Кипчакскій Мустафа мурза.
Колли Людвигъ Петровичъ.
Кольскій Петръ Ивановичъ.
Кондаковъ Никодимъ Павловичъ.
Короленко Порфирий Петровичъ.

Коропачинскій Семенъ Феодоровичъ.
Косцюшко-Валюжиничъ Карлъ Казимировичъ.
Кочубинскій Александръ Александровичъ.
Крымъ Скія Абрамовичъ.
Кулаковскій Юліанъ Андреевичъ.
Аблакимъ Куламетъ-оглу эфенди.
Юри Альбертъ Петровичъ.
Лазарева Елизавета Феликовна.
Лаппо-Данилевскій Александръ Сергеевичъ.
Ласковскій Василій Павловичъ.
Латышевъ Василій Васильевичъ.
Лашковъ Феодоръ Феодоровичъ.
Луценко Николай Яковлевичъ.
Любовичъ Николай Николаевичъ.
Масловъ Петръ Васильевичъ.
Матв'євъ Димитрій Семеновичъ.
Михалевскій Владіміръ Андреевичъ.
Мокржецкій Сигизмундъ Александро维奇ъ.
Монастырлы Харлампій Аѳанасьевичъ.
Графъ Муравьевъ Николай Леонидовичъ.
Муфтій-Заде Измаилъ мурза.
Назаревскій Алексей Георгіевичъ, протоіерей.
Нарцовъ Алексей Николаевичъ.
Нестроевъ Алексей Алексеевичъ
Новиковъ Александръ Васильевичъ.
Оглоблинъ Николай Николаевичъ.
Орѣшниковъ Алексей Васильевичъ.
Пампуловъ Самуилъ Моисеевичъ.
Печенкинъ Николай Михайловичъ.
Плаксинъ Сергій Аркадьевичъ.
Платоновъ Сергій Феодоровичъ.
Покровскій Николай Васильевичъ.
Помяловскій Иванъ Васильевичъ
Поповъ Поликарпъ Ивановичъ.
Ратиборъ-Уличный Ярославъ Ченсковичъ.
Реймеръ Генрихъ Генриховичъ.
Ретовскій Отто Фердинандовичъ.
Ровицкій Францъ Климентьевичъ.
Романченко Николай Филипповичъ.
Ружицкій Александръ Ивановичъ.
Рыковъ Евгеній Владимировичъ.
Рѣпниковъ Николай Ивановичъ.

Савеловъ Леонидъ Михаиловичъ.
Самоквасовъ Димитрій Яковлевичъ.
Сахаровъ Николай Ардаліоновичъ.
Селивановъ Алексей Васильевичъ.
Селивановъ Александръ Феодоровичъ.
Сердобольскій Александръ Павловичъ, протоіерей.
Сердюковъ Демьянъ Яковлевичъ.
Серебряковъ Михаилъ Егоровичъ.
Смирновъ Андрей Андреевичъ.
Смирновъ Василій Дмитріевичъ.
Сочевановъ Измаїлъ Михайловичъ.
Синицінъ Александръ Андреевичъ.
Станиславскій Владиміръ, протоіерей.
Стах'євъ Николай Дмитріевичъ.
Сторожевъ Василій Николаевичъ.
Сѣнницкій Александръ Ігнатьевичъ.
Токмаковъ Иванъ Феодоровичъ.
Толетовъ Николай Константиновичъ.
Графъ Толстой Иванъ Ивановичъ
Трутовскій Владиміръ Константиновичъ.
Уляницкій Владиміръ Антоновичъ.
Успенскій Феодоръ Ивановичъ.
Филипповъ Михаилъ Ивановичъ.
Фурсенко Василій Ивановичъ.
Фурсенко Владиміръ Васильевичъ.
Харченко Яковъ Тарасовичъ.
Шведовъ Михаилъ Матв'євичъ.
Шевченко Захаръ Мартыновичъ.
Шкорпиль Владиславъ Вячеславовичъ.
Шлее Францъ Матв'євичъ.
Графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ
Шмурло Евгеній Францовичъ.
Шигель Фердинандъ Андреевичъ.
Фонъ-Штернъ Эрнестъ Романовичъ
Ящуржинскій Хрисантъ Петровичъ.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММІССІЇ

Засіданіе 4-го фебруя 1905 року.

Подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Коммиссіи А. Н. Пльина присутствовали члены Коммиссіи: П. С. Грушинскій, Аблакимъ Куламетъ-оглу эфенди, Ш. В. Масловъ, Д. С. Матвієвъ, Х. А. Монастырлы, Я. В. Ратиборъ-Уличный, А. К. Романюкъ, А. И. Ружицкій, протоіерей А. Н. Сердобольскій, М. М. Шведовъ и правитель дѣлъ А. И. Маркевичъ.

I. По открытіи засѣданія, г. предсѣдатель заявилъ о кончинѣ 21 января члена Коммиссіи т. с. Анатолія Викторовича Половцова, начальника общаго архива министерства императорскаго двора, и пригласилъ собраніе почтить ого память вставаніемъ, что и было исполнено присутствующими.

II. Доложенъ протоколъ предыдущаго засѣданія Коммиссіи.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено письмо графини П. С. Уваровой отъ 2-го сентября 1904 года съ выражениемъ признательности за избраніе ея въ почетные члены Коммиссіи и готовности содѣйствовать трудамъ Коммиссіи по изученію родной старины.

Постановлено: записать въ протоколъ.

IV. Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 16 декабря 1904 года за № 1975, съ увѣдомленіемъ о препровожденіи для музея Таврической Ученой Архивной Коммиссіи глиняной амфоры, вышавшей

въ 1900 г. на берегъ р. Конки близъ с. Большой-Знаменки, Мелитопольского уѣзда, Таврической губерніи.

Постановлено: выразить благодарность за это пожертвование.

V. Доложено отношение Императорской Археологической Комиссии отъ 9 января 1905 г. за № 137, съ увѣдомлениемъ, что въ виду обстоятельствъ военного времени министерство внутреннихъ дѣлъ признало неудобнымъ ходатайствовать объ ассигнованіи изъ средствъ государственного казначейства какой-либо суммы на поддержание генуэзской крѣпости въ Балаклавѣ и что ограниченность бюджета Императорской Археологической Комиссии не позволяетъ ей принять на себя этотъ расходъ.

Постановлено: записать въ протоколь.

VI. Доложено отношение Таврическаго губернского правленія отъ 25 ноября 1904 года за № 1048, съ увѣдомлениемъ о томъ, что въ Евпаторийскомъ уѣздномъ полицейскомъ управлениі хранится дѣла и книги бывшаго Евпаторийского земскаго суда съ 1846 по 1864 г.г. и дѣла Евпаторийского уѣздного полицейскаго управления съ 1844 по 1864 г., въ связкахъ, но безъ описей, и просьбой, не принастѣ ли Комиссія возможнымъ принять на себя трудъ разсмотрѣнія означенныхъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы дѣла, не имѣющія значенія, были возвращены въ полицейское управление для уничтоженія.

Постановлено: просить распоряженія Таврическаго губернского правленія о составленіи въ Евпаторийскомъ уѣздномъ полицейскомъ управлениі описей означенныхъ дѣламъ, на основаніи которыхъ Таврическая Ученая Архивная Комиссія могла бы приступить къ разсмотрѣнію дѣлъ на мѣстѣ или въ Симферополѣ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ Комиссія не можетъ принять на себя расхода по возвращенію ихъ въ Евпаторію.

VII. Доложено отношение Вятской Ученой Архивной Комиссии отъ 23 декабря 1904 г. за № 21 съ увѣдомлениемъ объ открытіи ея и просьбой вступить въ обмѣнъ изданіями.

Постановлено: выслать Вятской Ученой Архивной Комиссии полный экземпляръ „Извѣстій“ и просить о присылкѣ трудовъ Вятской Комиссіи.

VIII. Доложено отношение Императорской Археологической Комиссии отъ 25 января с. г. за № 180 съ прось-

бой о высылкѣ 1-го, 8-го и 10-го выпускъвъ „Извѣстій“ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Постановлено: выслать.

IX. Доложены письма Н. И. Рѣнникова и Н. М. Печенина съ выраженіемъ благодарности за избраніе ихъ въ члены Коммиссіи

Постановлено: записать въ протоколь.

X. Должена переписка относительно перевозки въ Симферополь каменной бабы, принадлежащей крестьянину сел. Дѣвненскаго, Покровской волости Бердянскаго уѣзда, Константина Чепеленко, при чемъ оказалось, что упаковка каменной бабы въ ящикъ и провозъ до желѣзной дороги и отъ ст. Мелитополь до ст. Симферополь будетъ стоить приблизительно 20 рублей.

Постановлено: выслать приставу 2-го стана Бердянскаго уѣзда 20 рублей, нужные для перевозки означенной каменной бабы въ Симферополь, по исполненіе этого постановленія отложить до окончанія предположеннаго ремонта зданія губернской земской управы

XI. Должено письмо вдовы Рогины Мартыновны Таль, живущей въ г. Евпаторіи, отъ 22 января 1905 года, относительно найденныхъ на ея землѣ двадцати пяти старыхъ мѣдныхъ монетъ, препровожденыхъ для разсмотрѣнія въ Архивную Коммиссию.

Постановлено: уведомить г-жу Таль, что означенныя монеты оказались татарскими и совершиенно перергавѣшими, вслѣдствіе чего никакой цѣнности не представляютъ.

XII. Должено отношеніе Одесской городской публичной библіотеки отъ 6 января 1902 года, съ выраженіемъ благодарности за присылку „Извѣстій“ Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколь.

XIII. Должено отношеніе Исторической Коммиссіи при Константиновскомъ артиллерійскомъ училищѣ съ просьбой доставить ей матеріалы, коими располагаетъ Таврическая Ученая Архивная Коммиссія и которыя касаются исторіи и жизни дворянскаго полка и преемственныхъ ему Константиновскаго кадетскаго корпуса, 2-го Константиновскаго военного училища и Константиновскаго артиллерійскаго училища, такъ и лицъ, служившихъ и потрудившихся въ этихъ учрежденіяхъ.

Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что онъ былъ экстерномъ Константиновскаго кадетскаго корпуса 1-го приема

1857 года, и сообщить въ означенную Коммиссію имѣющіяся у него свѣдѣнія о жизни и дѣятельности этого корпуса въ то время.

Постановлено: записать въ протоколь.

XIV. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи Л. П. Колли подъ заглавіемъ: „Христофоро Ди-Негро, послѣдній консулъ Сольдан (1469—1475 г.г.)“.

По выслушаніи этого весьма интереснаго сообщенія, проливающаго свѣтъ на мало обслѣдованную еще эпоху жизни Тавриды, *постановлено:* благодарить Л. П. Колли за его почитенный трудъ, который напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

XV. Доложено письмо Л. П. Колли съ сообщеніемъ, что имть, по приглашенію Феодосійскаго исправника, разсмотрѣно имъ въ теченіе трехъ недѣль, вместо заболѣвшаго Я. В. Иванова, около 3000 дѣлъ Феодосійскаго уѣзднаго полицейскаго управления. Всѣ эти дѣла касаются мелкой администрации-полицейской переписки, и то черновикахъ, такъ какъ оригиналы ихъ были въ свое время препровождены въ губернское правленіе, и никакого интереса въ историческомъ или бытовомъ отношеніи не представляютъ. Къ этому правитель дѣлъ присовокупилъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ архивъ Феодосійскаго полицейскаго управлениія былъ разсмотрѣнъ на мѣстѣ членомъ Коммиссіи А. К. Романюкомъ, и всѣ заслуживающія храненія дѣла и книги этого архива были имъ отобраны и доставлены въ Коммиссію.

Постановлено: благодарить Л. П. Колли за его трудъ.

XVI. Членъ комиссіи Аблакимъ Куламетъ-оглу представилъ одиннадцать документовъ на татарскомъ языкѣ, полученныхъ отъ Батыра мурзы Ширинскаго для передачи въ музей Архивной Коммиссіи. Всѣ эти документы были переведены на русскій языкъ членами Коммиссіи: Х. А. Монастырлы, Р. Г. Касабовымъ и Аблакимомъ Куламетъ оглу Әфенди. Пять изъ этихъ документовъ оказались ярлыками и два фирмансами послѣднихъ Крымскихъ хановъ относительно права владѣнія земельными участками, остальные—копіи указа Императрицы Екатерины II отъ 19 октября 1792 г., копія правилъ для отыскивающихъ дворянское происхожденіе, перечисленіе (въ копіи) предметовъ, которые вручались султаномъ Крымскимъ ханамъ при утвержденіи ихъ въ этомъ званіи и одно подлинное рѣшеніе кадія. *Постановлено:* выразить благодарность Батыру мурзѣ Ширинско-

му за доставленіе этихъ документовъ, которые напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Коммиссіи, и благодарить упомянутыхъ членовъ Коммиссіи, потрудившихся надъ переводомъ этихъ бумагъ.

XVII. Должено письмо члена Коммиссіи А. Л. Бертье-Делагарда съ просябою исправить неточность въ отчетѣ о дѣятельности Коммиссіи въ 1903 году, именно указаніе, что ремонтъ мечети въ Старомъ-Крыму порученъ ему. „Объ этомъ я самъ, пишетъ Бертье-Делагардъ, не только ничего не знаю, но и ни въ какомъ случаѣ не могъ бы взять на себя такого дѣла, такъ какъ живу слишкомъ далеко. Ко мнѣ обращалась Императорская Археологическая Коммиссія съ просябою указать г Таврическому губернатору, что именно надобно сдѣлать для поддержанія и возможной реставраціи мечети Узбека, что я исполнилъ, совмѣстно съ архитекторомъ, командированнымъ г. Таврическимъ губернаторомъ; актъ, нами составленный, взять архитекторомъ для представленія куда ему сказано; мои словесныя, подробныя указанія обѣщано принять въ соображеніе. Это все, что мнѣ извѣстно по настоящему вопросу. Какимъ образомъ вычисленна сумма въ 780 р., да еще и съ копейками, совсѣмъ не понимаю, но могу сказать, что ся ни въ какомъ случаѣ не будетъ достаточно на сколько нибудь пристойную реставрацію, чего мечеть вполнѣ стоитъ и чего населеніе ни въ какомъ случаѣ сдѣлать не можетъ, ибо прихожанъ этой мечети совсѣмъ не осталось. Думаю, что на это дѣло совершенно справедливо было бы обратить вакуфы или какие иные запасные магометанскаго населенія капиталы“.

Постановлено: внести въ протоколъ настоящаго засѣданія.

XVIII. Предсѣдатель Коммиссіи сообщилъ о томъ, что старожилъ г. Симферополя М. Е. Славинскій пожертвовалъ для музея Коммиссіи: а) старинную карту Крыма: „Post Karte von der Halbinsel Taurien oder Krim 1788 г. Pour Servir de renseignemens à la Carte des Limites des trois Empires de la Guerre de 1787 entre la Russie et les Turcs“. Подпись: H. Benedicki Sc. б) Видъ г. Симферополя съ восточной стороны 1855 г., представляющій гравированный снимокъ того-же года съ рисунка Ф. Гросса, исполненного по случаю посыщенія гор. Симферополя императоромъ Александромъ II 27 октября 1855 года.

При этомъ А. Н. Ильинъ выразилъ желаніе передасть на свой счетъ указанный видъ Симферополя, особенно интересный въ настоящее время въ виду исполнившагося 50-лѣтія со времени Крымской войны.

Постановлено: благодарить М. Е. Славинскаго за его пожертвованіе для музея Комиссіи, а А. Н. Ильина за его трудъ, который потребуетъ значительныхъ расходовъ.

XIX. Доложено о поступившихъ въ библіотеку Комиссіи слѣдующихъ изданіяхъ, книгахъ и броширахъ:

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ: т. XIX ея „Извѣстій“. Спб. 1903 г.

2. Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: а) Древности, т. XX, вып. II. М. 1904 г. и б) Правила XIII-го археологическаго съзыва въ Екатеринославѣ въ 1905 году.

3. Отъ Русскаго Генеалогическаго Общества: ея „Извѣстія“, вып. второй. Спб. 1903 г.

4. Отъ Кіевской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ: Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. X, XI и XII. Кіевъ, 1904 г.

5. Отъ Университета Св. Владимира: „Университетскія Извѣстія“, №№ 10, 11 и 12-й за 1904 годъ.

6. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученія Записки, №№ 4 и 5 за 1904 годъ.

7. Отъ Историко-филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ: Извѣстія, т. XXI, 1904 г.

8. Отъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института: Извѣстія, т. II, вып. I—2. Спб. 1904 г.

9. Отъ Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссийскомъ Университетѣ: т. XI, под. отд. вып. I. Одесса 1904 г.

10. Отъ Общества исторіи, филологии и права при Императорскомъ Варшавскомъ университете: Записки, вып. 3. Варшава, 1904 г.

11. Отъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи: вып. XIII ея „Трудовъ“ (статья о башкирскихъ тамгахъ Д. Н. Соколова). Оренб. 1904 г.

12. Отъ Пермской Ученой Архивной Комиссіи: вып. VIII ея трудовъ 1904 г.

13. Отъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи: т. XIX, вып. 2-й ея „Трудовъ“.

14. Отъ Пензенской Ученой Архивной Коммиссіи: кн. II-я ея „Трудовъ“.
15. Отъ Екатеринославской Ученой Архивной Коммиссіи ея „Лѣтопись“, годъ первый. 1904 г.
16. Отъ Крымского Горнаго Клуба: его „Записки“, №№ 7—9 и 10—12 за 1904 г.
17. Отъ Редакціи „Таврическихъ Епархиальныхъ Вѣдомостей“ №№ 21, 22, 23 и 24 за 1904 г. и 1, 2 и 3 за 1905 г.
18. Отъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края: Уставъ этого Общества.
19. Отъ члена Коммиссіи проф. В. С. Иконникова его трудъ: „Кievъ въ 1654—1855 гг. Исторический очеркъ. 1904 г.
20. Отъ члена Коммиссіи проф. Н. Н. Любовича его трудъ: „Хозяйство и финансы польскихъ городовъ въ XIV и XV вв. Варшава 1904 г.
21. Отъ члена Коммиссіи А. Н. Нарцова его труды: а) Историко-археологическая карта Тамбовской губ., б) Губернская ученая архивная комиссія и ихъ значеніе; в) О бронзовомъ бурханѣ, найд. въ Козловскомъ уѣздѣ; г) О каменныхъ бабахъ.
22. Отъ члена Коммиссіи В. В. Шкоршила его статья: Керамическая надписи, пріобрѣтеныя Керченскимъ музеемъ древностей въ 1901 и 1902 годахъ.
23. Отъ И. Я. Кривоцекова: Географический очеркъ Пермской губерніи.
24. Отъ члена Коммиссіи проф. У. Л. Пича: „Památky archeologické a městské, t. XXI, вып. III—IV.
25. Отъ Ученаго общества имени Шевченка во Львовѣ №№ 17 и 18 его „Хроники“.

Засѣданіе 4-го мая 1905 года.

Подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Коммиссіи А. Н. Ильина присутствовали: товарищъ предсѣдателя А. В. Ивановъ, Р. Г. Касабовъ, П. В. Масловъ, Я. Ч. Ратиборъ-Уличный, А. К. Романюкъ, А. И. Ружицкій, М. М. Шведовъ и правитель дѣлъ А. И. Маркевичъ.

I. По открытии засѣданія, предсѣдатель Коммиссіи напомнилъ о понесенной Коммиссіей тяжелой утратѣ въ лицѣ скончавшагося 22-го апрѣля почетнаго члена ея гофмайстора Высочайшаго Двора графа Сергія Владиміровича Орло-

ва-Давыдова и охарактизовалъ покойного, какъ человѣка доброй души, извѣстнаго своей широкой благотворительностью, внесшаго крупный вкладъ для усиленія средствъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, дѣятельности которой онъ искренно сочувствовалъ. По приглашенію А. Н. Ильина, присутствовавшіе въ засѣданіи почтили его память вставаніемъ.

II. Доложенье протоколъ предыдущаго засѣданія.

Постановлено: утвердить.

III. Доложенье правителемъ дѣлъ отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за 1904 годъ.

Постановлено: утвердить.

IV. Избрана была Коммиссія изъ М. М. Шведова, А. И. Ружицкаго и Я. Ч. Ратибора-Уличнаго для пр ovѣрки денежнай отчетности за 1904 годъ и приходо-расходныхъ книгъ. Коммиссія нашла, что приходо-расходныя книги велись правильно и денежный отчетъ составленъ вѣрно.

Постановлено: записать въ протоколъ.

V. А. К. Романюкъ прочелъ записку, въ которой указалъ на недостатокъ средствъ Коммиссіи для развитія ея дѣятельности и предложилъ мѣры къ улучшенію ихъ. По выслушаніи означенной записки и обмѣна мыслей по ея содержанію, было *постановлено:* въ видахъ усиленія средствъ Коммиссіи признать жалательнымъ вносить всѣми членами Коммиссіи (отъ 3-хъ рублей въ годъ) и получение „Извѣстій“ Коммиссіи членами ея не бесплатно, а за плату, по 50 коп. за выпускъ.

VI. Доложены отношенія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 1 февраля 1905 г. за № 190 и 24 февраля за № 245, съ просьбой о сообщеніи ему отчета о годовой дѣятельности находящагося при Архивной Коммиссіи подготовительного Комитета по устройству Екатеринославскаго Археологическаго съѣзда. При этомъ Общество увѣдомляетъ, что членскіе билеты на съѣздъ отпечатаны. Правитель дѣлъ доложилъ, что особаго предварительного комитета по устройству Археологическаго Съѣзда при Коммиссіи не было, но Коммиссія, исполнняя порученіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, занята была собираниемъ къ съѣзду скѣдѣній о каменныхъ бабахъ, находящихся въ Таврической губерніи, списокъ которыхъ уже представленъ Обществу. Другихъ работъ къ означеному съѣзду Коммиссія исполнить не

могла, вслѣдствіо того, что мѣстные члены Комиссіи были отвлечены въ послѣднее время другими неотложными работами, главнымъ образомъ разсмотрѣніемъ въ мѣстныхъ архивахъ дѣлъ, касающихся Крымской войны, въ виду истекшаго 50-лѣтія со времени ея.

Постановлено: записать въ протоколъ.

VII. Согласно приглашенію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества принять участіе въ Екатеринославскомъ Археологическомъ съѣздѣ, высказали желаніе быть представителями Комиссіи въ означенномъ съѣздѣ Предсѣдатель Комиссіи А. Н. Ильинъ и правитель дѣлъ А. И. Маркевичъ. Кромѣ того, правитель дѣлъ предложилъ въ депутаты Комиссіи члена ея Л. П. Колли, съ согласія послѣдняго.

Постановлено: увѣдомить Императорское Московское Археологическое Общество о томъ, что представителями Комиссіи въ Екатеринославскомъ Археологическомъ съѣздѣ имѣютъ быть предсѣдатель ея А. Н. Ильинъ, правитель дѣлъ А. И. Маркевичъ и членъ Комиссіи Л. П. Колли.

VIII. Доложено отношеніе Таврическаго губернскаго правленія, отъ 9 апрѣля 1905 года за № 655 съ увѣдомленіемъ, что находящіяся въ Таунанъ-Базарской шоссейной казармѣ, у сторожка, двѣ старыя чугунныя плиты должны быть пересланы въ музей Императора Николая I, устроенный при министерствѣ путей сообщенія; но въ виду того, что плиты эти въ техническомъ отношеніи значенія не имѣютъ, начальникъ 3-й дистанціи Крымскихъ шоссе сообщилъ правленію Киевскаго округа путей сообщенія о желаніи Таврической Ученой Архивной Комиссіи помѣстить сказанные плиты въ ея музей, и какое послѣдуетъ съ его стороны распоряженіе, будетъ сообщено Комиссіи. Къ охранѣ плитъ приняты мѣры, доставка же ихъ въ Симферополь будетъ стоить 3 рубля.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

IX. Доложено сообщеніе члена Комиссіи Н. М. Печенкина: „Раскопки въ окрестностяхъ г. Севастополя“.

По заслушаніи этого сообщенія *постановлено:* благодарить г. Печенкина за присылку этого интереснаго сообщенія, которое напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Комиссіи.

X. Доложено сообщеніе члена Комиссіи Л. П. Колли: „Иванъ Ивановичъ Грапперонъ“.

По заслушаніи этого сообщенія, постановлено: благодарить Л. П. Колли за его интересное сообщеніе, которое напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи съ приложеніемъ рисунка осодосійской масонской ложи „Горданъ“.

XI. Доложено сообщеніе Л. П. Колли: „Подлинный портретъ крымского разбойника Алима“. Сообщеніе г. Колли вызвало живой обмѣнъ мыслей. По прочтениіи его постановлено: благодарить г. Колли за это сообщеніе, которое напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи съ приложеніемъ копіи съ присланного г. Колли портрета Алима.

XII. А. К. Романюкъ сдѣлалъ сообщеніе „О всемилостивѣйшемся пожалованіи И. К. Айвазовскому казенной земли“. Поблагодаривъ г. Романюка за сообщеніе, постановили: напечатать его въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

XIII. Выслушавъ заявленіе правительъ дѣлъ о материалахъ, имѣющемъ для слѣдующаго выпуска „Извѣстій“ Коммиссіи, постановили: приступить къ печатанію № 38 „Извѣстій“ въ которомъ помѣстить: отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за 1904 годъ, протоколы съ засѣданій и статьи: А. П. Колли: „Христофоро ди-Негро, послѣдній консулъ Сольдаи“, „Иванъ Ивановичъ Грапперонъ“ и „Подлинный портретъ Алима“, Н. М. Печенкина: „Раскопки въ окрестностяхъ Севастополя“, А. К. Романюка; „О высочайшемъ пожалованіи И. К. Айвазовскому казенной земли“, В. Н. Смирнова: „Изъ воспоминаний о Крымской войнѣ“ и въ русскомъ переводахъ документы, пожертвованные въ Коммиссію Батырь-муразою Ширинскимъ.

XIV. Доложено отношеніе г. предсѣдателя Мелитопольской уѣздной земской управы отъ 5 апрѣля 1905 года за № 2240 съ препровожденіемъ для музея Коммиссіи фотографического снимка памятника на мѣстѣ отдохновенія Императора Александра I-го въ с. Терпѣніи Мелитопольского уѣзда.

Постановлено: выразить благодарность г. предсѣдателю Мелитопольской уѣздной земской управы, а фотографическій снимокъ сдать въ музей Коммиссіи.

XV. Доложено о полученіи слѣдующихъ книгъ для библіотеки Коммиссіи:

1) Отъ Императорской Академіи Наукъ:

а) Отчеть о сорокъ второмъ присуждениі наградъ графа Уварова (Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. VI, № 2). б) Отчетъ о сорокъ третьемъ присуждениі наградъ графа Уварова (Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. VI, № 3). в) Древнерусские поземельные кадастры (т. VI, № 4), А. Н. Микланевскаго. г) *Zur Wanderung der Langobarden, von Friedrich Westberg* (т. VI № 5); *Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums im Asiatischen Museum, von C. Salemann* (т. VI, № 6). д) *Des Klerikers Gregorios Bericht über Leben, Wunderthaten und Translation der Hl. Theodora von Thessalonich*, Herausgegeben von Eduard Kurtz (т. VI, № 1). е) С. Н. Браиловскій. Одинъ изъ пестрыхъ XVII столѣтія (т. V, № 5); ж) Отчеть о седьмомъ присуждениі Академію Наукъ премії митрополита Макарія. з) Отчеть о восьмомъ присуждениі Академію Наукъ премії митрополита Макарія. и) *Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Ч. 2 (Разысканія А. Куника)*. і) Комментарій на записку Ибрагима Ибн-Якуба о славянахъ. Составилъ Фридрихъ Вестбергъ.

2. Отъ Императорской Археологической Коммиссіи:

а) Отчеть за 1902 годъ. б) Извѣстія ея: выпускъ 9-й и прибавленіе къ нему, 10-й и прибавленіе къ нему, 11-й и 12-й.

3. Отъ Императорского Московского Археологического Общества: Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. X-й.

4. Отъ Виленской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ: а) Археологический сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи європейско-западной Руси, т. XIV; б) Подробный каталогъ изданий Коммиссіи съ 1865 по 1905 годъ. в) Т. XXX издаваемыхъ сю актовъ: „Акты Трокского подкоморского суда за 1585—1613 г. Вильна 1904 г. и г) Отчетъ Виленской публичной библіотеки и музея за 1904 г.

5) Отъ Сенатской типографіи: Сенатский архивъ, т. X-й и XI-й.

6) Отъ Подольского церковнаго историко-археологическаго Общества: вып. X его „Трудовъ“. 1904 г.

7) Отъ Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университете: томъ XX, вып. 4—5, и. т. XX, вып. 6 его „Извѣстій“.

8 Отъ Императорского Юрьевского университета №№ 1 и 2 его Ученыхъ Записокъ за 1905 г.

9. Отъ Университета Св. Владимира: Университетская Извѣстія, №№ 1 и 2-й за 1905 г.

10. Отъ С.-Петербургского Политехническаго Института т. II, вып. 3—4 его „Извѣстій“.
11. Отъ Владиворской Ученой Архивной Коммиссіи книга 6-я ся „Трудовъ“.
- 12) Отъ Вятской Ученой Архивной Коммиссіи вып. 1-й ея „Трудовъ“ за 1905 годъ.
13. Отъ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи ся „Извѣстія“, вып. 49 и 50.
14. Отъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи № IX ея „Трудовъ“.
15. Отъ Редакціи Таврическихъ Епархіальныxъ Вѣдомостей №№ 4, 5, 6, 7 и 8-й Вѣдомостей за 1905 годъ.
16. Отъ Крымскаго горнаго клуба: №№ 1, 2, 3 и 4-й его Записокъ за 1905 годъ.
17. Отъ Одесской городской публичной библіотеки Отчетъ за 1904 годъ.
18. Отъ Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи: вып. XIV ея „Трудовъ“.
19. Отъ ученаго Общества имени Шевченка во Львовѣ, Chronic, Heft III, № 19.
20. Отъ Естественно-исторического музея Таврическаго губернского земства: а) Отчетъ за 1904 годъ и брошюры: б) Внутренняя терапія и внѣкорневое питаніе растеній. Вредныя наськомыя Консультативная дѣятельность С. А. Мокржецкаго; в) Зона и головня на хлѣбахъ и мѣры борьбы съ этими болѣзнями С. А. Мокржецкаго.
21. Отъ графа Бобринскаго его сочиненіе: „Херсонесъ Таврическій. Исторический очеркъ“. Спб. 1905 г.
22. Отъ К. А. Иностраницева: „Программа для собиранія этнографическихъ предметовъ“. Изд. 3. Спб. 1904 г. (3 экз.)
23. Отъ С. А. Мокржецкаго брошюра „Самосудъ въ наукѣ“. Симѣ. 1905 г.
24. Отъ члена Коммиссіи И. И. Казаса: Dictionnaire des antiquit es grecques et romaines, par Darenberg et Saglio, 33, 34, 35 и 36 fascicules.

